

НАСЛЕДНИКИ ЗЕМЛИ

ИЛЬДЕФОНСО ФАЛЬКОНЕС

— РОМАН —

The Big Book

Ильдефонсо Фальконес

Наследники земли

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44

Фальконес И.

Наследники земли / И. Фальконес — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-23261-7

Спустя десять лет после событий величественной саги Ильдефонсо Фальконеса «Собор у моря» мы возвращаемся в средневековую Барселону, где главный герой «Собора» Арнау Эстаньола – немолодой и уважаемый гражданин, а семейство Пуч, его давние враги, повержены. Однако эта благостная картина рассыпается в прах на глазах юного протеже Эстаньола, мальчика по имени Уго Льор, который, успев затвердить самый главный совет своего наставника не склоняться ни перед кем, в двенадцать лет неожиданно обзаводится очень влиятельными врагами. Его мечте строить корабли не суждено сбыться, однако друзья Эстаньола открывают мальчику виноделие; со временем Уго становится уважаемым виноградарем и виночерпием – а также верным другом жестокого корсара, шпионом короля и освободителем рабов. Ильдефонсо Фальконес – юрист по профессии, историк по призванию, один из крупнейших испанских писателей современности, лауреат многочисленных престижных премий, в том числе Euskadi de Plata (2006, Испания), Qué Leer (2007, Испания) и премии Джованни Боккаччо (2007, Италия); его книги уже разошлись общим тиражом более 10 миллионов экземпляров в нескольких десятках стран, а оба романа его барселонской саги стали популярными телесериалами Netflix. «Наследники земли» – грандиозный эпос, в котором обычные люди, пережив безжалостную мясорубку Истории, остаются великанами, умудряются сохранить достоинство и любовь и даже обретают счастье. Справедливость здесь неуловима, однако торжествует, а повествование льется рекой, как вино, действует незаметно и исподволь опьяняет. Впервые на русском!

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-389-23261-7

© Фальконес И., 2016

© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Часть первая. Между морем и землей	7
Часть вторая. Между верностью и предательством	117
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Ильдефонсо Фальконес

Наследники земли

Idefonso Falcones

LOS HEREDEROS DE LA TIERRA

Copyright © 2016, Idefonso Falcones de Sierra

Translated from the original edition of Penguin Random House Grupo Editorial, Barcelona, 2016

All rights reserved

© К. С. Корконосенко, перевод (главы 1–20), 2023

© Б. В. Ковалев, перевод (главы 21–37), 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Ильдефонсо Фальконес де Сьерра родился в 1959 году в семье юриста и домохозяйки. В 17 лет потерял отца и, оставшись без материальной поддержки, вынужден был отказаться от многообещающей карьеры жокея: на тот момент Фальконес был чемпионом Испании среди юниоров по конкуру. Впоследствии изучал юриспруденцию, совмещая учебу с работой в зале для бинго в Барселоне.

Литературный дебют состоялся в 2006 году. К этому времени у автора за плечами было 25 лет успешной юридической практики и собственная адвокатская фирма в Барселоне, семья, четверо детей.

* * *

Киплинг утверждал, что в основе любого великого искусства всегда лежит мастерство, и мы вспоминаем об этом, читая «Наследников земли» – мощное продолжение «Собора у моря»... Отличная историческая сага, погружающая читателя в атмосферу прошлого.

La Vanguardia

Этот роман обещает многое и выполняет свои обещания. Очень непростое свершение – автор имеет полное право гордиться собой.

Crítica de libros

Лучшее в этом романе – сотворение почти волшебного мира узнаваемой Барселоны с ее неведомым прошлым. Фальконес открывает нам это прошлое, расцветивает его и приближает к нам, умно проводя параллели. Благодаря этим параллелям и эффектному воссозданию минувшего «Наследники земли» более чем отвечают нашим самым строгим запросам к хорошему историческому повествованию.

ABC Cultural

Часть первая. Между морем и землей

1

Барселона, 4 января 1387 года

Море бушевало; серое небо хмурилось. На песчаном берегу нервно переминались работники с верфи, лодочники, матросы и бастайши¹; одни, чтобы согреться, потирали руки и хлопали себя по плечам, другие старались укрыться от ледяного ветра. Почти все мужчины молчали, переглядываясь между собой, чтобы не смотреть на яростные волны – туда, где, игрушка во власти бури, беспомощно металась большая галера, рассчитанная на тридцать скамей для гребцов по каждому борту. За последние дни *mestres d'aixa*² с верфи, подмастерья и матросы успели снять все пригодные для разборки части и приспособления: рули, паруса, мачты, реи, скамьи, весла... Лодочники переправили все, что можно было отделить от корабля, на берег – там детали перешли в руки бастайшей, а те уже их разнесли по разным складам. Не забрали только три якоря: именно они, лежа на дне, теперь удерживали «Санта-Марту» – громоздкий бесполезный костяк, принимавший на себя удары волн.

Уго, двенадцатилетний мальчишка с каштановыми волосами, весь замызганный, в грязной рубахе до колен, не сводил пристального взгляда с галеры. С тех пор как Уго начал работать с генуэзцем на верфи, он уже помог вытащить на берег и спустить на воду немало подобных судов, но эта галера была слишком большая, поэтому непогода поставила под угрозу всю операцию. По изначальному плану команда матросов должна была отправиться на «Санта-Марту», снять с якорей, а затем лодочникам полагалось отбуксировать ее к берегу, а там ее встретит ватага работников, которым предстояло втащить галеру внутрь верфи. Там галера должна была перезимовать. Речь шла об упорной и, главное, очень тяжелой работе, требующей применения воротов и блоков, с помощью которых придется тянуть вытащенное на песок судно. Барселона, хотя и являлась наряду с Генуей, Пизой и Венецией одной из важнейших столиц Средиземноморья, не имела порта; у города не было ни укрытий, ни дамб, облегчавших работу тружеников моря. Вход в Барселону представлял собой открытый пляж.

– *Anemmi*³, Уго, – велел мальчику генуэзец.

Уго обернулся к *mestre d'aixa*:

– Но ведь...

– Не спорь, – оборвал генуэзец. – Управляющий верфью, – мужчина кивнул в сторону группы, стоявшей чуть поодаль, – только что пожал руку старшине лодочников. Это означает, что они пришли к соглашению о новой сумме, которую король выплатит за дополнительный риск: работу в условиях шторма. Мы вытащим эту галеру из воды! *Anemmi*, – еще раз повторил генуэзец.

Уго наклонился и обхватил железное ядро, прикованное цепью к правой лодыжке мастера, не без усилия поднял груз и прижал к животу.

– Готов? – спросил генуэзец.

– Да.

– Старший мастер нас ждет.

Мальчик тащил железное ядро, не дававшее *mestre d'aixa* свободно двигаться. Уго с генуэзцем шли по берегу, огибая людей, тоже узнавших о заключенном договоре: теперь работники

---

¹ *Бастайши* — цеховая организация портовых грузчиков в средневековой Барселоне. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Мастера-корабелы (*кат.*; буквально – мастера тесла).

³ Пойдем (*кат.*).

возбужденно переговаривались, кричали, размахивали руками и снова кричали в ожидании команд от старшего мастера. Были среди людей на берегу и другие генуэзцы, тоже плененные на море и обездвиженные с помощью железных ядер; при каждом пленнике состоял свой мальчик, который держал груз на руках, пока чужеземцы принудительно трудились на каталонской верфи.

Доменико Блазио – именно так именовался генуэзец, которого сопровождал Уго, – был одним из лучших *mestre d'aixa* на всем Средиземноморье – быть может, даже более искусным, чем сам старший мастер. Генуэзец взял Уго к себе в ученики по просьбе *мисера*⁴ Арнау Эстаньола и Жоана Наварро, толстяка с круглой лысой головой, помощника управляющего верфью. Поначалу Доменико обходился с учеником неласково, хотя во время работы с деревом мастер вообще забывал о своем несвободном положении – вот с какой страстью этот человек отдавал себя постройке кораблей; однако с тех пор, как король Педро Церемонный заключил временное перемирие с Генуэзской республикой, все пленники на верфи ожидали освобождения каталонских пленников, за которым должно было последовать и освобождение генуэзцев. А учитель между тем изменил свое мнение об Уго и принялся посвящать мальчика в секреты ремесла, так высоко ценимого по всему Средиземноморью, – строительства кораблей.

Уго опустил ядро на песок за спиной у генуэзца; лучшие корабельщики и моряки собрались вокруг старшего мастера. Мальчик окинул взглядом берег. Всеобщее возбуждение нарастало: беготня рабочих, готовящих инструменты, крики, команды старшин; люди похлопывали друг друга по спине, пытаясь совладать с ветром, холодом и серым туманом, таким необычным для края, всегда омытого сиянием солнца. Несмотря на то что в обязанности Уго входило лишь перетаскивание тяжелого шара, мальчику нашлось место в группе мастеров, чем он был очень горд. На кромке берега перед верфью собралась целая толпа: все кричали и хлопали в ладоши. Там были матросы с лопатами, готовые копать ров для прохождения галеры, другие готовили вороты, шкивы и канаты, плотники тащили деревянные траверсы, смазанные жиром или покрытые слоем травы, – по этим траверсам галеру затянут внутрь верфи; многие явились к месту сбора с длинными шестами; бастайшам предстояло тянуть канаты...

Уго позабыл о генуэзце, бросил железное ядро и понесся к большой группе собравшихся на берегу бастайшей. Мужчины были рады встрече, шутливо трепали паренька по затылку. «Куда ты подевал ядро?» – спросил один, чтобы развеять напряженную атмосферу ожидания. Бастайши знали Уго, или, лучше сказать, знали, какую заботу проявляет о нем мисер Арнау Эстаньол – старик, стоящий в самом центре группы, совершенный малыш на фоне здоровяков из братства барселонских грузчиков. Кто таков Арнау Эстаньол, знали все: люди до сих пор дивились его истории, старые до сих пор рассказывали молодым, какую пользу Эстаньол принес всему братству и каждому из бастайшей в отдельности. Уго молча встал рядом с мисером Арнау, как будто принадлежал ему безраздельно. Старик, не прерывая беседы, взъерошил его волосы. Речь шла об опасности, которая грозила лодочникам при буксировке галеры, а еще об опасности, которая возникнет при обвязке галеры канатами в открытом море. Корабль может перевернуться. Волны очень высоки, а большинство бастайшей не умеют плавать.

- Уго! – яростный возглас перекрыл разговор грузчиков.
- Ты снова бросил своего учителя? – попенял мальчику Арнау.
- Ему пока что не нужно работать, – оправдывался Уго.
- Отправляйся к нему.
- Но...
- Отправляйся.

Подхватив ядро, Уго поплелся вдоль берега вслед за генуэзцем, раздававшим команды направо и налево. Старший мастер уважал Доменико, подчиненные тоже его уважали; никто не

---

⁴ *Мисер* – уважительное обращение к взрослому мужчине.

ставил под сомнение его искусность. Суматоха поднялась в тот момент, когда лодочникам удалось подобраться к «Санта-Марте», зацепившись за ее борта, снять корабль с якорей и начать буксировку к берегу. Галеру тянули четыре большие лодки, по две с каждой стороны. Многие взирали на эту сцену с ужасом, тревога отражалась на лицах, виделась в судорожном сплетении рук. Но большинство людей на берегу подбадривали сотоварищей ликующими выкриками.

– Уго, не отвлекайся, – призвал ученика к порядку генуэзец.

А внимание ученика было приковано к той точке, куда смотрели все: к едва не перевернувшейся лодке и к двум гребцам, которые вывалились за борт. Сумеют ли они забраться обратно?

– Мастер... – взмолился мальчик, не в силах отвести глаз от лодочников, спасавших своих товарищей, а «Санта-Марта» тем временем кренилась набок из-за маневров злосчастной лодки.

Уго дрожал. Он видел в этой сцене отражение той, другой, о которой ему рассказывали моряки: два года назад при таких же обстоятельствах погиб его отец, захлебнувшись в волнах по пути на Сицилию. Генуэзец понял, что происходит с мальчиком: он тоже слышал об отце Уго и сам был захвачен борьбой, происходившей вдали от берега.

Одному из гребцов удалось подобраться к лодке; другой отчаянно барахтался в волнах. Но его не собирались бросать в беде. На лодке перестали тянуть галеру, отпустили канат и подошли к тому месту, где скрылись в волнах руки тонущего. Вскоре обе руки снова показались над водой. Люди на берегу выдохнули почти одновременно. А потом руки снова исчезли. Течение уносило пловца в открытое море. Теперь уже и вторая лодка отвязала канат, ее примеру последовали и лодки, тянувшие галеру с другого борта. На всех четырех суденышках гребцы старались что есть мочи, спеша на помощь товарищу; люди на берегу тоже поддерживали их, всяк по-разному: криками, молитвами, молчанием.

Уго почувствовал, как впилась в его плечи руки мастера. Но не издал ни звука.

А пока лодочники спасали товарища, «Санта-Марта», гонимая течением, приближалась к маленькому мысу Сант-Дамья. Если кто-то на секунду и переводил взгляд на галеру, то сразу же возвращался к маневрам четырех лодок. Вот на одной из них подали какой-то знак: кто-то счел его добрым и рухнул на колени, но большинству показалось, что одного сигнала недостаточно. А вдруг это случайность? И наконец сигналы повторились: гребцы на всех лодках вскинули вверх руки со сжатыми кулаками, как будто стремясь поразить само небо. Сомнений больше не оставалось: лодки возвращаются. Гребцы торопились к берегу, а люди на пляже выплескивали свое ликование смехом, объятиями и слезами.

Уго почувствовал, как мастера отпускает напряжение, но сам продолжал дрожать. Его отцу ничем нельзя было помочь, в этом клялись все свидетели. И теперь Уго воображал, как отец вздымает из воды руки, зовет на помощь, как и этот лодочник, упавший за борт.

Стоявший позади генуэзец протянул ладонь и ласково потрепал мальчика по щеке.

– Море умеет быть и нежным, и жестоким, – шепнул *mestre d'aixa*. – Возможно, сегодня именно твой отец пришел на помощь этому человеку – снизу, из пучины.

А на «Санта-Марту» все это время продолжали накатывать волны, крушившие галеру о скалистый мыс.

– Вот что бывает, если разрешать навигацию в ненадлежащее время, не с апреля по октябрь, – толковал мальчику Арнау Эстаньол.

Они шли по кварталу Рибера; со дня крушения «Санта-Марты» миновали сутки. Рабочие с верфи подбирали обломки галеры, которые море выносило на берег, и старались спасти все, что возможно, с маленького мыса Сант-Дамья. Генуэзец с ядром на ноге не мог работать на мысе, поэтому они с Уго наслаждались свободным днем, и завтра их тоже ждал праздник, Богоявление, которое в этом году к тому же пришлось на воскресенье.

– Теперь галеры стали лучше, – продолжал рассказывать Арнау, – больше скамей и весел, из лучшего дерева и железа, да и мастера стали опытнее. Накопленные знания усовершенствовали искусство навигации, и некоторые мореплаватели отваживаются бросить вызов зиме. Они забывают, что море не прощает неосмотрительности.

Они возвращались в церковь Святой Марии, чтобы вложить в кассу благотворительного общества «Блюдо стыдящихся бедняков» подаяние, которое собирали от дома к дому. Общество получало щедрые пожертвования и владело виноградниками, домами, мастерскими, рентами...

Однако мисеру Арнау нравилось побуждать людей к милосердию, а хождение от дома к дому являлось для распорядителей общества делом обязательным. С тех пор как Арнау пришел на помощь семье Уго, чтобы от имени Святой Марии у Моря избавить от нищеты, пришедшей вместе со смертью главы семейства, мальчик помогал Эстаньолу со сбором милостыни, которая попадала в руки таких же горемык. Уго знал тех, кто дает, но не знал тех, кто получает.

– Почему же?.. – робко начал мальчик. Арнау милостивым кивком призвал его продолжать. – Почему такой человек, как вы... ходит и просит подаяния?

Арнау мягко улыбнулся и только потом ответил:

– Просить подаяния для нуждающихся – привилегия, Божья милость, в этом нет ничего зазорного. Никто из тех, к кому мы приходим, не даст ни единой монетки людям, к которым не испытывает доверия. Распорядители должны быть известными в Барселоне людьми, им действительно приходится просить милостыню ради бедняков. И знаешь, что я тебе скажу? – Мальчику даже не пришлось мотать головой, мисер Арнау и не ждал ответа. – Мы, распорядители, не обязаны давать отчет о том, как мы тратим деньги из «Блюда»: не только о собранных нами, но и обо всех деньгах вообще. Никому, даже архидакону Святой Марии. Даже самому епископу! И таким доверием могут быть облечены только лучшие люди города. Никто не знает, кому или какой семье я передам пожертвования благочестивых горожан.

Уго регулярно сопровождал мисера Арнау в его хождениях, пока Эстаньол не подыскал для паренька работу на верфи, при генуэзце, чтобы его подопечный научился строить корабли и когда-нибудь сделался славным *mestre d'aixa*. Еще до того, как Уго начал работать на верфи, Арнау приставил к делу и его младшую сестру Арсенду: отправил девочку в услужение к монахине в монастырь Жункерес. Та согласилась одевать, кормить и воспитывать девочку, сделать из нее достойную женщину, а по истечении десяти лет выдать ей двадцать либр в качестве приданого для свадьбы; все это значилось в договоре, который Арнау подписал с монахиней из Жункереса.

Восторг, с каким Уго пришел на верфь и с головой окунулся в корабельное дело (даже притом что единственной его обязанностью было носить ядро за генуэзцем), вскоре омрачили последствия, ударившие по его матери Антонине.

– Жить там? Ночевать там? – испугался мальчик, когда матушка рассказала ему о переменах в его жизни. – Но почему я не могу работать, а потом возвращаться сюда, к вам, как и раньше?

– Потому что я больше не буду здесь жить, – мягко ответила Антонина, приводя свой последний аргумент.

Мальчик замотал головой:

– В нашем доме...

– Уго, я не смогу за него платить. Бедные вдовы с детьми – это как бесполезные старухи: в этом городе нам рассчитывать не на что. И тебе следует это знать.

– Но мисер Арнау...

Антонина снова перебила сына:

– Мисер Арнау нашел для меня работу, за которую мне будут давать одежду, постель, еду и, может быть, даже какие-то деньги. Если твоя сестра в монастыре, а ты на верфи – что мне тут делать одной?

– Нет! – Уго прижался к материнской груди.

Королевская верфь Барселоны выходила прямо к морю. Это было сооружение из восьми пролетов, опирающихся на колонны и покрытых двускатными крышами, а в глубине располагался двор, достаточно просторный, чтобы строить там большие галеры. За двором находилось еще одно сооружение из восьми пролетов – высоких, светлых, приспособленных для строительства, ремонта и хранения каталонских кораблей. Довершали этот грандиозный проект, начатый еще при короле Хайме, а затем поддержанный Педро Третьим Церемонным, четыре башни, по одной на каждом углу.

Рядом с пролетами, башнями и прудами, откуда брали воду, чтобы смачивать древесину, располагались склады, где хранилось все, что потребно для галер: древесина и железо, весла, а также оружие – арбалеты, стрелы, косы, кулебрины, топоры, кувшины с негашеной известью, чтобы ослеплять врага, идущего на abordaj; с мыльной водой, поливать палубу, чтобы враг скользил; или смолой, поджигать его корабли; длинные щиты, которые устанавливали вдоль бортов галеры, чтобы защитить гребцов во время боя; кожи, которыми прикрывали корпус, чтобы враг не поджег корабль; паруса, флаги и гвозди; цепи, якоря, мачты, фонари – одним словом, бесконечное множество деталей и приспособлений.

Верфь стояла на краю Барселоны, вдалеке от церкви Святой Марии у Моря, вблизи монастыря Фраменорс, но если монахи находились под защитой старых городских стен, то верфь дожидалась строительства новой стены, которую приказал возвести вокруг нее Педро Третий. Укрепления до сих пор не было, как не было и денег на продолжение работ по огораживанию нового квартала под названием Раваль.

Антонина не пошла вместе с сыном.

– Ты теперь мужчина. Помни о своем отце.

Мать простилась с ним, гордо выпрямившись, притворяясь спокойной, держась, несмотря на всю свою боль, на расстоянии в два шага и умоляя небеса, чтобы мисер Арнау поскорее увел мальчика, – тогда она наконец сможет выплакать свое горе в одиночку.

Арнау все понял и мягко подтолкнул своего подопечного в спину.

– Вы по-прежнему будете видеться, – пообещал он мальчику, который так и шел, глядя назад.

Через несколько дней Уго уже вполне приспособился к новым обстоятельствам и побежал в город проведать матушку. Мисер Арнау рассказывал, что Антонину устроили служанкой в дом перчаточника, на улице Каналс, что возле канала Комтал, за церковью Святой Марии.

– Ну, раз это твой сынок, так и проваливай с ним! – грубо выкрикнула жена перчаточника в ответ на робкие оправдания Антонины, обнимавшей сына на пороге дома. – Ты же ни на что не годна: только в рыбе и разбираешься! В богатом доме никогда не работала. А ты!.. – Женщина ткнула пальцем в Уго. – Ты вообще убирайся!

Хозяйка ждала, уперев руки в боки. Уго подчинился взгляду матушки, какому-то чужому, и побрел прочь, пораженный скорбью и бессилием в ее глазах, совсем еще недавно лучившихся радостью и надеждой. Антонина посмотрела, как Уго отошел на несколько шагов; потом, когда из-за захлопнутой двери дома по проулку разнеслась ругань хозяйки, он безудержно разрыдался.

Уго все равно продолжал приходить на улицу Каналс в надежде увидеть матушку. В следующий раз мальчик остановился на подходе к дому, ему было негде спрятаться в узком проулке. «Что ты тут забыл, сопляк? – заорала женщина из окна третьего этажа. – Стащить что-

то собрался? Пошел отсюда!» Подумав, что крики насторожат жену перчаточника и матушка получит новую взбучку, Уго зашагал быстрее и скрылся за углом.

С тех пор Уго ограничивался прогулками взад и вперед по улице Каналс, как будто направлялся совсем в другое место, при этом он как можно дольше задерживался перед домом перчаточника, мурлыча песенку, которую всегда напевал его отец. Ему ни разу так и не удалось увидеть Антонину.

А когда мальчик уходил прочь, утешая себя надеждой увидеть матушку на воскресной мессе в церкви, он отправлялся в квартал Рибера и искал там мисера Арнау – иногда в Святой Марии, иногда в его доме, прилепившемся к другим моряцким домикам, иногда в конторе, куда Арнау навещался все реже, переложив дела на своих помощников. Если мисера не было в этих трех местах, Уго принимался бродить по улицам. И, как правило, находил. Люди в квартале хорошо знали Арнау Эстаньола, почти все здесь его уважали. Мальчику было достаточно спросить об Эстаньоле в пекарне на Широкой улице, или в мясной лавке на Морской, или в любой из двух рыбных лавок, или в сыроварне.

В эти дни Уго узнал, что у Арнау есть жена, ее зовут Мар. «Она дочь бастайша», – хвалясь супругой старик. А еще есть сын Бернат, чуть постарше самого Уго.

– Так, стало быть, двенадцать? – повторил Арнау, когда Уго в очередной раз назвал ему свой возраст. – Ну а Бернату сравняется шестнадцать. Сейчас он в Александрии, при консульстве, обучается торговому делу и навигации. И надеюсь, уже скоро вернется. Я больше не желаю заниматься никакими делами. Я старик!

– Не говорите так...

– Не спорь со взрослыми, – оборвал Арнау.

Уго так и поступил; старик двинулся дальше, опираясь на его плечо. Мальчику нравилось, когда Арнау так на него опирался. Уго чувствовал себя важным человеком, когда встречи с ними раскланивались; ему очень нравилось отвечать на приветствия – иногда настолько преувеличенно, что это уже выходило за рамки простой вежливости.

– Не следует склоняться так низко ни перед кем, – не выдержал однажды Арнау.

Уго ничего не возразил. Арнау ждал: он успел хорошо изучить своего подопечного и знал, что мальчик еще вернется к этой теме.

– Это вы можете не кланяться, потому что вы знатный горожанин, – наконец заговорил Уго. – А вот я...

– Ты ошибаешься, – поправил Арнау. – Если мне удалось стать знатным горожанином, так это, быть может, оттого, что я никогда ни перед кем не склонялся.

На сей раз Уго ничего не ответил, да и сам Арнау отвлекся от разговора: мыслями старик вернулся в тот далекий день, когда ему пришлось на коленях проползти по залу в доме Пучей, чтобы поцеловать ноги Маргариды⁵. Пучи, разбогатевшие и возгордившиеся родственники Эстаньолов, когда-то унизили Арнау и его отца Берната – в конце концов по вине Пучей Бернат был повешен на площади Блат как опасный преступник. Маргариды ненавидела Арнау так, будто жила ради этой ненависти. С тех пор минуло уже много лет, но при одном только воспоминании об этой женщине по спине у старика пробежал холодок. Что стало с Пучами теперь, Арнау не знал.

В тот январский день 1387 года, подходя к церкви Святой Марии у Моря, Уго вспомнил совет Арнау, увидев, как низко поклонился им встречный горожанин, по виду моряк. Мальчик улыбнулся. «Ты не должен склоняться ни перед кем». Как много оплеух и пинков он уже получил, следуя этому совету! Однако мисер Арнау оказался прав: после каждой стычки парни с верфей проникались к Уго все большим уважением, даже если они были старше и крепко его поколачивали.

---

⁵ Эти события изложены в первом романе об Арнау Эстаньоле «Собор у моря» (2006).

Мальчик и старик шли через квартал Льюль, позади площади Борн и церкви Святой Марии, когда услышали далекий звон колоколов. Арнау, как и многие другие барселонцы, остановился в растерянности: то был не призыв к молитве.

– Долгий звон, – прищурившись, шепнул старик. – Умер король Педро.

Не успел Арнау договорить, как зазвучали колокола Святой Марии. Их поддержали колокола церкви Святых мучеников Жуста и Пастора, церкви Святой Клары, монастыря Фраменорс... И вскоре уже все колокола Барселоны и ее окрестностей звонили по усопшему.

– Король! – Крики на улицах подтвердили скорбную весть. – Король умер!

Уго заметил беспокойство на лице мисера Арнау; взгляд его усталых поблекших глаз устремился куда-то далеко, в сторону площади Борн. Мальчик принял тревогу старика за скорбь:

– Вам нравился король Педро?

Арнау скривил губы и покачал головой. «Он женил меня на змеюке, своей воспитаннице, женщине скверной, с какой стороны ни посмотри», – мог бы ответить он.

– А его сын? – не унимался мальчик.

– Принц Хуан? – переспросил Арнау.

«Именно он стал причиной смерти одного из лучших людей в этом мире» – вот что хотелось ответить Арнау. Воспоминание о Хасдае, горящем на костре, причинило ему жгучую боль. Этот человек спас ему жизнь, после того как сам Арнау защитил его детей; этот еврей принял его и сделал богатым. Сколько же лет прошло!..

– Он плохой человек, – коротко ответил Арнау.

«Человек, который потребовал выдать трех виновных, – добавил старик про себя. – И три хороших человека принесли себя в жертву ради своих любимых и ради людей из своей общины».

Арнау вздохнул и тяжелее навалился на плечо Уго.

– Мы возвращаемся домой, – объявил старик посреди трезвона и всеобщей суматохи. – Боюсь, что в ближайшие дни или даже недели в Барселоне наступят тяжелые времена.

– Почему? – спросил Уго.

Старик висел на его руке мертвым грузом. Мальчик выпрямился в ожидании ответа, но ответа не последовало.

– Почему вы сказали, что в Барселоне наступят тяжелые времена? – упорно повторил он через несколько шагов.

– Королева Сибилла бежала из дворца со всей своей родней и двором несколько дней назад, – пояснил Арнау, – как только удостоверилась, что супруг ее действительно умирает...

– Она покинула умирающего короля? – изумился Уго.

– Не перебивай, – проворчал Арнау. – Королева бежала, потому что опасалась мести принца... То есть нового короля Хуана, – поправился он. – Королева никогда не проявляла к пасынку ни малейшего почтения, а Хуан винил ее во всех своих бедах – от размолвок до открытой вражды с отцом. В прошлом году король лишил Хуана титула и привилегий местоблюстителя короля⁶, для наследника престола это унижение. Он будет мстить, это яснее ясного, и карательных мер не избежать, – предрек Арнау.

На следующий день после смерти Педро Третьего прихожане, да и сама церковь, облачились в траур, повсюду царил скорбь. Уго слушал воскресную мессу, стоя рядом с матушкой, – это были единственные моменты свободы, которые позволял Антонине перчаточник с улицы Каналс. Среди толпы мальчик разглядел и мисера Арнау – тот стоял сгорбившись, но все же

---

⁶ *Местоблюститель короля* – официальный титул в Арагоне и Каталонии XIV–XVIII веков: человек, наделенный властными полномочиями в одном из королевств во время отсутствия короля.

стоял, как и они сами, как все бедняки. Уго посмотрел на Деву Марию. Мисер Арнау утверждал, что ему Она улыбается. Сам Уго такого не видел, но старик упрямо стоял на своем, и они приходили в церковь в самое разное время, чтобы помолиться и еще раз проверить.

Мальчику Дева у Моря не улыбнулась ни разу, но он все равно молился и просил, как и в этот день, о Ее заступничестве: за свою матушку, чтобы она ушла от перчаточника и снова стала веселой, чтобы она смеялась и любила его как прежде; чтобы они смогли жить все вместе, втроем с Арсендой. Уго помолился за своего отца, помолился за здоровье мисера Арнау и за освобождение генуэзца. «Освобождение... – засомневался Уго. – Если его отпустят, он вернется в Геную, не будет больше меня обучать, и я не стану мастером, – сказал он себе и тотчас почувствовал угрызения совести. – Да. Верни ему свободу, Владычица», – решительно заключил он.

По окончании долгой мессы Уго с Антониной не воспользовались крохами оставшегося у нее времени, чтобы поболтать и понежить друг друга, как они это делали каждое воскресенье: мать и сын слушали, о чем судачат люди вокруг. На площади Санта-Мариа, рядом с величественным церковным фасадом, на котором были запечатлены в бронзе помогавшие в строительстве бастайши, Уго увидел мисера Арнау, но не смог подобраться к своему благодетелю: его обступили жадные до новостей горожане – толпа собиралась вокруг каждого из именитых барселонцев, пришедших в этот день помолиться не в собор, а в церковь Святой Марии; каждый из них становился центром притяжения для обычных прихожан.

Так Уго, Антонина и многие другие узнали, что королева Сибилла, укрывшаяся в замке Сант-Мари-Сарокка, что в двух днях пути от Барселоны, вела переговоры о том, чтобы перейти со всеми своими людьми к Мартину, брату короля Хуана. Там же говорилось, что новый монарх находился в Жироне тяжелобольной, но утверждалось также, что, едва узнав о смерти отца, Хуан отправился в Барселону. Люди строили догадки и сплетничали. Уго пытался прислушаться ко всем сразу.

– Сынок, – позвала Антонина. – Мне пора...

Женщина не успела закончить фразу, как Уго, позабыв про чужую болтовню, обнял мать и спрятал голову у нее на груди.

– Мне пора уходить, – твердо сказала Антонина, избегая смотреть на стоящих вокруг мужчин, в чьих взглядах читалась скорее похоть, чем нежность.

В Приморском квартале многие знали о переменах в судьбе Антонины, вызванных смертью ее мужа, но мало кто обращал внимание на круги у нее под глазами, на морщины, залегшие на лице, на покрасневшие руки: Антонина оставалась привлекательной, донельзя чувственной женщиной.

Антонина мягко высвободилась из сыновних объятий, опустила перед Уго на корточки и ласково провела ладонями по его щекам:

– Увидимся в следующее воскресенье. Не плачь. – Женщина старалась подбодрить мальчика, видя, как подрагивает его нижняя губа и морщится подбородок. – Будь сильным, трудись усердно.

Уго смотрел на толпу, поглотившую матушку, как будто надеялся в любой момент увидеть ее снова. А потом сжал губы и опять поискал взглядом окруженного людьми мисера Арнау. Почувствовав, что у него перехватило горло, а глаза повлажнели, мальчик решил уйти. «Я встречу с ним завтра», – подумал Уго.

Но вышло по-другому. Всякий раз, когда мальчику удавалось освободиться от железного ядра и наставлений генуэзца, он бегал на поиски мисера Арнау, но нигде не мог его застать.

– Его нет дома, паренек, – отвечала Жоана, служанка Арнау.

Никто не знал, где его искать.

– Мисер Арнау в Совете Ста, – только на следующий день сообщила Мар, узнавшая о набегах Уго от служанки. – Он заседает вместе с именитыми гражданами и советниками Барселоны.

– Спасибо, госпожа, – пробормотал изумленный мальчик. – Когда он вернется...

– Не беспокойся. Он знает, что ты приходил. Мы ему сказали. Арнау приносит тебе извинения. Уго, он тебя очень любит, но настали трудные времена, – оправдывалась Мар, передавая слова старика.

Уго и сам понимал, что для Барселоны и Каталонии действительно настали трудные времена. Он слышал об этом на верфи, даже работы замедлились из-за пересудов между мастерами и чиновниками.

– Он уже в Барселоне! – объявил как-то вечером кузнец.

Имелся в виду, конечно, король Хуан.

– Но ведь он очень болен, – заметил второй кузнец.

– Говорят, королева Сибилла его околдовала. Вот почему он так плох.

– Королева под арестом.

– И весь ее двор, и бывшие советники короля Педро. Все арестованы.

– А еще их пытаются, – раздался голос от груды пылающих углей, где длинные доски обдавали горячим паром, чтобы потом изогнуть.

– Не может быть! – выкрикнул другой работник. – Это запрещено законом. Сначала их полагается судить.

И все-таки это была правда, и это через пару дней подтвердили сразу несколько мастеров: король Хуан со своими присными распорядился пытать арестованных, несмотря на протесты городских судей и советников. На верфи, услышав новость, никто не проронил ни слова. Пилы, топоры и молотки снова завизжали и застучали под высокими сводами, однако теперь это не был привычный всем жизнерадостный оркестр.

– Нам бы не следовало этого позволять! – выкрикнул кто-то из рабочих, нарушая гнетущее молчание.

Уго что есть силы сжал ядро гемуэца, так что жилы вздулись на руках, – будто таким образом он тоже присоединился к борьбе за справедливость.

– Король должен соблюдать законы! – послышалось из дальнего угла.

Никто не осмелился что-либо предпринять.

Королеву Сибиллу пытали до тех пор, пока сломленная и запуганная женщина не уступила королю Хуану все свои земли, замки и прочее имущество. Монарх помиловал супругу своего отца, своего брата Бернардо де Фортия, а также графа де Пальярс, но повелел не прекращать суда над другими узниками.

К тому же, вознамерившись еще больше запугать богатых горожан, советников, судей и простой люд, король приказал публично обезглавить Беренгера Абелльского, соратника своего отца, и Бартоломе Лимесского – одного из рыцарей, бежавших вместе с королевой.

Барселона по-прежнему не противилась королевской воле. Город жил в страхе, как убедился Уго, проходя через Пла-де-Палау, широкое пространство между берегом, биржей и воротами Формент, где рокот моря царил над смиренным молчанием сотен барселонцев, собравшихся, чтобы увидеть казнь двоих людей, чье единственное преступление состояло в том, что они остались верны своему монарху. Мальчик разыскал Арнау в толпе возле эшафота – простого деревянного помоста, окруженного солдатами короля Хуана; главное место на эшафоте занимала плаха. Самой плахи Уго не видел, но знал, что она там. Зато паренек увидел городских советников – мрачных, одетых в черное, как и члены Совета Ста и цеховые старшины; тут же стояли и клирики: приходские священники и настоятели церквей... Многие хранили молчание. Другие переговаривались шепотом, вполголоса и избегали смотреть друг другу в глаза, как будто чувствовали за собой какую-то вину и опасались, что кто-нибудь их обличит.

Уго просочился сквозь толпу; на сей раз это удалось ему без труда, хотя обычно зрители пихали друг друга, стараясь как можно ближе подобраться к злоумышленникам. Появление осужденных не сопровождалось, как это здесь всегда бывало, выкриками и поношениями.

Вскоре мальчик оказался в первом ряду. Собравшиеся внизу отступили на несколько шагов, когда приговоренных вывели на эшафот. Какая-то женщина схватила Уго за плечи и поставила перед собой, заслонившись им, словно щитом. Уго выскользнул из ее рук. В это время один из священников чертил в воздухе крестное знамение перед лицом мужчины, до сих пор исполненного достоинства и высокомерия, хотя его роскошная одежда превратилась в грязные лохмотья. За приговоренными – на помосте, рядом, лицом к толпе – выстроились солдаты, а за ними – соратники Хуана, стоявшие теперь во главе всего королевства.

Глашатай зачитал перед гражданами Барселоны обвинительный приговор; слушая этот поток клеветы, горожане все больше сжимались и трепетали от ужаса. Казнь провели быстро и уверенно. Окровавленная голова упала в мешок, а ноги Беренгера Абелльского еще какое-то время дергались в конвульсиях. И тогда Уго наконец его увидел. Он стоял с противоположной стороны эшафота.

– Мисер Арнау!

Уго произнес его имя сам для себя, однако эти два слова прозвучали особенно звонко посреди зловещей тишины, которой граждане встретили смерть знатного барселонца. Мальчик почувствовал себя неловко, хотя никто и не обратил на него внимания.

Священник уже напутствовал второго приговоренного, а с помоста тем временем убрали голову и тело Беренгера Абелльского. Чтобы приблизиться к Арнау, Уго прошел перед эшафотом, через пустое пространство, разделявшее солдат и толпу. Он собирался заговорить со стариком, но заметил, что взгляд его благодетеля неотрывно устремлен в сторону приспешников победившего короля.

– Мисер Арнау...

Никакого ответа.

В этот момент глашатай зачитывал обвинения, предъявленные Бартоломе Лимесскому.

Уго проследил за взглядом старика. И тотчас понял, на кого смотрит Арнау: дряхлая старуха жадно глотала ртом воздух, безуспешно пытаясь подняться с портшеза, который держали слуги, сильно встревоженные внезапным возбуждением, охватившим их госпожу.

По спине у мальчика пробежали мурашки, когда он ощутил всю ярость, отражавшуюся на этом сморщенном лице. Уго попятился назад, натолкнулся на Арнау и заметил, как напряглось тело старика.

Суматоха вокруг старухи в портшезе задержала вторую казнь. Глашатай закончил читать список обвинений; один из слуг склонил ухо к сухим посиневшим губам старухи – ее костистый палец был направлен прямо на Арнау. Слуга приблизился к эшафоту и знаками подозвал придворного, который руководил казнью, – это был статный высокий рыцарь с окладистой черной бородой, в роскошном наряде из красного шелка с золотым шитьем.

– Мисер Арнау, что происходит? – спросил Уго, не оборачиваясь, внимательно рассматривая склонившегося с помоста рыцаря.

Арнау снова ничего не ответил.

Вот придворный выпрямился. Теперь он тоже смотрел на Арнау – как и многие, собравшиеся внизу. А потом распорядитель дал команду продолжать, и рыцарь из Лимеса возложил голову на плаху так же горделиво, как и его предшественник. Толпа, а вместе с нею и Уго, снова смотрела на палача и на топор, вздымавшийся над головой приговоренного. Только Арнау успел заметить, что знатный рыцарь подозвал одного из приближенных и втихомолку отдал какое-то распоряжение.

– Маргарида Пуч, – прошептал старик.

Арнау видел, что к нему направляются офицер и несколько солдат: мечи уже вынуты из ножен, на лицах остервенение, как будто они готовятся к схватке с непобедимым героем. Определенно, жизнь в этой женщине поддерживалась только ненавистью.

Голова рыцаря из Лимеса скатилась в мешок, а солдаты с мечами наголо расталкивали горожан. Женщины завизжали. Толпа расступилась.

– Беги ко мне домой и передай моей жене, что Пучи вернулись, – быстро заговорил старик, встряхивая Уго, чтобы тот перестал пялиться на эшафот. – Пусть Мар подумает, как мне помочь.

– Что?

– И пусть она сама бережется!.. – добавил Арнау уже криком. Уго замотал головой: он ничего не понимал. – Беги!

Ничего повторить Арнау не успел. Солдаты накинулись на беззащитного старика; он не оказывал ни малейшего сопротивления и все-таки получил несколько ударов и почти потерял сознание. Уго, дрожа и не веря собственным глазам, смотрел, как прославленного барселонца колотят и трясут за шиворот. Стоявшие рядом раздались в стороны, вокруг солдат образовалось пустое место. Никто ничего не сделал! Никто не вступился за мисера Арнау – вот что успел осознать парнишка перед тем, как изо всех сил толкнул в грудь ближайшего к нему солдата.

– Пусти его! – взвизгнул Уго.

– Не надо! – попробовал вмешаться Арнау.

Но Уго изловчился и пнул солдата так, что тот оступился и упал.

– За что вы его бьете? – Мальчик был в ярости, он искал поддержки у барселонцев, взирающих на сцену, но горожане предусмотрительно держались на расстоянии. – Неужели вы такое допустите? – выкрикнул Уго, наскაკивая на второго солдата.

– Уго... – Арнау пытался его уговорить.

– Не надо, мальчик... – послышалось из толпы.

Призывы повисли в воздухе. Солдат, стоявший за спиной Уго, плашмя ударил его мечом по спине. Мальчик полетел на землю, к другому солдату, который встретил его пинком в живот.

– Он совсем еще ребенок! – не выдержала женщина в задних рядах. – Вот она, доблесть войск короля Хуана!

Один из солдат хотел разобраться и с нею, но офицер его удержал и приказал вести Арнау к эшафоту; старик успел оглянуться и увидел, как женщина опустилась на колени возле Уго; тот, избитый, лежал на земле, прижимая обе руки к животу. Мальчик стонал сдавленно и глухо, лицо его искривилось от боли.

– Арнау Эстаньол! – возгласил рыцарь в красном с золотом наряде, как только офицер вытолкнул старика на помост. – Предатель королевства!

Два городских советника подошли ближе, чтобы выяснить, за что задержали Эстаньола, известного и любимого всей Барселоной, но застыли, услышав такое обвинение. Горожане, начавшие было расходиться, остановились и снова смотрели на эшафот.

– Кто это сказал? – смело выкрикнул член Совета Ста, немолодой красильщик, очень пузатый и немислимо наглый.

Советники, знатные горожане и купцы осудили дерзость красильщика суровыми взглядами. Только что на глазах у всех обезглавили двух видных сподвижников покойного короля, и не было для этого иной причины, кроме мести; королеву Сибиллу пытали без законных оснований; другие соратники Педро Церемонного и его придворные находились под судом, и жизнь их зависела от прихоти больного монарха, возмнившего, будто его околдовали; а сейчас зарвавшийся красильщик посмел оспаривать действия новых слуг правосудия.

Ответ не заставил себя ждать.

– Это сказал король Хуан! – ответил вельможа в красном. – И от его имени это говорю я, Женис Пуч, граф де Наварклес, Первый капитан королевского войска!

Красильщик втянул толстую голову в плечи.

– Арнау Эстаньол! – повторил Пуч. – Грабитель и ростовщик! Еретик, скрывшийся от святой инквизиции! Предатель короля! Предатель Каталонии!

Ненависть, прозвучавшая в этих обвинениях, снова заставила горожан отшатнуться от помоста. Да как такое возможно? Граф не имеет права чинить такой произвол.

– Приговариваю тебя к казни через отсечение головы! Все твое имущество конфискуется!

По толпе прокатился негодующий ропот. Граф де Наварклес приказал солдатам обнажить мечи.

– Сукин сын! – Уго снова оказался на ничейной земле, между солдатами и горожанами. – Паршивый пес!

К выкрикам Уго внезапно добавился тонкий пронзительный визг. Какая-то женщина локтями прокладывала себе дорогу к помосту. Это была Мар – значит кто-то успел ее предупредить.

– Взять ее! – приказал офицер.

Только в этот момент, увидев, что его жена лягается, вопит и вырывается из рук солдат, Арнау попытался оказать сопротивление страже. Женис Пуч сам ударил старика по лицу – наотмашь, походя, будто наказывал скотину, и повалил его с ног.

В ряду вельмож на помосте раздались смешки.

– Сволочь! – Теперь Уго смотрел на старуху, которая беззубой слюнявой улыбкой приветствовала падение Арнау на дощатый настил.

– Заткните этого безумного мальчишку! – приказал Женис.

Исполнить приказ было не так-то просто: Уго, считая старуху в портшезе главной виновницей происходящего с Арнау, продолжал ее поносить:

– Стерва! Уродина! Мерзостный мешок с костями!

– Да как ты смеешь?

Знатный юнец, едва ли достигший двадцати лет, светловолосый, хорошо сложенный, в синей котте дамасского шелка с меховой оторочкой, в лосинах тонкой кожи и туфлях с серебряными пряжками, в коротком плаще и с мечом на поясе, отделился от группы рыцарей. Но, приближаясь к Уго, он даже не коснулся рукояти меча, а просто подал едва заметный знак. На мальчика сразу же набросились двое: слуга и солдат, и исколошматили его палками.

– На колени! – велел юный вельможа.

Слуга схватил поверженного Уго за волосы и поставил на колени, задрал ему голову. Лицо мальчика было залито кровью.

– Проси прощения, – приказал вельможа.

За багровой пеленой перед почти ослепшими глазами Уго смутно различил стоящего на помосте Арнау. Старик призывает его не сдаваться? Уго сплюнул слюну пополам с кровью.

Юноша схватился за рукоять меча.

– Довольно.

Маргарита Пуч сумела выговорить свой короткий приказ. Граф де Наварклес понял, что имеет в виду его тетушка. Какой-то сопляк-оборванец не должен испортить удовольствие от мести, осуществить которую им предоставил счастливый случай. А если из-за этого мальчишки барселонцы поднимут мятеж? Арнау – знатный горожанин; его следует казнить незамедлительно. Если вмешаются городские советники, все может пойти прахом, а граф столько лет дожидался этого момента! Его совсем не заботило, что потом скажет король: он как-нибудь найдет убедительное объяснение.

– Отпустите его! – приказал граф. – Ты что, не слышал? – пригрозил он своему племяннику, который уже вытащил до середины меч из ножен.

– В следующий раз тебе так не повезет, слово Рожера Пуча, – пообещал юнец и картинно разжал пальцы: меч скользнул в ножны.

Как только Рожер вернулся на свое место, двое бастайшей поспешили поднять мальчика с земли. Они хотели унести его прочь, но Уго не давался.

– Арнау, – пробормотал он чуть слышно.

Бастайши поняли и поставили его в первом ряду, поддерживая под мышки. Но Уго ничего не увидел. Ему не удалось ни открыть глаза, ни стереть текущую по лицу кровь – но он почувствовал все отчетливее, чем если бы видел собственными глазами. Уго слышал свист топора и тупой удар по плече, как будто старческая шея Арнау была всего лишь шелковой ниточкой на пути лезвия. Потом Уго услышал тишину и ощутил ноздрями смесь человеческого страха и соленого морского воздуха. Он почувствовал, как дрожат руки бастайшей, услышал их сдавленное дыхание. А потом небо разорвалось от крика Мар, и сознание Уго затуманилось – это было почти приятное ощущение, заглушавшее боль. И Уго перестал противиться этому мареву.

2

Улыбка на круглом лице Жоана Наварро совсем не ослабила боли, которая вернулась к Уго вместе с сознанием. Он шевельнул рукой и услышал жалобный стон – будто кто-то другой его испустил.

– Тебе нельзя двигаться, – предупредил Жоан. – Несколько дней тебе придется несладко, хотя, по словам еврея, переломов нет. Повезло твоим косточкам.

Уго постепенно осознал, что с ним: туго забинтованная нога, рука на перевязи. И еще одна повязка, через лицо, закрывает правый глаз. Потом он вспомнил эшафот и казни...

– Мисер?..

Горло, пересохшее и пылающее, не дало продолжать.

Жоан поднес ко рту Уго стакан и попытался осторожно влить воду. Осторожно не получилось: управляющий слишком нервничал, понимая, что сейчас придется объяснять, что случилось с его другом.

– Мисер Арнау? – снова спросил Уго сквозь кашель.

Жоан ничего не ответил. Он только погладил мальчика по взъерошенным волосам, а тот отказывался от воды, стиснув губы, хотя дрожащий подбородок выдавал боль утраты, которая соединилась с болью от ран.

Уго бывал в этом доме лишь однажды: в первый день работы на верфи, когда Арнау пришел вместе с ним и представил своего подопечного Жоану Наварро. Уго узнал жилище. Оно было закреплено за управляющим, тот был обязан здесь ночевать, однако на самом деле здесь проживал его помощник Наварро, а сам управляющий купил себе хороший дом возле площади Сант-Жауме. Несмотря на грандиозные размеры верфи, домик был скромный, двухэтажный, как и все соседние лавки и склады, с двумя спальными комнатами и одним помещением, совмещавшим в себе столовую и кухню. Здесь вполне хватало места для Жоана с супругой и двух дочерей-подростков, а еще были две собаки, которых семья по ночам выпускала наружу охранять верфь.

Уго поместили в углу столовой, на койке, которую сколотили для него плотники с верфью, положив сверху соломенный тюфяк. В течение долгих дней вынужденного бездействия Уго часто видел дочерей Наварро – двух красивых девчушек, которые весело носились по дому, но никогда не приближались к его углу. После того как раненый несколько раз подсмотрел, как они шушукаются, искоса поглядывая в его сторону, он подумал: уж не запретили ли девчонкам к нему подходить? Ухаживала за мальчиком их мать, жена Наварро, – в те редкие минуты, когда могла уделить внимание болящему.

А Уго между тем не имел иных занятий, кроме как гладить по голове двух псов, которые неотступно дежурили возле него. Как только мальчик переставал шевелить рукой и крепко

сжимал зубы, вновь и вновь борясь с чувством вины, один или другой тотчас упирался лбом в койку и принимался скульпить, словно желая разделить его страдания. «Зачем я позвал мисера Арнау, когда стоял возле эшафота? – корил себя Уго. – Если бы не я, он остался бы жив». Печали его утихали, только когда какой-нибудь из псов норовил лизнуть его в лицо. Они давно друг друга знали, мальчик и собаки. К матушке и мисеру Арнау Уго привык бегать днем, после работы, но ему пришлось побороть страх и подружиться с собаками, чтобы по ночам перелезть через забор, окружавший двор верфи, когда он намеревался через всю Барселону добраться до монастыря Жункерес, чтобы увидеться с сестрой. Ради этой цели Уго жертвовал частью своего рациона и так, от кусочка к кусочку, постепенно завоевал симпатии собак, а потом сумел заменить еду на ласку и игры. Новые друзья ни разу его не выдали.

К больному пытались пробиться другие мальчишки из тех, что таскали ядра за генуэзцами, – их приводили в восторг преувеличенные толки о том, как Уго проявил себя возле эшафота, – однако жена Наварро раз за разом их выпроваживала. Мальчику не давали общаться с теми, кто жаждал услышать историю о том, как он бился с вельможей в синем, зато, к немалому удивлению Уго, генуэзец постоянно приходил. «Никто из них не умеет лучше тебя носить мое ядро, – объяснил Доменико Блазио, со своим характерным итальянским акцентом, свое первое посещение, как будто не имел права находиться рядом с Уго просто так. – С ними совсем невозможно работать».

Мастер пристраивал железный шар на полу, садился на стул возле койки, осматривал раны юного барселонца, поздравлял, даже не спросив, как он себя чувствует, с успешным выздоровлением, а потом упорно продолжал давать уроки.

– В тот день, когда я вернусь на родину, а это, надеюсь, случится очень скоро, – вещал генуэзец, – у тебя больше не будет случая обучиться тому, что я должен тебе преподать. Да разве возможно сравнивать мастера-генуэзца с мастером-каталонцем! – Он высоко поднимал сложенную ладонь и энергично махал ею в воздухе. – Почему, как ты думаешь, твой король держит нас здесь?

Во время своих посещений генуэзец много рассказывал о древесине:

– Дуб – он прочный, это лучшее дерево для частей, которые подвергаются сильному давлению, таких как остов и корпус корабля, киль и рули... – И дальше: – Тополь и сосна идут на обшивку, на мачты и рей...

Генуэзец объяснял, как распознавать породы дерева, как их использовать и обрабатывать, как рубить стволы и – самое главное – когда это делать.

– Рубить следует при подходящей луне, – настаивал мастер. – Лиственным потребна старая луна, хвойным – новая.

В такие минуты Уго не только забывал про мисера Арнау и собственные увечья, но и позволял себе помечтать о будущем: как он станет великим мастером и его будут уважать не меньше, чем сейчас уважают генуэзца, пусть даже у того и ядро на ноге. Мальчик мечтал о том, что будет жить в хорошем доме, заведет семью, о том, как на улице все будут его приветствовать, и у него будет много денег, и он сможет помочь матушке. Это самое важное: вернуть Антонине свободу и ту улыбку, которую похитил у нее перчаточник. Как же ему хотелось ворваться в дом на улице Каналс, вышибить дверь и навсегда забрать матушку, невзирая на причитания перчаточника и его жены!

Уго не терпелось встать на ноги и вернуться к работе на верфи; а мастер тем временем рассказывал о духе, который всегда следит за постройкой кораблей.

– *Piccin, piccin, piccin*⁷, – твердил генуэзец, поднося к глазам средний и большой пальцы, словно пытаясь рассмотреть малюсенькую песчинку.

– Дух? – Уго приподнялся на тюфяке.

⁷ Маленький, маленький, маленький (*лигур.*).

– Именно: дух, которого никто не видит. Если корабельный дух настроен доброжелательно и никто его не злит, то и судно получится ходкое. Если же он рассердится...

– А что может его рассердить?

– Ну конечно же, неумелость корабелов. – Генуэзец понизил голос до шепота, точно открывая великую тайну. – Но я уверен, что самую страшную ярость у него вызывают спесивые мастера, те, что пренебрегают искусством и недооценивают опасности моря.

По ночам, когда псы охраняли верфь и оставляли Уго в одиночестве, а храп Наварро грозил опрокинуть каменные колонны, воспоминания возвращали мальчика к гибели Арнау. Он вновь и вновь задавал себе вопрос, кто был тот вельможа, что приказал обезглавить мисера Арнау прямо на месте, без суда. Этот человек объявил мисера предателем.

– Они были лютые враги, – пояснил ему однажды Наварро.

Уго не отважился расспрашивать, однако генуэзец, внимательно следивший за разговором, не побоялся:

– То был враг мисера Арнау?

– Да. Много лет назад Арнау разорил семью Пуч. Вот почему они его так ненавидят.

– Видимо, у мисера Арнау имелась на то причина, – вступился за своего благодетеля Уго.

– Определенно, причина имелась. Арнау был человек добрый, я не могу себе представить...

– А когда это случилось? – осведомился генуэзец, разводя руками.

– Ох, с тех пор минуло уже много лет! Женис Пуч – сын одного из тех разоренных Пучей. Всей семье пришлось перебраться в Наварклес и кое-как довольствоваться милостями сеньора Балгеры, хозяина тех мест. Затем Пуч женился на дочери Балгеры, ну а потом...

– И все же, – вмешался Уго, – как мог этот Пуч осмелиться на казнь без суда?

– Говорят, что король до сих пор болен, что это последствие злых чар, и ему нет никакого дела до казней в Барселоне; он оправдал действия своего придворного, рассудив так: если Пуч объявил Арнау изменником, значит для этого есть основания. С другой стороны, все имущество Арнау было реквизировано в пользу королевской казны, а такое монархов всегда радует.

– Неужели этот вельможа имеет такое влияние на короля? – изумился генуэзец.

– Кажется, так оно и есть. Два года назад король Педро решил покарать графа Ампурияса из-за старого земельного спора. Граф вывел на битву с королевским войском свои собственные отряды, а кроме этого, желая заручиться верной победой, заплатил семьдесят тысяч флоринов французам, и те выступили на его стороне. Именно принц Хуан дал тогда бой французам и изгнал их из Каталонии. Никто не верил в успех Хуана, человека робкого и малодушного. Так вот, каталонцы одержали победу благодаря заслугам его Первого капитана, Жениса Пуча, за что Хуан даровал ему титул графа де Наварклес. С тех пор Женис превратился в советника, друга и полномочного представителя монарха. Ходят слухи, что ни король, ни королева никогда не оспаривают его решений, по крайней мере прилюдно.

– И это дает им право казнить гражданина Барселоны? – поразился *mestre d'aixa*.

– Да, – тяжело вздохнул Наварро. – Казнили ведь, не прислушавшись к мнению городских советников и судей, двух соратников короля Педро. А еще новые монархи пытали королеву Сибиллу и отобрали все ее владения. К тому же ходят слухи, что Хуан не утвердит и не признает дарений, совершенных его покойным отцом, – вот что больше всего заботит каталонскую знать. Какое им дело до немощного старика, собиравшего подаяние для бедных?

Уго и Доменико одновременно вскинулись и недоуменно воззрились на хозяина дома.

– Да, немощный старик, просивший подаяния. Вот как отозвались о мисере Арнау почтенные граждане этого города, когда я высказался примерно так же, как ты, Доменико. Барселона запугана, каждый печется лишь о своих интересах.

– А как же сеньора Мар? – после тяжелого молчания спросил мальчик. Он подумал, что реквизиция имущества мисера Арнау не могла не сказаться на положении вдовы.

– У нее ничего не осталось, ей позволили забрать только то, что было на ней надето... кроме башмаков⁸. – Наварро изогнул брови дугой и пожал плечами. – Эти стервецы оставили ее босой. Почему они так поступили?

– Куда она пошла? Где она сейчас?

– Сеньора Мар нашла пристанище в доме одного из бастайшей, у родственников своего отца. Кстати, один из этих родственников спрашивал и о тебе, Уго, – от имени вдовы Эстаньола.

Так прошло несколько дней, а потом еврейский доктор, за которым посылал Жоан Наварро, разрешил Уго подняться и вернуться на верфь. «Только не перетруждайся», – предупредил он. Несмотря на такой совет и на боль в руке, с лицом, свободным от повязки, зато со шрамом возле уха – этим шрамом он хвастался перед другими мальчишками, – Уго подхватил ядро своего генуэзца и целиком отдался работе. «Если не будешь лениться, станешь *mestre d'aixa*», – эхом звучали в голове Уго слова мастера, которые он так часто слышал в доме Жоана Наварро.

Однажды ночью, когда луна мерцала на поверхности моря и озаряла спящий город, Уго почувствовал неодолимое желание навестить свою сестру. Арсенда, должно быть, волнуется, ведь брат обещал приходить к ней часто, а с их последней встречи прошло уже много ночей – Уго проводил все свое время на верфи. Даже не ходил к мессе в церковь Святой Марии. «Дева не будет тебе за это пенять, – успокоил его Наварро. – Ты ведь увечный». Но сам Уго знал, что дело совсем не в этом. Он просто боялся встречи с тем, что ждало снаружи... наверное, причина была в этих мерзавцах из семейства Пуч. А что, если на улице он наткнется на того, в синем? «В следующий раз тебе так не повезет», – предупреждал его юный Пуч. Стоило мальчику вспомнить эти слова, как у него начинало сосать под ложечкой. Они его убьют: им ничего не стоило отрубить голову мисеру Арнау, что уж говорить о нем. Уго хорошо чувствовал себя на верфи, среди мастеров, кораблей и ватаги мальчишек, включая и тех, кто постарше, которые после его подвига прониклись к товарищу уважением и завистью. Когда не было необходимости носить ядро за генуэзцем, Уго искал, кому бы еще помочь. «Помогай, кому хочешь, только не другим *mestre d'aixa*, – вот на каких условиях дал разрешение Доменико Блазио. – Не ровен час, они тебя сглазят», – усмехнулся он. Уго успел подружиться с корабельными плотниками и пильщиками, мастерами-весельщиками, но больше всего – с конопатчиками, которые затыкали щели в обшивке паклей, замазывали смолой, добываемой из спиленных сосен, и варом – основным клеящим элементом, который готовили из сосновой смолы. «Гляди-ка, а вдруг из него вместо *mestre d'aixa* конопатчик получится! – веселились работники, позволяя мальчику большущей ложкой перемешивать смолу или вар, а сами в это время подливали в месиво жир. – И что тогда скажет его генуэзец?»

В ту ночь Уго долго ждал, пока генуэзцы и их помощники перестанут кашлять и начнут ровно сопеть, а потом тихонько поднялся. Все корабли спали в общем зале перед открытым двором, между каркасами огромных кораблей. Собаки завилили хвостом даже раньше, чем Уго успел добраться до внешней стены. Парнишка поздоровался с лохматыми сторожами, чуть-чуть поиграл, потом без труда вскарабкался на стену и прыгнул вниз. Плеск волн, лениво лизавших берег, ничуть не переменялся от легкого шелеста, с которым кожаные абарки Уго коснулись земли. В памяти мальчика снова возник образ Арнау: это ведь он подарил своему питомцу сандали с подошвой из добротной кожи, а не из мочала или дерева, как у других ребят, которым вообще посчастливилось ходить обутыми. «Их носил мой сын, теперь они ему уже малы», – пояснил старик. У мальчика снова защипало в глазах; он вслушался в тишину, стараясь избавиться от мыслей о мисере Арнау. Вгляделся в ночную тьму: повстречать кого-нибудь в этом месте в этот час было бы странно. За спиной раскинулось море с серебристой полоской, подрагивавшей на водной глади, – то был подарок от луны. По левую руку, до самого

⁸ Так же поступил Арнау с семейством Пуч в романе «Собор у моря».

подножия горы Монжуик, простирались возделанные поля. Впереди лежал квартал Раваль – новая, почти не обжитая часть города, которую только предстояло обнести стеной. Справа, за старой стеной, высился монастырь Фраменорс. А за обителью начиналась живая Барселона – только в этой стороне можно было кое-где разглядеть слабые отблески света.

Уго торопился, почти бежал, Арсенда занимала все его мысли. Обойдя край старой стены, упиравшейся в Фраменорс, он оказался на берегу, в окружении вытасненных на сушу кораблей. Уго прислушался к морю, прислушался к тишине и ночному бризу, задрожав от холода, тихонько ругнулся. Из одежды на беглеце была только рубашка, перепачканная ржавчиной от ядра генуэзца. Уго хотелось бы и дальше идти вдоль берега, пользуясь возможностью посмотреть все корабли до самой церкви Святой Марии у Моря, а уже оттуда подняться по улице Мар к площади Блат и дальше, к монастырю, но он предпочел пройти по кварталу горшечников, более малолюдному, где с меньшей вероятностью можно было наткнуться на стражников, ведь было запрещено ходить ночью по Барселоне без фонарей или факелов, как он это делал. Уго зашагал вдоль старой стены. Временами он переходил на бег и подпрыгивал, чтобы справиться с холодом; так Уго обогнул весь город и оказался возле монастыря, где его сестра находилась в услужении у монахини по имени... Уго никак не мог это имя запомнить. Зато прекрасно помнил, что она принадлежит к одному из самых влиятельных семейств Каталонии, как и все тридцать женщин, спасавших душу в монастыре Жункерес. Здешние обительницы принадлежали к ордену Сантьяго и пользовались такими привилегиями, какие не сильно напоминали затворничество и строгую дисциплину других обителей. Монахини Жункереса были богаты; монастырь получал щедрые пожертвования. Проживали женщины не в кельях, а в отдельных домиках; в некоторых окна даже выходили на улицу. За каждой монахиней была закреплена собственная часовенка внутри монастырских стен. Богачки пользовались услугами рабынь или служанок, и Арсенда была одной из них. Облачения им тоже не полагались, только поверх одежды белые плащи с крестом святого Иакова в форме меча. Они имели право составлять завещание в пользу третьих лиц, не входящих в общину. С разрешения настоятельницы женщины принимали посетителей, выходили на улицу и даже ночевали за пределами монастыря, но, самое главное, они в любой момент могли заключить брак и вовсе забыть о монашеском укладе.

Уго миновал церковь Святой Марии у Сосны и вскоре добрался до женского монастыря Святой Анны, на противоположном от моря краю города. Тут кончалась Барселона. Мальчик свернул направо и вскоре уже стоял перед монастырем Жункерес, где церковь, арочная галерея и прочие постройки занимали площадь в форме треугольника: две его стороны составляли ручей Жункерес и улица с тем же названием, а третью образовывали городская и монастырская стены.

Со всей осторожностью, поминутно оглядываясь по сторонам, мальчик подобрался к улице Жункерес, на которую выходили и церковные ворота, и маленькая дверца, через которую в монастырь доставлялись продукты, а также задние стены некоторых домов, где проживали монахини. В стене дома, где прислуживала Арсенда, было зарешеченное окошко. Прижав ухо к ставню, Уго насвистал знакомую песенку. Мальчик свистел совсем тихо, внимательно следя за темными зданиями на другой стороне, опасаясь, как бы в каком-нибудь доме не зажегся свет, вглядываясь в конец улицы – туда, где она вливалась в площадь Жункерес и где находился главный вход в монастырь. Уго снова и снова принимался мурлыкать свою песенку, но, если голос его начинал звучать слишком громко, певец сам себя одергивал и переходил на шепот. Уго щурил глаза, чтобы лучше видеть в темноте, и все сильнее дрожал – от холода и от страха, что его обнаружат.

Иногда брату приходилось возвращаться восвояси, так и не повидав сестру, однако чаще, какой бы тихой ни была припевка, Арсенда все-таки просыпалась. Эту песенку раньше напевал их отец, возвращаясь домой из долгого плавания или с веселой пирушки. Брат и

сестра, вскормленные материнским молоком, еще во младенчестве бессознательно связали этот мотивчик с радостью мамы, а позже – и со своей собственной радостью. Заслышав эти звуки, дети приучились открывать глаза даже в самые ненастные ночи, но вот однажды все закончилось. Певца забрало море.

Легкое постукивание по ставню подсказало Уго, что сестра его слышит. Теперь наступала самая опасная часть. Уго всегда мог выдумать объяснение, если бы его застали ночью под окном, но ему было бы сложно оправдаться, если бы кто-то увидел, как он взбирается на карниз для всадников: езда верхом в городе была под запретом, поэтому те, кто покидал Барселону через ворота Жункерес, садились на коней здесь, перед самым выездом из города; еще сложнее, если бы кто-то заметил, как он потом карабкается, наподобие ящерики, по каменной стене на плоскую крышу монастырского домика.

Арсенда выбежала во двор, а потом поднялась на крышу по лестнице. Ее прелестное личико покраснело от бега и озарилось радостной улыбкой при виде брата.

– Почему ты так долго не приходил? – вместо приветствия пожурела его Арсенда.

Уго глубоко вздохнул, переводя дыхание, потом просто обнял сестру. Арсенда предусмотрительно захватила с собой одеяло, под которым спала. Завернувшись в него и тесно прижавшись друг к другу, дети сидели спиной к стене, спрятавшись ото всех.

– Почему? – не отставала девочка.

Узнав о смерти мисера Арнау, она заплакала. Потом расспросила, откуда синяки, и ее большие черные глаза заблестели от гордости за брата-храбреца. Потом девчушка снова расплакалась, вспомнив о матери. Арсенда не выходила из своего монастыря; Антонине тоже не дозволялось отлучаться из дома перчаточника.

– Чему ты выучилась с нашей последней встречи? – старался Уго отвлечь сестренку, держа ее за подбородок и не давая опускать голову.

Арсенде наконец-то разрешили помогать при изготовлении *nogats* – это такие сласти из муки, меда и обжаренных орешков, рассказывала девочка. А еще она помогала готовить розовую воду, пряла лен и коноплю. Вышивать ее пока не учили: пусть сперва подрастет, того гляди испортит ткань.

– Хорошо ли с тобой обходится сеньора?..

– Херальда, – подсказала девочка. – Да. Она сильно требовательная да строгая, очень богомольная да мнительная, но все равно хорошая. Разрешает мне издали слушать, когда учит девочек из богатых барселонских семей, а потом и со мной немножко занимается. А как у тебя дела идут?

И тогда Уго заговорил о верфи, о том, как он старается, об ожидающем его славном будущем *mestre d'aixa*, о том, как он начнет заботиться о матушке.

– И о тебе тоже! – пообещал мальчуган. – Я увеличу приданое, которое даст за тобой...

– Херальда, – с досадой в голосе напомнила сестра.

– Точно. Я увеличу твое приданое, чтобы ты нашла себе хорошего мужа, лучшего в Барселоне.

Арсенда радостно рассмеялась:

– Болтунишка. У тебя же собственная семья появится.

– Ну конечно, но и про тебя я никогда не забуду, – пообещал Уго и крепче прижался к сестре. Их соединяли тесные узы.

Брат с сестрой еще спали рядом друг с дружкой на тюфяке возле очага в то злосчастное утро, когда пучина забрала их отца. Все последующие дни и даже много позже дети плакали, видя слезы на лице у матушки, почти не поднимавшейся со своей лежанки. Уго с Арсендой плакали тихонько, обнявшись, стараясь, чтобы Антонина их не услышала и не затосковала еще горше.

Уго рассказывал о своей работе и в их следующую встречу, больше чем через неделю, когда они снова сидели рядом на плоской крыше. Арсенда взяла брата под руку, положила голову ему на плечо, и мальчик заговорил дрожащим голосом:

– Я думал, что люди меня... Не знаю. Пару дней назад бастайши принесли на верфь бревна, которые доставили по морю, с Пиренеев. Бастайши сплавляют их вниз по рекам... Мне бы хотелось когда-нибудь посмотреть, как они это делают, – объяснял Уго, хотя сам точно не знал, зачем он все это рассказывает. – В общем, именно бастайши переносят древесину, откуда бы она ни поступила, к нам на верфь. И вот, скинув со спины здоровенные бревна, почти все бастайши меня поздравили, сказали, что я хорошо поступил и сделал то, на что никто другой не осмелился, – и даже мастера и старшины с верфи с этим согласились. Мальчики, которые таскают ядра, все мной гордятся и до сих пор то и дело просят снова рассказать, как и что там было. Жоан Наварро тоже меня поддерживает, они с мисером Арнау были старые друзья. А вот в воскресенье в церкви Святой Марии многие смотрели на меня с неприязнью: одни исподтишка, другие прямо и не скрываясь. Когда я шел к причастию, какой-то лоточник меня даже толкнул. Да и перчаточник не позволил нашей матушке ни на минутку задержаться после мессы. Ее схватили за руку и грубо утащили. Мы и словом не успели перемолвиться.

Уго внезапно умолк. Не стоило говорить о таких вещах. Арсенда еще маленькая. Что может знать обо всем этом девочка? Она счастлива за стенами Жункереса. Ее кормят, и одевают, и обучают чему-то; здесь она получит приданое и выйдет замуж...

– Ты пошел против власти, – шепнула Арсенда в темноте, очень серьезно и трагично, чуть разворачиваясь к нему под одеялом, укрывавшим обоих.

– Что ты такое говоришь? – поразился Уго. – Что ты в этом смыслишь?

– То же самое случилось здесь, в монастыре. Одна из монашек пожаловалась, что с ними плохо обращается сестра-ключница. Старухи в большинстве своем думали так же, как и Анхелина, я это точно знаю: я же слышала, как они это обсуждали в доме у сеньоры Херальды. Но пожаловалась только Анхелина. Настоятельница поддержала ключницу, и все остальные сразу же отвернулись от Анхелины. Теперь с ней почти и не разговаривают. И то же самое происходит с тобой, – заключила Арсенда.

– Я ненавижу Пучей, – объявил Уго после недолгого раздумья, осознав, что на самом деле сестра права.

– Ты не должен ненавидеть, – всполошилась Арсенда. – Иисус Христос...

– Иисус Христос допустил, чтобы наш отец погиб! – перебил Уго. Арсенда перекрестилась. – И мисер Арнау тоже.

– Мы все умрем, – спокойно ответила девочка. – Покинем эту юдоль слез, чтобы перейти в жизнь вечную и счастливую.

Уго вздохнул.

– Обещай мне, что не будешь никого ненавидеть. Ты должен прощать.

Уго ничего не ответил.

– Обещай! – потребовала Арсенда.

– Обещаю, – неохотно уступил брат.

Уго вовсе не собирался выполнять данное обещание. Если он и раньше усердно трудился, то после неприязненного приема в Святой Марии мальчик принялся работать с еще большим рвением, но его снедала обида: город, такой близкий, настолько отдалился от него! Мальчика больше не волновало, что он может надорвать спину или потянуть себе руки, постоянно таская ядро, как это не раз случалось с его старшими товарищами. Что бы с ним случилось, если бы не его генуэзец? Попасть в подмастерья к *mestre d'aixa* было редкостной удачей. Но теперь, когда Уго кое-чему обучился, эта дорога была для него открыта. Жоан Наварро обещал мальчику

свою помощь, когда Доменико получит свободу. «В память об Арнау», – однажды расслышал он шепот Жоана.

В Барселоне все еще продолжались судилища над приближенными и фаворитами короля Педро Церемонного, и королева Сибилла все еще томилась в башне за городскими стенами, близ ворот Орбс, а 8 марта 1387 года король Хуан, наконец излечившийся от порчи, причинившей ему столько бед, поклялся соблюдать законы, привилегии и обычаи Каталонии. Как и было объявлено заранее, Хуан не подтвердил дарения, совершенные его отцом в течение двадцати последних лет, чем снискал себе безусловную поддержку и преданность всех тех, кто оказался обделен предыдущим монархом. А через десять дней каталонские кортесы в свою очередь поклялись Хуану в верности и провозгласили его графом Барселонским.

Хуан, среди прочих распоряжений, назначил наместником Восточных земель виконта де Рокаберти, а тот приказал готовить армаду в поход на Морею⁹, в герцогства Неопатрия и Афины, находившиеся под властью Каталонии. Мобилизация королевской армады взбудоражила барселонские верфи. Весла, паруса, щиты, бычьи шкуры, оружие – все было еще раз пересчитано и подготовлено к прибытию кораблей, многие из которых являлись обыкновенными торговыми галерами и подлежали переоснастке для ведения боя.

В одном из нефов арсенала заканчивали последние приготовления к спуску на воду флагмана всей армады – огромной галеры с тридцатью веслами по каждому борту: на ней выйдет в море виконт де Рокаберти. Уго уже доводилось присутствовать на церемонии передачи подобного судна: к мессе явились король, его вельможи и городские советники, а проводили ее восемь священников и сам епископ. Потом были подарки, угощение, праздник и всеобщее ликование. Стоя подле генуэзца с ядром в руках, Уго смотрел на гигантский каркас, выстроенный из самого лучшего дуба, и гордился тем, что тоже принимал участие в работах. Мальчик поднял взгляд к покрывающей неф двускатной крыше и в который раз потерялся и умалился под этими высокими сводами. Он вдохнул густой запах отесанной древесины, смолы и вара, услышал стук молотков, скрежет пил и шипение воды, которую лили на угли, чтобы изгибать доски.

– «Санта-Бригида»! Так ее назовут!

Уго обернулся одновременно с генуэзцем. Процессия, во главе которой шли виконт де Рокаберти, управляющий верфью и городские советники, двигалась к большой галере. Готовый к услугам Жоан Наварро шел вместе с важными гостями.

– Сегодня нас наградят звонкой монетой, – шепнул генуэзец на ухо своему ученику. – Как только я получу денежки, ты отправишься за хорошим вином. Вечером мы будем пить за «Санта-Бригиду»... и за достойно сделанную работу.

Когда процессия поравнялась с работниками верфи, Наварро представил вельможам старшего мастера. Уго видел, как тот разговаривает с виконтом и его спутниками; прочие почтительно внимали. Мастер указывал на галеру и размахивал руками, изображая море, изображая корпус галеры, гребцов и даже что-то наподобие бури. Виконт широко улыбнулся, обнажив черные зубы над седой бородой, когда старший мастер положил конец ненастью резким движением руки, а потом медленно и волнообразно покачал ладонью, снова отправляя галеру в плавание по спокойным водам. Раздались аплодисменты. Генуэзец не ошибся: майордом виконта передал старшему мастеру туго набитый мешочек, а затем виконт со свитой прошествовал дальше. Мастера и подмастерья расступались, освобождая дорогу к кораблю, нависающему над людьми.

Старший мастер указывал виконту самых лучших *mestres d'aixa*; Рокаберти приветствовал их легкими кивками. Уго заметил, что в то время, когда вельможа здоровался уже со сле-

⁹ Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес.

дующим мастером, майордом подходил к тому, кто был отмечен высокой честью, и награждал его несколькими монетами.

– Доменико Блазио, генуэзец, – объявил старший мастер. – Ваше превосходительство, вот бы вам убедить этого человека остаться с нами, когда он получит свободу.

– А это случится уже скоро, – пообещал виконт де Рокаберти в первых же словах, обращенных к генуэзцу.

– Надеюсь... – заговорил Доменико, но в этот момент раздался крик:

– Собака!

Уго понял, кто это кричит, даже раньше, чем увидел молодого Пуча, на сей раз в красных тонах: от шелковых чулок до искаженного яростью лица. Юноша выскочил из рядов свиты и налетел на Уго; вслед за ним поспешал слуга.

– Сукин сын! – взвизгнул Пуч и протянул руки к Уго.

Мальчик, державший ядро Доменико Блазио, не задумываясь вручил железный шар Рожеру Пучу, и тот от неожиданности его подхватил. Ржавчина тут же перепачкала руки и красную котту молодого сеньора, ему потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя и бросить ядро на землю, а Уго воспользовался этими мгновениями, чтобы спрятаться за спиной у своего учителя.

– Что такое? – спросил де Рокаберти.

Пока Рожер Пуч охлопывал себя по котте, стараясь избавиться от ржавчины, его слуга и несколько солдат схватили Уго и выпихнули на обозрение виконту.

– Этот подонок, – зарычал Рожер Пуч, все еще отряхивая свои одежды, – оскорбил мою бабушку Маргариду Пуч. Он заслуживает наказания!

Слушая эти вопли, виконт одновременно прислушивался и к словам, которые шептал ему на ухо майордом. Рокаберти покивал.

– Что ты хочешь с ним сделать? – спросил он Пуча.

– В застенках замка Наварклес у него будет время пожалеть о тех поносных словах.

В толпе работников нарастал ропот. Уго побледнел и попробовал вырваться из рук слуги – того самого, кто избивал его в день казни мисера Арнау; и сегодня он снова ударил мальчика по лицу.

Жоан Наварро хотел вмешаться, но управляющий остановил его решительным жестом.

– Хорошо, – согласился виконт. – Заточи его на один год, а по прошествии этого срока ты его освободишь. Будешь давать пленнику достаточно пищи, чтобы он не умер. За его жизнь ты в ответе.

– Нет!.. – взмолился Уго, но колени его подогнулись, и мальчик упал.

– Быть по сему, – провозгласил Рожер, не придавая никакого значения протестам Уго. – А семейство Пуч выкажет вам свою благодарность.

Виконт уже поворачивался к осужденному спиной, когда раздался громкий окрик генуэзца:

– Вы совершаете ошибку!

Де Рокаберти так и не успел отвернуться, он остановился, чтобы услышать разъяснения, каковые Доменико не замедлил представить.

– Мальчик трудился на строительстве «Санта-Бригиды». Этот корабль несет в себе что-то от него, частичку его души – наравне с душами всех остальных мастеров, рабочих и подмастерьев. Если сегодня, в день представления галеры, флагмана всей армады, вы не проявите милосердие и великодушие, дух галеры рассердится. Разве власть имущие лишились сострадания?

Рожер Пуч рассек рукой воздух и коротко хохотнул. Уго пытался встать на ноги.

– Какой еще дух? – спросил через плечо виконт.

– У каждого корабля – свой дух, сеньор, – ответил старший мастер, указывая на громадную корму, нависающую над их головами.

– А что случится, если он рассердится? – спросил де Рокаберти, хотя и представлял заранее, что ему ответят.

– Галера никогда не будет хорошо ходить по морю.

– И даже, возможно, затонет, – добавил генуэзец.

– Вы же не станете верить в эти байки?

Виконт отмахнулся от брюзжания Пуча и надолго замолчал.

– Я убежден, – наконец изрек он, обращаясь к Рожеру Пучу, Уго и генуэзцу, – что твоя прославленная бабушка, твой дядя и вся его семья предпочли бы твердую уверенность в победе королевской армады наказанию дерзкого подонка, особенно если один из членов вашей семьи является частью моей команды. Или тебе хотелось бы выйти в море с такими дурными предзнаменованиями?

Рожер не нашелся с ответом.

– У нашего короля и так достаточно проблем с колдовством, которое высасывает его силы, а теперь он узнает, что мы поссорились с духом флагманской галеры из-за какого-то безбородого нищebroда! Отпустите его!

Виконт отдал прямой приказ слугам и солдатам, а потом прошествовал дальше, не проверяя, будет ли исполнено его повеление, как будто не допускал и мысли, что кто-то вздумает ему не подчиниться.

Все так и вышло. Уго снова был свободен. «Отпустите его!» Мальчик уже дважды в своей жизни слышал эту команду, возвращавшую ему свободу. Взгляд его встретился с полным ненависти взглядом Рожера Пуча. «В следующий раз тебе так не повезет», – предупреждал его Рожер рядом с эшафотом. Уго улыбнулся. Ему опять повезло. Увидев ярость в глазах юного вельможи, Уго хотел было опустить голову, но вспомнил совет мисера Арнау: «Не склоняйся ни перед кем». Мальчик глубоко вздохнул, сжал кулаки и не отвел взгляда. Мимо него уже прошел старший мастер и теперь проходила свита виконта де Рокаберти, не терявшая из виду своего господина, однако в глазах Уго это была лишь расплывчатая бессмысленная тень. Стоявший перед ним Рожер Пуч дрожал от ярости, вены на висках и шее вздувались от напряжения. Уго ждал, упорно не отводя взгляда, пока вельможа наконец не решил последовать за виконтом.

– Уго. Уго!

После второго окрика спасенный почувствовал, что кто-то его трясет. Сзади стоял Жоан Наварро. Мальчик попытался изобразить на лице улыбку, однако помощнику управляющего было не до смеха.

– Ты должен уйти с верфи, – велел Наварро. Уго затрясся. – Виконт не желает, чтобы ты находился возле кораблей. Ты должен уйти прямо сейчас. Таково его повеление.

3

Уго поднимался к кварталу Раваль – туда, где строилась новая стена. Шел туда, не думая. «Спрячься, – шепнул мальчику Наварро, пока королевский солдат следил за исполнением приказа. – Не высовывайся по крайней мере до тех пор, пока Рожер Пуч не выйдет в море вместе со всей армадой». Генуэзец тоже хотел что-то сказать, но настолько расчувствовался, что не смог произнести ни слова и наградил Уго крепким поцелуем, так что щека его намочила от слез. Мальчик и сейчас ощущал влагу на лице, хотя, возможно, это были уже его собственные слезы.

За верфью, между Рамблой и новой стеной, заложенной королем Педро, открывался квартал Раваль – просторная территория, которая заселялась барселонцами по мере того, как здесь строились здания, не помещавшиеся внутри стен или же неуместные в городе: монастырь

Сант-Пау-дел-Камп, госпиталь Сан-Лазаро для прокаженных, два здания большого монастыря кармелиток, давшего название улице Карме, госпиталь Колом, тоже поименовавший свою улицу, Госпитальную; женский доминиканский монастырь по соседству, маленький госпиталь Вильяр, монастырь Сант-Антони-Абат, монастыри Монталегре и Насарет... В Барселоне было столько церквей и монастырей, что Педро Церемонный запретил строить внутри городских стен новые религиозные учреждения и расширять уже существующие, потому что, как утверждал король, если так будет продолжаться и далее, то Барселона останется без граждан, способных защищать и хранить город.

Вокруг монастырей и больниц Равалья начали селиться люди – в большинстве своем небогатые, а иногда и совсем нищие. И все-таки заселенная часть нового квартала (в основном вокруг будущей улицы Карме) была ничтожно мала в сравнении с общими размерами Равалья; остальное пространство между новой стеной и морем занимали огороды и пахотные земли.

Именно по этим огородам с рассеянными там и сям бедняцкими хижинами брел апрельским вечером 1387 года изгнанный с верфи Уго. Весеннее солнце, сулившее приход жары и безветрия, столь ценимых на верфи, поскольку они предвещали открытие навигации, служило для мальчика лишним поводом задуматься о неопределенности его собственного положения. Уго обернулся посмотреть на море – оно осталось позади. Плеск волн, радостная суматоха корабелов, рыбаков и матросов уступили место унылым грядкам, на которых все возростало медленно и беззвучно. Уго попробовал вдохнуть запах моря, и ноздри его залила волна смрада – так пахли удобрения. Зато разум его прочистился резко и окончательно. Он лишился всего. А ведь совсем недавно думал, что ему сопутствует удача. «Дурак!» – вслух обругал он себя. Ему теперь никогда не сделаться *mestre d'aixa*, не стать даже конопатчиком. Мечтания и грезы, разрушенные по прихоти одного высокомерного юнца.

Мальчик остановился в нерешительности, не зная, что делать, не понимая, следует ли ему прятаться. Уго не верил, что Рожер Пуч будет его преследовать. Зачем ему утруждаться ради какого-то безбородого нищеврода. Мальчику поневоле вспоминались оскорбительные слова виконта. Рожер Пуч вскоре отправится в плавание вместе с королевской армадой, весь в золоте и перепоясанный мечом. «Да чтоб ты утонул, чтоб тебя рыбы сожрали!» – запальчиво пожелал Уго и тут же, при мысли о рыбах, обернулся в сторону моря. – Берегись, Рожер Пуч! Там, внизу, – мой отец, а старинные родословные в море ничего не значат». И одна эта мысль помогла ему воспрянуть духом.

Уго пошел в сторону монастыря доминиканок и госпиталя Колом. В отличие от запутанных лабиринтов внутри города, немногочисленные улицы квартала Раваль все были длинные и прямые. И здания строили без мостиков, без жилых арок, которые перекидывали через барселонские улочки, чтобы, соединяя дома, выиграть еще чуточку городского пространства. С помощью этих арок и мостиков можно было пересечь из конца в конец всю Барселону, ни разу не ступив на землю. Барселона заканчивалась там, где шла старая римская стена, после Рамблы, у ворот Портаферрисса и Бокерия, а от ворот отходили две главные магистрали Равалья: улица Карме и Госпитальная улица.

Уго поднялся по улице Робадор, на которой стояло уже немало домов и ощущалось человеческое присутствие, и дошел до конца, до Госпитальной улицы. По правую руку виднелся монастырь кармелиток и госпиталь Колом – простое здание с двускатной крышей, маленькая церквушка и колокольня. У больничных дверей собралось немало народу – судя по облику, не из богатеев.

Уго вспомнил рассказ мисера Арнау о госпитале Колом. Здесь могли бесплатно содержать дюжину неимущих больных и столько же детей-подкидышей. Управляющий госпиталем рассылал сборщиков подаяния, и они каждодневно ходили по улицам, прося деньги на нужды Колома; здесь трудились добровольцы-миряне, посвятившие себя уходу за больными, а о младенцах заботились няни и кормилицы. Эти люди и составляли общину госпиталя Колом,

устройство которого повторяло устройство городских больниц. «А где же врачи?» – спросил Уго, выслушав рассказ мисера Арнау. «Там нет врачей, – пояснил старик. – Зато все барселонские медики обязаны бесплатно и поочередно работать в больницах, где лечатся бедняки. Так повелел много лет назад король Педро. А те, кто откажется, лишаются дозволения заниматься медицинской практикой».

А еще Арнау рассказал, что Колом не бедствует, что там всегда достаточно хлеба и его раздают беднякам. Уго еще раз взглянул на собравшихся у дверей госпиталя и почувствовал, как рот его наполняется слюной. В тот день из-за торжественной процессии на верфи мальчик остался без обеда. Он пристроился в задних рядах, а вскоре услышал, что и за его спиной тоже дожидаются голодные люди. Оборачиваться Уго не стал. Может быть, ему здесь и дадут хлеба... а что потом? Будет ли у него пропитание вечером... и на следующий день? Холодный пот заструился по его спине, ладони противно взмокли. Мальчик не знал, что ему делать, чем зарабатывать на жизнь.

Но Уго тотчас позабыл о своих печалях, когда двери госпиталя раскрылись и на пороге возникли двое служителей с тяжелой корзиной. В ту же секунду мужчины и женщины, старые и молодые, вступили в борьбу за место в первых рядах. Уго оказался зажатым среди этой толчеи... Крики, тычки, подножки, а кое-где и кулаки – все пошло в ход, когда дарители приступили к раздаче хлеба. Уго терпеливо сносил толкотню, ему осталось продвинуться лишь на несколько шагов, и он был бы рад получить даже черствую краюху. Голод терзал его невыносимо, и в какой-то момент мальчик перепугался, что хлеб в корзине вот-вот кончится. По толпе прошел ропот, общее беспокойство сделало бедняков еще агрессивнее. Уго без зазрения совести распахивал тех, кто стоял на его пути. Мальчик как мог протискивался вперед, и тут его схватили за левое плечо. Уго ткнул кулаком назад – сильно, не глядя. Он никому не уступит своего места! Другая рука потянула за правое плечо. Уго это предчувствовал. Руки были большие и сильные, таких не могло быть ни у кого из горемык, пришедших в Колом за хлебом. Мальчик не стал оглядываться. Он бросился на землю, и это позволило ему вырваться. Раздался громкий вопль. Уго слышал над собой команды (их, несомненно, отдавал слуга молодого Пуча), а сам на четвереньках полз между чьих-то ног, ускользая от преследователей. Оставшиеся позади бедняки тоже кричали: всем показалось, что слуга Рожера Пуча решил проскочить без очереди и отобрать их хлеб.

- Прочь отсюда, собака!
- Разбойник!
- Проси еду у своего господина!

Несмотря на многочисленные пинки и шлепки по голове, Уго продолжал ползти вперед, извиваясь и вонзая зубы в икры тех, кто не желал посторониться. Таким образом он достиг переднего ряда и служителей с корзиной. Бедняки, ждавшие своей порции хлеба, пытались остановить мальчика, но он все-таки сумел просочиться мимо них к дверям госпиталя. Один из служителей проследил взглядом за мальчиком, скривился, пожал плечами и вернулся к раздаче хлеба. Больше Уго препятствий не чинили.

Он бежал без оглядки, пока не оказался в центре длинного зала. Здесь он перегнулся пополам, упер ладони в колени и остановился, чтобы перевести дух. Оглянулся на двери – никого. Происходившая снаружи потасовка как будто не могла проникнуть под эти своды. Вдоль стен стояли ряды кроватей, на некоторых лежали сразу по два человека. Почти все молчали или же издавали жалобные стоны. Мальчик глубоко вздохнул. К нему приближалась полная женщина.

- Тебе нельзя здесь находиться, – тихо, но сурово сказала она. – Если ты хочешь хлеба...
- За мной гонятся.

Даже эти слова дались Уго с трудом. А перепалка за дверью вспыхнула с новой силой. Женщина секунду поразмыслила, прислушиваясь к крикам.

– Ладно, ступай за мной, – велела толстуха.

Они вышли из зала через боковую дверь и оказались во дворе, где играли дети. Пересекли его торопливо, причем женщина приложила к губам палец, призывая к молчанию кормилиц с младенцами на руках. Открыла дверь в противоположной стене, воспользовавшись одним из ключей, звякавших в огромной связке у нее на поясе, и позвала мальчика внутрь.

«Винный погреб», – определил Уго в потемках, ощутив характерный запах. Скрип ключа в замке отозвался внутри гулким эхом. Почему она его заперла? Единственным источником света в помещении служило окошечко в закрытой двери.

Уго подкатил старую бочку, залез на днище и приник к окошку. Толстая ключница, бурно жестикулируя, что-то объясняла хорошо одетому мужчине. Оба посмотрели на дверь, а потом скрылись в госпитале.

– Нет! – закричал пленник.

Он попробовал открыть дверь – ничего не получилось. Выглянул во двор – одна из кормилиц, поймав его взгляд, покачала головой.

– Не может быть! – заскулил Уго.

В полутьме он разглядел несколько чанов и выдолбленных в каменном полу ям, дальше стояли бочки. Ни другого окна, ни второй двери в винном погребе не было. Мальчик убедился в этом, шаря вслепую, сначала чертыхаясь, потом поскуливая, а потом пиная ногами бочки. Он заперт! Уго снова выглянул в окошко в тот самый момент, когда ключница, управляющий госпиталем и слуга Рожера Пуча решительным шагом направлялись к его тюрьме. Попался! Уго слез с бочки и принялся искать. Вот он нашарил крепкую палку – не хуже добротного весла. Сгодится. Мальчик просунул палку в железную ручку на двери. «И что теперь?» Скрежет ключа в замке и стук палки, не дававшей открыть дверь, смешались с криками и проклятиями слуги Пуча, которые тот извергал в день казни Арнау, – теперь они эхом отзывались в памяти Уго. Да, скоро он снова окажется в этих жестоких руках.

– Мальчик! Открой! – донеслось через окошко. – Мы не сделаем тебе ничего плохого.

Эти слова произнес не слуга. Уж его голос мальчик узнал бы даже в преисподней.

И вскоре из окошка послышались совсем другие звуки.

– Я убью тебя!

А вот это точно слуга! Уго содрогнулся. Несомненно, он именно так и поступит. Убьет его. Никто об этом не узнает, и... Уго подобрал с пола еще одну палку – потоньше, но не менее прочную – и в кромешной тьме упер один ее конец о выступ на двери.

– Чем дольше ты нам не открываешь... – грозился через окно слуга.

«Пора», – решил Уго.

Он просунул палку в окошко и навалился изо всех сил. Дерево в его руках задрожало, хрустнула кость. «Хорошо бы глазница, – подумал Уго, – ведь удар был направлен снизу вверх». Пока снаружи раздавались крики и стоны, мальчик успел освободить дверь, распахнул ее одним рывком и выскочил во дворик, перепрыгнув через тело распростертого на земле слуги. Мельком увидел, что между пальцами, которые раненый прижимал к лицу, обильно сочится кровь. Он уже готов был пробежать через двор, но обернулся посмотреть на управляющего и ключницу. Оба они опустили на колени рядом с раненым и взирали на мальчика так, будто он привидение.

– Гадина! – выкрикнул Уго тоненьким, будто проволока, голоском, выплескивая в оскорблении все накопившиеся страхи.

А потом Уго побежал. Пронесся через дворик, через зал с больными и, не останавливаясь, припустил по Госпитальной улице прочь от города, до самого госпиталя Сан-Лазаро. Мальчик свернул, только завидев впереди новую стену и ворота Сант-Антони: у ворот могли стоять стражники.

Местность вокруг беглеца снова сделалась необитаемой: рядом с госпиталем для прокаженных не было даже лачуг. Убедившись, что никого рядом нет, Уго забрался в чей-то огород и вытащил из земли две еще зеленые луковицы. Мальчик знал, что за такой проступок полагается наказание, а денег, чтобы заплатить установленный штраф, у него не было. Но он отбросил опасения, почувствовав горький вкус и жесткую плоть луковицы. Ну какой штраф возможно наложить за поедание таких отбросов? Уго шел, не разбирая дороги, с трудом пережевывая кусочки, которые приходилось отрывать зубами. Уго думал о матери, об их разговорах украдкой возле Святой Марии у Моря после окончания мессы. Когда сын излагал Антонине свои планы на будущее, она улыбалась и крепко обнимала его, очень крепко. «Я плачу от радости, – говорила мать. – От радости, сынок». И снова обнимала его так крепко, что у мальчика перехватывало дыхание, но он никогда не жаловался: ему нравилось. И как теперь признаться матушке, что все его мечтания рассеялись. Такая новость привела бы ее в отчаяние. Она бы снова плакала... но в этот раз от горя. И виноват был бы он, Уго. Теперь Антонина состарится простой служанкой в доме у перчаточника.

Мальчика душили слезы. Он нашел себе укрытие под дощатым навесом, который, вероятно, когда-то являлся частью бедняцкой лачуги, ныне покинутой. Уго сел на пол и уже поднял руку, чтобы выбросить остатки второй луковицы, словно желая избавиться от всех своих невзгод, но в последний момент передумал и отложил луковицу в сторону. Он подумал о сестре. Арсенда тоже опечалится; впрочем, ее чувства никоим образом не отразятся на размере приданого, которым обеспечит девушку эта паскудная монахиня, чье имя Уго никак не мог запомнить. Арсенда выйдет замуж за хорошего человека.

Темнело в апреле медленно. Как же красиво такое вот розоватое свечение над морем! Уго попробовал отыскать нечто подобное среди огородов и возделанных полей. Но что может быть прекрасного в закатном свете над грядками лука? Впервые за долгое время мальчик улыбнулся, и улыбка его переросла в хохот. Лук! На сей раз Уго зашвырнул остатки своего ужина как можно дальше. Потом вздохнул, и вскоре сон положил конец этому дню, причинившему Уго столько тревог.

Мальчик проснулся с первыми лучами зари и обнаружил, что ноги его босы. Ночью у него украли его великолепные абарки с кожаной подошвой, а он даже не почувствовал! Уго оглядел свое пристанище и попробовал вспомнить: а вдруг он сам разулся перед сном? Нет, он точно этого не делал. Зато рядом с собой Уго обнаружил луковицу. Его сандалии поменяли на лук! Вероятно, за ним вчера следили и видели, как мальчик ее выбросил...

– Подонки! – крикнул Уго, выходя из-под навеса и грозя мирозданию луковкой в воздетой руке.

– Чего орешь, парень? – Голос прозвучал у него за спиной. «Видимо, старик работает здесь, на огородах», – догадался Уго. – Чем это ты там машешь? – Старик застал его врасплох, с поднятой рукой. – Вот! – заорал огородник, увидев лук. – Держи вора!

Уго бросился бежать. Не успев сделать и двух шагов, напоролся на камень. Ступню пронзила резкая боль, мальчик упал. Старик приближался, хромя, с мотыгой в руке, хватая ртом воздух, которого ему не хватало, чтобы позвать на помощь. Мальчик поднялся. И все ради такого жалкого трофея! Он взглянул на луковицу, предъявил ее старику с мотыгой и аккуратно положил на землю. Уго молился небесам, чтобы огородник удовлетворился возвратом похищенного. Воришка склонился в низком поклоне, как когда-то во время прогулок с мисером Арнау, потом выпрямился.

– На что старому Нарсису луковица, вырванная из земли и облапанная вором?

Мальчика сграбастали двое мужчин – так крепко, что Уго решил, что руки вот-вот оторвутся.

– Я не... – только и успел пролепетать несчастный, а его уже подтащили к старику; как только мальчик оказался в пределах досягаемости, Нарсис черенком мотыги что есть силы ударил его по спине.

– Только не убивайте его, Нарсис. Он сослужит нам хорошую службу в виде примера для других сопляков, которые шастают по нашим огородам.

– Есть у тебя деньги, чтобы расплатиться за весь украденный тобой лук?

Один из державших грубо встряхнул Уго. Он наклонил голову к самому лицу пленника, будто собираясь его укусить, и злые слова вырывались у него изо рта вместе с густым зловоном.

– Я и взял-то всего две, – оправдывался Уго.

– Брехня! – вмешался второй мужчина. – Где твои дружки? Бросили тебя одного?

– Ты и за них заплатишь!

– Деньги есть?

И мальчика снова затрясли.

– Нет! – раз за разом выкрикивал Уго.

Процессия вышла из Городского Дома, в котором размещался зал Совета Ста и где вершилось правосудие, обогнула Дом и остановилась на площади Сант-Жауме. Уго так и не признал за собой краж, в которых его обвинили облыжно, но сразу же сознался в том, что вырвал две луковицы, которые даже не успел доест, поэтому трое городских советников вынесли приговор молниеносно. Обвиняемого, одетого только в истрепанные штаны, с голой спиной и связанными спереди руками, усадили на осла и подготовили к порке.

– Не переусердствуйте, – уже неофициально напутствовал городской советник альгвасила.

А Уго тем временем вспоминал о наказании, которое город наложил на одного сквернословия, в жаркой перебранке изрекшего хулу на Господа Иисуса Христа; если бы он нанес оскорбление преднамеренно, его бы приговорили к смерти без всякого снисхождения. В тот раз богохульнику пронзили язык железным прутом, связанным посадили на ослика (быть может, того же самого, на котором сейчас восседал Уго) и провезли по всему городу: под крики плашатая барселонцы ругали его, оплевывали, забрасывали камнями, а еще хлестали бычьими кишками, набитыми экскрементами. Перед Уго вновь возник образ этого человека с разинутым окровавленным ртом, с лицом, заляпанным калом. Провезя бедолагу по улицам, его приковали к позорному столбу на площади Сант-Жауме. «А если меня тоже решили выпороть не кнутом, а бычьей кишкой с какашками?» – встревожился Уго. Мальчик сгорбился на неоседланном ослике, костистый хребет скотинки врезался ему в промежность, он был напуган воспоминанием о богохульнике, который захлебывался собственной кровью и экскрементами, попадавшими в разинутый рот, и тут его хлестко ударили по спине. Уго обернулся. Пеньковые веревки! Мальчик возблагодарил милосердных судей, и тут же раздался крик: «Луковый вор!» Публичное глумление началось.

Почти все утро мальчика под весенним солнцем возили по улицам города. От площади Сант-Жауме к собору. Оттуда на площадь Блат и к церкви Святой Марии. Площадь Борн, церковь Святой Клары, берег, торговая биржа с Морским консульством, монастырь Фраменорс, городские верфи...

Двое солдат прокладывали ослику путь и громогласно призывали горожан полюбоваться позором Уго, как будто для этого было недостаточно ватаги оголтелых мальчишек, бежавших по сторонам и улюлюкавших вокруг осла. Мальчика продолжали пороть веревками, и на детской его спине уже прорвалась кожа, а сам преступник сделался мишенью для ругани и плевков, совсем рядом пролетело несколько камней, однако альгвасилы немедленно пресекали такие попытки.

Где-то на улицах Риберы, за церковью Святой Марии, где селились люди моря, когда процессия уже приближалась к кварталу Комтал, злобные лица мужчин и женщин – орущих, хохочущих, тычущих пальцами – превратились в мутную расплывчатую массу. Уго почти перестал ощущать, как, рассекая плоть, хлопает по спине веревка, и перестал бояться, что его увидит Рожер Пуч или кто-то из его прислужников. Ему уже было все равно. Он закрыл глаза и посреди гомона и суматохи стал молиться. Он взывал к Деве Марии, умоляя, чтобы матушка не узнала, какая с ним приключилась беда.

– В следующий раз ты попробуешь добротного кожаного кнута, – предупредил альгвасил, снимая Уго с ослика по возвращении к Городскому Дому. Он развязал веревки и вернул мальчику рубашку. – Сначала ступай обмойся, – посоветовал страж порядка, увидев, что Уго собирается одеваться. Мальчик ошалело помотал головой. – В море. В твоём распоряжении целое море.

Злоумышленнику пришлось вытерпеть еще немало оскорблений по дороге от Городского Дома к берегу, однако теперь – без альгвасилов, без осла и веревок, с окровавленной спиной – мальчику больше сочувствовали, нежели глумились над ним.

– Замолчи! Оставь бедняжку в покое! – выговаривала немолодая женщина своей товарке возле пекарни на улице Регомир. – Он уже искупил свою вину. Это ведь голод заставляет их воровать лук. Возьми, паренек.

С этими словами женщина оторвала изрядный кусок от еще горячей буханки хлеба.

Хлеб из гороха с чуточкой белой муки. Уго проглотил кусок только что из печи, не успев даже ощутить вкус. Затем вышел на берег и под взглядами матросов и рыбаков пробрался между лодками к самой его кромке, где лениво плескались волны. Погода стояла хорошая: тепло, солнечно, безветренно. Несмотря на ясный денек, вода показалась холодной, так что, не войдя еще по пояс, Уго окунулся, и спину ожгло страшной болью. Мальчик сидел в воде, пока жжение не прекратилось. «Мне повезло», – еще недавно, на верфи, радовался Уго, когда не попал в темницу замка Пучей. В Равале он сильно засомневался в своем везении. Но теперь... За каких-то два дня его мир рухнул. И все-таки Пучи до него не добрались: естественно, им было бы сложно узнать его на низкорослом ослике, со склоненной головой, между двумя рядами злобных зрителей. И матушка его тоже не видела, в этом Уго был уверен. Мальчик устремил взгляд к горизонту, далекому и бескрайнему. «Луковка!.. Ха-ха!»

Уго вылез из моря с мурашками по всему телу и стал поскорее натягивать рубаху.

– Сначала оботрись, парень, – посоветовал приземистый бородатый конопатчик, на ходу бросая тряпицу. Потом осмотрел раненую спину. – Повезло тебе, – добавил он. – Стегали без злости.

– Повезло? – вырвалось у Уго.

– Конечно. Это ведь ты полез в драку, когда казнили мисера Арнау? – Вопрос больше походил на утверждение. – Смело. Неразумно, но смело. Вступить за справедливость перед придворными полагалось городским советникам, но их больше интересует дружба с властью имущими, чем судьба горожан, а теперь, без короля Педро... – Конопатчик прищелкнул языком и, не закончив фразу, громко позвал какого-то Андреса, каковой вскоре высунул голову из-за лодки. – Принеси снадобья от ран, – велел бородач.

Барселонский берег разделялся столбами, отмечавшими зоны, где можно вытаскивать на берег рыбацкие лодки, и зоны, предназначенные для строительства судов под открытым небом. Перед старинными римскими воротами Регомир располагалась старейшая в Барселоне площадка для корабелов. Рядом со стеной стояло небольшое здание под названием *Voltes dels Fusters*¹⁰ – здесь хранились паруса, мачты, реи и другие детали оснастки, но корабли строили

---

¹⁰ «Своды плотников» (кат.).

прямо на берегу; этим ремеслом и занимались Андрес, паренек чуть постарше Уго, и Бернардо, его отец: первый был подмастерьем, второй – мастером-конопатчиком.

Бернардо сам обработал раны мальчика: от его мази спину снова ожгло, как при погружении в соленую воду. Пока он это делал, подошли другие работники. Все знали, что Уго провозили по улицам на осле, а еще, кажется, всем было известно, что произошло в день казни мисера Арнау.

– Ты ведь сын Матиаса Льора? – спросил сгорбленный мастер, морщинистый и загорелый. – Его еще прозывали Свистун. Твой отец всегда что-то насвистывал. – Старик закаркал – такой у него был смех. – Очень его было жалко. Как твоя мать поживает?

– Хорошо... – промямлил Уго.

– Красивая женщина, – добавил старик.

– А ты? – вмешался еще один. – Тоже будешь моряком?

Моряком? Уго помотал головой, словно не отваживаясь произнести вслух. Батюшка... тот всегда говорил, что море чудесно. «Оно как прекрасная женщина, на которой ты покачиваешься, – объяснял он. – Море – вот мое лучшее наслаждение... после тебя», – поправлялся отец, если Антонина слышала его речи и недовольно морщилась. А когда отец с сыном оставались наедине, Матиас заводил настоящий мужской разговор: «Уго, нет на свете девки такой капризной, так умеющей тебя выбесить, как море. Держись от него подальше». Мальчику не довелось узнать, каким капризным оно может быть. «Обещай мне, Уго, что ты никогда не уйдешь в море, как ушел он», – умоляла Антонина в день похорон, указывая на гроб. И Уго пообещал.

– Знаешь, где улица Регомир?

Вопрос человека, который, судя по теслу в руке, являлся *mestre d'aixa*, пробудил Уго от грустных воспоминаний. Мальчик растерянно помотал головой.

– Да знаешь, знаешь! Ты же по ней на берег спустился! – подсказал Андрес.

– Ах да!

– Ну так ступай туда и отыщи кузницу Сальвадора Виньолеса, – велел *mestre d'aixa*. – Скажешь кузнецу, что пришел от меня, от Жоана Пужоля, и пусть он отдаст тебе гвозди, которые я ему заказывал. Ну и чего застыл, постреленыш? – поторопил он Уго.

Эта партия гвоздей и еще два поручения, которые Уго исполнил для конопатчиков, доставили ему краюху хлеба, миску куриной похлебки с овощами и полный стакан вина – Андрес принес новому знакомцу ужин прямо на берег. А еще мальчику позволили ночевать внутри корабля, который постепенно разбирали на доски.

Так Уго стал жить среди людей моря и спать под кораблями; он прятался, едва завидев блеск дорогих одежд или заслышав звуки приготовлений, всегда предшествовавших появлению вельмож. Навестил Арсенду. Уго не отважился признаться сестре, что больше не работает на верфи. Пришлось объяснять, почему он босой: просто забыл прихватить сандалии. «Однажды ты их где-нибудь вот так оставишь, вернешься – а их уже и нету...» – предупредила сестра.

Со временем страхи перчаточника после стычки Уго с семейством Пуч поутихли, и мать с сыном снова могли обмениваться парой слов по воскресеньям, выходя из церкви Святой Марии у Моря. Антонине мальчик тоже ничего не рассказал о происшествии на верфи. Он не мог найти нужных слов. Угрызения, терзавшие его, однако, утихали при встрече: ни мать, ни сестра не задавали вопросов, хотя Уго все-таки расплатился за молчание, когда руки Антонины, которая обнимала его и гладила по спине, снова пробудили жгучую боль.

Несколько раз Уго подходил к верфи. Работы велись безостановочно, и деревянная загородка, поставленная перед морским фасадом для защиты от волн, то стояла на месте, то убиралась, чтобы открыть проход к берегу. Бастайши перетаскивали древесину и инструменты. Моряки и мастера снаряжали галеры. Генуэзца нигде не было видно. Уго не разглядел ни его,

ни других пленников с ядрами. Зато издалека узнал Жоана Наварро. Взгляды их встретились, и оба улыбнулись.

Уго подошел к помощнику управляющего.

– А где генуэзец? – поздоровавшись, спросил мальчик.

– Он теперь свободен.

И они посмотрели на море, как будто могли увидеть Доменико Блазио там, вдалеке.

Однажды Андрес предупредил Уго, что о нем спрашивают в Равале. «Слуга знатного сеньора, – ответил, когда Уго спросил, кто именно. – Это правда, что ты продырявил ему голову?» Они вместе посмеялись над недавним происшествием, однако Уго воспринял новую угрозу всерьез и перестал появляться в этой части Барселоны. Но даже такая предосторожность не пошла ему впрок. Да, Уго старался не попадаться на глаза сеньору и его слуге, рыскавшим по кварталу Раваль, зато сеньоры и их слуги сами появились на верфи Регомир. Уго уже не однажды видел такое, он даже ходил вместе с отцом, когда тот вербовался на корабль; поэтому мальчика не удивило то, что произошло в следующее воскресенье, после объявления об отплытии королевской армады на Морею.

Корабелы выходили с мессы в церкви Святой Марии, а из собора под звуки труб выступала целая процессия: король и его местоблюститель на Востоке виконт де Рокаберти, епископ и другие священники из собора, рыцари и придворные под должным образом освященными штандартами, городские советники, знатные горожане, прочая свита, а следом – простой барселонский люд, к которому примкнули и прихожане Святой Марии у Моря. Пока глашатаи во весь голос призывали записываться в королевскую армаду, Уго заметил Рожера Пуча – тот шествовал рядом с дядюшкой, графом де Наварклес, в самых первых рядах. Уго искал среди свиты знакомого слугу, и узнать его не составило труда: половину его лица скрывала повязка. Мальчик изо всех сил старался, чтобы матушка не заметила, как все его тело трясется мелкой дрожью.

– Помни о своем обещании, – сказала Антонина, неправильно расценившая волнение сына. – Ты не должен вербоваться в матросы.

Процессия миновала церковь Святой Марии и вышла на площадь перед биржей, у самого берега с верфью Регомир, на которой теперь работал Уго. И там, усевшись за подготовленный заранее стол, покрытый алой скатертью, сам король призывал горожан вербоваться в его армаду.

Тысячи горожан стеснились вокруг солдат, оберегавших монарха и придворных. Уго тоже пробился поближе. В такой толчее он не опасался, что его узнают. Король Хуан завершил свое воззвание, и толпа беспокойно зашевелилась. Глашатаи перевозносили короля, виконта де Рокаберти, адмирала и капитанов армады; их крики воспаляли толпу и побуждали простых горожан, арбалетчиков, гребцов и солдат приобщиться к славе, которая ждет их в далеких краях. Зазвучали трубы, барабаны и волынки. Всеобщее возбуждение нарастало, король с приближенными наслаждались произведенным эффектом. Из тысяч глоток вырвался крик:

– Долгих лет королю Хуану!

Уго стоял на цыпочках, зажатый среди взрослых, стараясь ничего не пропустить. Он увидел довольную улыбку на лице короля Хуана. Монарх наслаждался рукоплесканиями и приветственными криками. Желал их все больше и больше, и ликующие подданные его не разочаровали. В конце концов, когда солдаты уже едва сдерживали напирющую толпу, король протянул правую руку к одному из приближенных, и тот сразу наполнил ее монетами. Уго, казалось, слышал, как люди затаили дыхание в тот краткий момент, когда дождь из монет радугой засверкал над головами барселонцев; а потом тишина взорвалась неразберихой, давкой и борьбой за монеты, которые горстями швыряли король, виконт де Рокаберти и адмирал. Уго бросился на землю, как и другие мужчины и женщины вокруг него. Он ползал и шарил, то

слыша ликование нашедших и кривясь от зависти, то жмурясь от солнечного света, – мальчику приходилось задирать голову, чтобы увидеть, куда упадут очередные монеты, упорно не дающиеся ему в руки.

Наконец он заметил блестящий кружок неподалеку. Пронесся на четвереньках, перемахнув через неуклюжую толстуху. Уго уже протянул руку, но его опередил лысый парень, крепкий и проворный... Откуда он взялся? Уго застыл на месте. Лысый даже не обернулся и пополз дальше в поисках новых сокровищ. Уго проводил удачливого соперника обескураженным взглядом. Тот был похож на собаку: возбужденно принюхивался и рыскал, ни на кого не обращая внимания. И вел себя как на охоте. Искал монеты, точно преследовал добычу, толкался без всякой жалости, обходил стороной более сильных; упирался ногами в землю... Ногами? Вот в чем дело: лысый был обут в его абарки! Уго погнался за ним. Мальчик торопился, не обращая внимания на золотой дождь, из-за которого возникали все новые перебранки и стычки, даже не представляя, как будет разбираться с похитителем сандалий. Лысый был старше Уго, детская обувь была ему мала, кожаные ремешки едва не лопались. К тому же вскоре, когда король и свита уже возвращались во дворец, к лысому присоединилась целая стая пацанвы разных возрастов. Уго заметил, как Лысый Пес отвесил подзатыльник малышу, который, мотая головой, показывал пустые ладони. Уго осторожно прошел мимо.

Собравшиеся на берегу барселонцы уже расходились по домам, у многих был довольный вид. Люди кричали и размахивали руками, гордо показывая добытые монеты. У вербовочного стола остались только чиновники и очередь из мужчин, пожелавших записаться в королевскую армаду и сразу же получить свое первое жалованье. Каждый из желающих завербоваться должен был представить одного поручителя и принести присягу на Библии; после этого завербованные убегали тратить деньги. Позже некоторым придется пожалеть о своем решении, однако договор вступал в силу немедленно.

Уго следовал за шайкой юнцов, осмотрительно держась на расстоянии. И вовсе не удивился, когда они направились в Раваль. В мальчике закипала ярость, стоило только вообразить, как они, тоже все вместе, шли в тот день – хохотали, орали, перебивая друг друга, насмеялись над простачком, у которого стащили сандалии, а он даже не проснулся. «А луковица!..» – наверняка насмеялся кто-то из них, возможно Лысый Пес. «Его провезли по всей Барселоне, всю спину исполосовали!» – добавлял кто-то другой, и смех того дня горьким эхом отозвался в мальчике рядом с воротами Бокерия, когда стервецы действительно расхохотались, похлопали друг друга по спине и разошлись в разные стороны. Лысый Пес поднимался по Рамбле в компании двух пареньков – один из них был тот самый побитый малыш. Все трое вошли в дом на улице Тальерс. В этом районе на окраине Барселоны, возле новой стены, было много мастерских по выделке кирпича, а еще здесь селились мясники.

На следующий день, в понедельник, Уго, выполняя поручение, данное ему на верфи Регомир, сделал крюк, чтобы найти своего обидчика. Лысый Пес работал вместе с огромным мужиком на бойне за воротами Бокерия; там же на грубо сколоченных прилавках продавалась козлятина, свинина и баранина – мясо, торговля которым в черте города была запрещена. Уго переживал, что кровь, стекающая с фартука злодея, может заляпать его сандалии... От злости мальчик даже рассмеялся: он не знал, что предпринять. Лысый был выше на голову, силен и напорист, а может быть, еще и опасен... Но абарки до сих пор на нем! Уго сжал зубы, кинул последний взгляд и побрел прочь, обманывая себя тем, что его ждут на верфи Регомир.

Несколько дней Уго приглядывался и выслеживал. Будние дни у ворот Бокерия ничем не отличались один от другого; рабочая рутина нарушалась лишь тогда, когда парень вместе с отцом ходил в церковь своего прихода, Святой Марии у Сосны. На открытом пространстве между кладбищем и церковью мясник вставал на ходули и весело вышагивал в компании мальчишек, покрикивая и гоняясь за друзьями сына. Толпа зевак, стеснившаяся полюбоваться великаном на ходулях, позволяла Уго подобраться ближе, не боясь, что его узнают. Тогда-то

следопыт и выяснил, что отец Лысого Пса выступает в роли великана на празднике Тела Христа, а в свободное время упражняется. «Когда он идет в процессии, на нем одежды до самой земли», – поведала какая-то женщина. Когда гигант слезал с ходуль, сорванцы принимались за игру: хватали деревянные и пытались повторить трюки мясника, а тот вместе с соседями хохотал над их прыжками и падениями. Церковь Святой Марии у Сосны, а особенно ее недостроенная башенка, в которой хранились ходули, видимо, служила любимым прибежищем для лысого и его дружков: в праздничные дни, вдоволь наслонявшись по Барселоне, они собирались в этой пустующей пристройке. Уго следил за ними, спрятавшись на близлежащем кладбище.

Лысого Пса звали Жоан Амаат. Он был сыном мясника из Бокерии. И да, он был опасен. Все это Уго узнал от Андреса, когда, не придумав, как заполучить обратно свои абарки, отказался от бесполезного преследования и решил спросить совета у подмастерья-конопатчика.

– Во всей Барселоне нет уголка, где бы его не знали. Лучше бы тебе с ним не связываться, – прибавил Андрес, тем самым давая понять, что и сам он, хотя и старше годами, не отважится встать на дороге у Жоана.

– Мне говорили, что я не должен склоняться ни перед кем.

Андрес широко улыбнулся:

– Рискованный совет. А тебе не говорили, как этого добиться?

– Нет, – нехотя сознался Уго еле слышным шепотом.

Андрес успел разглядеть печаль во взгляде товарища, прежде чем Уго отвернулся в сторону моря.

– Это и есть самое главное в жизни: унижение и принуждение никому не по вкусу; штука в том, чтобы научиться этого избегать. Будь очень осторожен с Жоаном Амаатом, – еще раз предупредил Андрес.

Глядя на море тихими весенними вечерами, опираясь спиной о вытасченную на берег лодку, Уго задавался вопросом: как бы поступил на его месте мисер Арнау? Не находя ответа, принимал решение отказаться от слежки, – в конце концов, это всего лишь сандалии... Его сандалии! Эти слова всегда отдавались эхом в голове мальчика, да таким громким, что пойти на попятный было просто невозможно. К тому же оставалась еще и подброшенная луковица, и поездка на ослике, да и раны до сих пор жгли его спину. Эти негодяи вдоволь над ним поиздевались!

И все-таки Уго не осмеливался подойти к Лысому Псу.

Наступил май, прошло больше месяца с вербовки моряков у биржи, и Уго вместе с другими барселонцами, снова столпившимися на берегу, с радостью наблюдал за отплытием королевской армады. Мальчик знал, что вместе с армадой на Морею отбывает и одна из его главных проблем, облаченная в роскошный серебристый доспех. Накануне вечером люди моря «проводжали» галеры песнями и тостами, а теперь, когда дюжина кораблей готовилась на веслах проходить через *таски* — опасные отмели, закрывающие барселонский порт, горожане криками прославляли королевский флот. Уго старался не меньше остальных. Он уже видел, как Рожер Пуч горделиво прошел по деревянному помосту, который мальчик сам помогал сколачивать, – это делалось для того, чтобы знатные рыцари не испортили свои дорогие наряды и с удобством переместились в лодки, которые переправят их на галеры. Уго узнал и слугу Рожера Пуча, охранявшего его багаж; правый глаз у него был залеплен пластырем.

Крики еще не успели отзвучать над берегом, штандарты короля и виконта, капитанские вымпелы и флаги со святым Георгием до сих пор расцвечивали горизонт, когда в порт вошла маленькая шестнадцативесельная галера под мальоркским флагом. Лодочники и бастайши позабыли об армаде и приготовились встречать очередное судно, пришедшее в барселонский порт: ведь именно морские перевозки больше всего обогащали город и его купцов.

Уго подошел к группе бастайшей: здесь паренек неизменно встречал радушный прием, и помощь его всегда так или иначе вознаграждалась. Уго не имел права разгружать товары – цеховое братство этого не позволяло, однако он мог бегать по городу с поручениями от чиновников и торговых людей. К тому же ему просто нравилось находиться рядом с мужчинами, переносившими грузы с кораблей на берег. Уго услышал, что маленькая галера называется «Санта-Фелипа», а еще на берегу взволнованно судачили о том, как корабль отбил от нападения алжирских корсаров.

– Конечно, он был гораздо больше, – рассказывал один из купцов, имея в виду корсарский корабль. Уго подобрался как можно ближе, глаза его от любопытства широко распахнулись. – Как нам удалось уйти? Ясное дело, помогла скорость и хорошее снаряжение. Шестнадцать скамей дали нам такую ловкость, такую свободу маневра, какой не бывает у больших кораблей, а к этому добавились еще и два выстрела из бомбарды, угодившие точно в палубу корсарам, да под конец мы еще и обрушили на них ливень стрел. Увертливость, быстрота и хорошее снаряжение – вот что позволяет малому судну драться и побеждать, – назидательно закончил купец.

Уго спросил себя, сможет ли он соперничать в увертливости и быстроте с Лысым Псом. И этот вопрос преследовал его целый день. Уго вспоминал, как Жоан Амаат вынюхивал монеты и рыскал среди толпы. Он очень быстр и очень верток! А ведь, по словам купца, залог победы – еще и хорошее снаряжение. Хорошее снаряжение...

В ту же ночь, когда Уго только собирался свистнуть у стены, ограждавшей двор королевской верфи, он слышал беготню и глухое поскуливание собак с другой стороны. Они его почуяли заранее! Уго все-таки посвистел, прежде чем забраться на стену и спрыгнуть. Во дворе поиграл с собаками, которых давно уже не видал. Псы угадали его печаль, накинулись и принялись облизывать, а Уго и не думал уклоняться; потом дворовые сторожа проводили своего друга к оружейному складу.

Уго подождал, пока глаза не привыкли к темноте, нарушаемой лишь отблесками горящего во дворе факела. В последний раз, когда мальчик сюда заходил, пустого пространства на складе почти не было; определенно, армада забрала с собой большую часть арсенала. Но и теперь дрожащий свет факела поблескивал на отточенных лезвиях топориков. Именно такое оружие Уго и искал – и вот на столе лежит целая гряда! Мальчик подошел и провел рукой по металлу. Один из псов заскулил, как будто предупреждая.

– Замолчи, – перебил его Уго. – Ты ничего не понимаешь. Эта штука нужна, чтобы вернуть мои сандалии.

Уго взял топор, который посчитал самым маленьким. Но его вес удивил мальчика: раньше, когда Уго заходил на этот склад, он только мечтал о морских баталиях, а теперь... ему предстояло использовать топорик в деле.

Собаки никак не желали угомониться, но Уго приказал им помалкивать. В наступившей тишине мальчик резко взмахнул своим оружием. Острие запело, разрезая воздух.

Уго знал, что Жоан Амаат поднимается на рассвете и спешит к мясному прилавку в Бокерии, чтобы почистить и приготовить ножи и другую утварь до прихода отца. А еще Уго знал, что возможность напасть на Лысого Пса и отобрать сандалии может представиться как раз по дороге с улицы Тальерс к воротам Бокерия; туда-то он и направился. Уго трясся мелкой дрожью в предрассветных сумерках. Хотя мальчик и не услышал шагов лысого, он точно угадал момент его появления.

– Отдавай мои сандалии, разбойник, сукин сын! – закричал Уго, преграждая ему дорогу.

Этот приказ выскочил у Уго сам собой: не зря же он всю ночь тренировался. Однако с голосом своим мальчик совладать не сумел – вместо угрозы прозвучал испуганный взвизг.

– Ага, луковый вор! – Оправившись от удивления, Лысый Пес расхохотался. – Снова хочешь прокатиться на ослике? И как же ты собираешься отнять у меня сандалии, мелюзга?

С этими словами Жоан Аамат занес руку, чтобы вклепить мальчику затрещину. Но не успел, потому что увидел грозный блеск топора. Сын мясника сделал шаг назад, оценивая ситуацию, но Уго предвидел и это: он знал, что лысый отступит... и если окажется на безопасном расстоянии... Уго бросился ему в ноги. Нельзя было также допустить, чтобы лысый перехватил его правую руку: если у Аамата получится такой захват, Уго долго не продержится. Лысый Пес упал на землю и тут же попытался вывернуться, но, когда он дернулся, Уго уже прижимал острие топорика к его мошонке.

– Отрежу яйца! – завопил храбрец.

Жоан Аамат перестал дергаться.

– А я тебя убью, – пригрозил он в ответ. – Как только ты перестанешь...

Уго надавил сильнее. Лысый умолк.

– Руки за голову. Живо!

Уго снова надавил – теперь самым краем остря. Лысый Пес охнул и повиновался.

– Теперь согни левое колено.

Не ослабляя давления на мошонку, мальчик свободной рукой развязал кожаные ремешки – сначала на левой лодыжке лысого, потом на правой. Оставалось самое сложное. Уго действовал без колебаний: подхватив свои абарки, он врезал деревянным топориком по пальцам на левой ступне Аамата, подскочил с земли и бросился наутек, пока Лысый Пес завывал от боли.

– Я тебя найду! – услышал победитель уже издали. – Я тебя убью! Я тебе...

4

– Их утащили и спрятали собаки, которые стерегут верфь... Только представь себе! Поиграться со мной решили, – вот какое объяснение выдал Уго сестре, когда та заметила возвращение сандалий.

Дети сидели, прижавшись друг к другу, на плоской крыше монастыря Жункерес, под ясным звездным небом.

Арсенда подняла голову и слегка улыбнулась. Девочка больше не смеялась, как раньше. Она как будто... как будто подросла. С каждым днем Арсенда выглядела все взрослее. И держалась с братом серьезно и отстраненно.

– Ты больше не хочешь, чтобы я приходил?

Легкая улыбка как будто застыла на лице сестры.

– Не говори ерунды, – ласково ответила девочка. – Ты и наша матушка... Конечно! Ты всегда будешь для меня самым любимым... в этом мире.

– В этом мире? – переспросил брат.

– Уго, ты не можешь тягаться со Всевышним.

Уго не мог тягаться даже с бондарем из Сиджеса, укравшим у них мать.

– Пойми же наконец, Уго, – в следующее воскресенье пыталась объяснить Антонина, встревоженная тем, как побледнел Уго, услышав от нее новость: матушка собирается снова выйти замуж. – У вас у обоих теперь своя жизнь. Арсенда в монастыре, а ты на верфи... и у вас есть надежда на будущее. Я еще молода... – Антонина говорила прерывисто, короткими фразами. – Все устроилось через священника церкви Святой Марии. Он знал... он понимал... В общем... Он добыл для меня приданое! Так ведь бывает: богачи отписывают в завещании приданое, чтобы бедолаги вроде меня могли выйти замуж. Тебе больше не придется за меня тревожиться. Послушай, его зовут Ферран, и он хороший человек, понимаешь? Он недавно овдовел и живет в Сиджесе с двумя маленькими детьми, которым...

Антонина не успела договорить. Уго пошатнулся, и мать подхватила его за плечи. Мальчик был весь холодный, Антонина уложила его на землю.

– Сынок! – Антонина хлопала его по щекам.

Горожане, выходявшие с мессы, столпились вокруг матери с сыном, но вскоре разошлись по своим делам, увидев, что Уго приходит в себя и пробует подняться.

– Уго... – Антонина вздохнула с облегчением. – Ты не...

– Сиджес? – перебил мальчик.

Он никогда не слышал о таком месте – Сиджес.

– Это поселок на побережье, где...

– Мы не сможем видеться.

– Мы что-нибудь придумаем, обещаю.

– Как? Это далеко от города?

– В шести лигах.

Уго застонал.

– Обещаю, мы будем видеться.

– Не...

Уго замолчал. «Не обещайте, матушка, – вот что он собирался сказать. – Да разве вы оставите тех двух детишек, чтобы пройти шесть лиг? Ваш новый муж такого не позволит». Антонина расплакалась.

– Сынок, я тебе обещаю, – прошептала она.

Бог забирает у него сестру, а бондарь из Сиджеса мать – вот о чем думал мальчик, освобождаясь от слез и объятий Антонины и покидая площадь Санта-Мариа. Женщина ничего не сделала, чтобы удержать сына: она смотрела ему вслед, понимая, что, очень возможно, они никогда больше не увидятся. Прощальные слова застряли у матери в горле, она только робко подняла руку, но Уго этого уже не увидел.

«Если бы я признался, что не работаю на королевской верфи, что никакой надежды на будущее у меня нет...» – грыз себя мальчик, уйдя подальше от церкви и слоняясь среди кораблей. Может быть, тогда матушка осталась бы служанкой перчаточника. Но зато не променяла бы его на детей бондаря.

А у него остался бы любимый человек, за любовь которого не нужно состязаться с Богом: ведь даже Андрес перепугался и отстранился от Уго, после того как мальчик появился на берегу в своих кожаных сандалиях. Больше того, подмастерье не дал ему возможности рассказать, каким образом он получил обувь назад: когда гордый собой Уго подбежал, чтобы поведать о своих подвигах, Андрес замахал руками, будто заранее вынося приговор, так что пришлось отступить.

Невысказанное предсказание Андреса сильно повлияло на жизнь Уго: мальчик сам себя убедил, что его преследуют и выслеживают. Лысый Пес так просто о нем не забудет. Однажды Уго показалось, что он заметил того мальчонку, которому Жоан Амаг отвесил подзатыльник. Уго зашагал быстрее, свернул за угол на улице Мар, выскочил на площадь Блат и попробовал затеряться в толчее покупателей зерна. Он то и дело озирался по сторонам, потому что не был уверен, действительно ли встретил того мальчонку, или ему показалось. Ведь Лысый Пес предупреждал: «Я тебя найду». Уго прошиб холодный пот, он бросился бежать. Вернулся на верфь Регомир, не выполнив порученного, и вместо оправдания промямлил что-то невразумительное.

«Я тебя найду...» Эта угроза иголкой сверлила его мозг и превращала его сны в кошмары. Уго ночевал в одной из лодок, которую рабочим предстояло разобрать на части; здесь же, между досками, он хранил и топорик. По вечерам мальчик доставал свое оружие и валялся спать, сжимая его в руке. Усталый, рассеянный, издерганный, Уго перестал справляться и с работой. Он чуть было не испортил целый котел вара, потому что размешивал плавящийся состав без должного усердия. Мальчик слишком медленно исполнял поручения в городе, потому что отвлекался на тени, шаги, шорохи и недобрые взгляды за спиной. И получил не один заслуженный нагоняй. Война избавила Уго от Рожера Пуча и его слуги, однако Лысый

Пес ни с какой армадой не уплывет; к тому же он располагает собственным войском – ватагой парнишек, которые ему подчиняются и которых – в этом Уго ни капельки не сомневался – он выпустил на барселонские улицы на поиски злодея.

– Господи, господа, господа, господа!

И кажется, это было только начало. Потом на Уго обрушились истошные вопли *mestre d'aixa*, который принялся заклинать беду, когда из дрожащих пальцев Уго несколько гвоздей выпали прямо на песок. Мальчик хотел их подобрать, но мастер ему запретил.

– Выкинь их! О господи боже! – Мастер стал истово креститься. – Такие гвозди не могут крепить мой корабль! Они теперь прокляты!

Этот *mestre d'aixa* был человек склочный и неуживчивый, грубый и с придурью, однако никто не осмелился бы оспорить дурное предсказание мастера. Большинство людей моря, работавших поблизости, предпочли отвести взгляд. Спорить с этим человеком не имело никакого смысла. Даже короли и священники верили в сверхъестественное, в колдовство, в светила, в демонов, магию и ведьм! Многие рассуждали так: конечно же, корабль может потерпеть крушение, это будет не первый и не последний случай, а если корабль потонет, кто же сможет отрицать, что это произошло из-за гвоздей? Уго так и стоял с железками в руках, а *mestre d'aixa* уже требовал новых гвоздей у своего подмастерья – тот, незаметно пожав плечами, молча заступил на место Уго.

Мальчик так и не узнал, потерпел тот корабль крушение или нет. Что действительно потерпело крушение, так это репутация Уго. Вскоре после происшествия с гвоздями один плотник обвинил беднягу в том, что в шпангоуте завелась гниль. Плотник высказался наобум, не имея в виду ничего плохого, это было всего-навсего замечание, от которого он мог бы и воздержаться, однако многие корабли его услышали. «Может быть, это из-за мальчишки?» – громко спросил плотник. И после этого Уго перестали подпускать к строящимся кораблям. Такие, как Андрес и Бернардо, отгоняли его скрепя сердце; другие – без всякой жалости.

– Прочь отсюда, демон! – выкрикнул один из гребцов.

Уго не запретили и дальше спать в полуразобранной лодке: эти доски больше никто не брал. Опустошенная посуда сделалась его главным прибежищем, потому что Уго теперь боялся высунуть нос в Барселону, чтобы не повстречаться с Лысым Псом и его шайкой. На площади Вольтес-дел-Ви бил родник – там горемыка утолял жажду, а кто-то – мальчику хотелось верить, что это был Андрес, – иногда оставлял в его лодке немного еды.

Не было больше и воскресных встреч с матушкой в церкви Святой Марии: Антонину забрал к себе бондарь. Преклонив колени на каменном полу, Уго, чувствуя себя совсем маленьким под величественным сводом, молился Деве Марии и просил Ее о заступничестве. Какое зло он причинил, какой грех совершил, за что его называют демоном? Почему Мария разлучила его с матушкой? Несмотря на все заверения мисера Арнау, Дева так и не улыбнулась Уго, Она оставалась недостижимой и не снисходила к своим прихожанам. Зато Арсенда пыталась подсказать брату путь: наставляла его рассказами о Божественном и чудесном и выспрашивала, хорошо ли он себя вел. Уго своих секретов не открывал, а Арсенда поучала его так, как то делали монашки, и уговаривала вести себя как подобает доброму христианину. «Грешил ли ты гордыней? – допытывалась девочка. – Тщеславием либо какими иными пороками?» Уго все отрицал, но... разве может нищевод и подонок (именно так выразился виконт) жить, не склоняясь ни перед кем?

Вот о чем в очередной раз думал Уго, стоя на рассвете рядом с улицей Тальерс, снова босоногий, с абарками в руках. Наконец он увидел Лысого Пса. Уго удалось избежать тюрьмы замка Наварклес, однако удача отвернулась от него из-за пресловутых сандалий: сначала их украли, потом его арестовали и выпороли, а теперь повсюду преследуют, и он не может спать. Его называют демоном, и даже матушка его покинула.

Уго бросил сандалии Лысому Псу.

Жоан Аамат в изумлении остановился. Сначала ему пришлось в потемках разбираться, что это упало ему под ноги, потом – почему это случилось и кто мог это сделать.

– Все, между нами мир, – сказал Уго.

Не было нужды повышать голос. В тишине слова отозвались гулким эхом. Уго стоял в начале улицы и был готов к стремительному бегству, если сын мясника на него нападет.

Так прошло несколько секунд.

– Никакого мира, – ответил Аамат, подбирая сандалии и швыряя их обратно хозяину. – Мне не нужны тапки, мне нужен топор.

Уго задумался.

– Если я принесу топор, у нас будет мир? – наконец спросил он.

– Да.

– Клянешься?

– Клянусь, – торжественно подтвердил Жоан Аамат.

– Я принесу.

Уго не знал, стоит ли ему подбирать абарки. Лысый Пес не шевелился. Глубоко вздохнув, мальчик наклонился за ними. Лысый смотрел, не сходя с места. Уго решил не испытывать судьбу и пошел прочь, не обуваясь, сдерживая себя, чтобы не броситься наутек.

Вскоре мальчик принес Аамату и топорик. Ему почему-то хотелось подойти ближе и передать оружие из рук в руки. Его защищала торжественная клятва. Лысый Пес провел пальцем по лезвию топорика:

– Где ты его раздобыл?

– Он принадлежал моему отцу, – соврал мальчик.

– А теперь что, отец умер?

– Да.

– И ты готов отказаться от отцовского топора?

– Когда-нибудь ты мне его вернешь.

Уго сам не ожидал от себя такого ответа, не понимал, с чего это ему пришло в голову огрызаться.

– Ага, в грудь тебе воткну! – выкрикнул Аамат и взмахнул топориком.

Уго едва успел нагнуться и прикрыть голову руками. Только услышав хохот подлеца, он вновь открыл глаза: Аамат ему не угрожал.

– Сегодня это было в шутку, – предупредил лысый, резко переходя от веселья к угрозам. – Но не слишком-то рассчитывай на мою клятву. Если отныне и наперед ты меня разозлишь, никакого мира не будет.

Уго смотрел на море. Летними ночами под сверкающей луной оно превращалось в огромное складчатое одеяло, поблескивающее в такт мерному колыханию волн. Прошло почти два месяца со дня примирения с Лысым Псом. Уго безбоязненно ходил по Барселоне и крепко спал, а вдобавок его положение среди корабелов изменилось с тех пор, как на берег явился священник и громко воззвал к Святой Троице.

Пастырь кропил все вокруг и молился, чтобы любая вещь, на которую упадут капли святой воды, освободилась от мерзостей, скверны, демонов и тлетворного духа. Окропил он и лодку – ночное пристанище Уго. Хозяева старой лодки не хотели, чтобы полезная древесина пропала втуне.

– Благословите и меня, отче! – выпалил Уго, когда разобрался, что происходит.

Священник взглядом посоветовался с мастерами, призвавшими его на берег, и тут же, на месте, произвел обряд экзорцизма.

Уго удалось отделаться от Рожера Пуча, от Лысого Пса и даже от одержимости бесами, однако на верфи Регомир и теперь не хотели давать ему работу.

– Для тебя же и лучше, – утешил его Андрес, который вновь сделался другом Уго, когда услышал рассказ о примирении с Жоаном Амамом. – Иначе тебя и дальше бы обвиняли во всех несчастях, и ты бы снова превратился в демона. Такие штуки всегда начинаются одинаково, а закончиться могут как угодно.

– Ты тоже считал меня демоном? – напрямик спросил Уго.

Андрес смутился.

– Нет, – помолчав и не слишком уверенно ответил подмастерье. – Лучше послушай! – торопливо заговорил он, опережая упреки, готовые на него излиться. – У меня для тебя есть предложение...

В ту ночь, сидя на берегу перед умиротворяющим, почти гипнотическим морем, Уго едва сдерживался, чтобы не расчесывать царапины, покрывавшие его тело с ног до головы. Зуд немного унялся после долгого купания в соленой воде, раны подсохли и зарубцевались. Тогда Уго обдумал предложение Андреса: работать вместе со знакомым его отца, по имени Ансельм, которому платили деньги за поставку котов в особняки, церкви, часовни и монастыри, где хозяйничали крысы.

При встрече Ансельм ничуть не испортил тот образ, который заранее сложился в голове Уго: это был тощий дядька, такой же недоверчивый, шустрый и увертливый, как и животные, с которыми он имел дело. Кошатник согласился кормить Уго за вот какую работу: ловить котов; держать их полуголодными; натаскивать на ловлю мелких зверьков; науськивать и натравлять на крыс – иногда таких же больших и крепких, как и сами охотники; забирать котов обратно по завершении работы и добивать тех, которые слишком пострадали в битве с грызунами. Уго почти не успевал разглядеть, что происходит во время схваток: то была куча-мала из шерсти, когтей, зубов и клыков, которые взлетали, опускались и вертелись с головокружительной быстротой. Мальчик, вооруженный крепкой дубинкой на случай нападения, с ужасом созерцал эти баталии; волосы его вставали дыбом от визга крыс и шипения котов – эти звуки страшили его больше, чем вопли и стоны преисподней, которыми так любили запугивать прихожан священники.

– Уго?

Мальчик оглянулся, ему пришлось задрать голову, чтобы увидеть рядом с собой худощавого юношу, который не показался ему знакомым – тем более при свете луны.

– Что у тебя с лицом? – даже не поздоровавшись, спросил ночной гость.

– Не любят меня коты.

Юноша сел рядом на песок. Уго обратил внимание на его добротную одежду.

– И много у тебя котов?

– Они не мои, я с ними работаю.

– Думаешь и дальше продолжать?

– Разве что ты мне предложишь другое занятие...

– Извини. Ничего такого у меня нет. Но если бы было, я бы предложил именно тебе. Не сомневайся. Денег у меня тоже нет. Были б деньги... – (Уго бросил на незнакомца вопросительный взгляд.) – Меня зовут Бернат Эстаньол, я сын Арнау Эстаньола. – Оба улыбнулись, как будто давно ждали этой минуты. – Матушка мне рассказывала, как ты защищал...

Мальчик прервал эту речь взмахом руки:

– Как поживает сеньора Мар?

– Мечтает о смерти.

– Больно это слышать.

– Я навсегда перед тобой в долгу.

– Арнау подарил мне...

Откуда взялся ком в горле? Прошло уже несколько месяцев после смерти мисера Арнау. Уго замолчал и показал на лежащие на песке сандалии.

- Даже не сравнивай какие-то абарки с жизнью, которой рискуешь ради защиты человека!
- Твой отец меня любил. И хорошо со мной обходился.
- Я знаю.

Бернат узнал о казни отца, когда остановился в Мессине, на Сицилии, по пути из Александрии, пройдя уже Родос и Сиракузы. Каталонский консул в Мессине рассказал о случившемся владельцу судна, капитану и купцам, возвращавшимся в Барселону с богатым грузом пряностей (перец, имбирь, ладан и корица), а также с деньгами и дамасским шелком. Бернат не мог поверить сказанному в письмах, которые разослали по заморским консульствам Каталонии во исполнение королевского указа о реквизиции всего имущества Арнау Эстаньола.

– Изменник? – спросил юноша дрожащим голосом. Консул только кивнул в ответ. Он и сам знал немногим больше. – И казнен? Вы уверены, что все так и было?

- Так мне рассказал чиновник, доставивший письма на корабль. Эстаньолу отрубили...
- Где этот человек?
- Уже отплыл.

Бернат наблюдал, как консул от имени короля принимал товары, принадлежавшие Арнау Эстаньолу, а также отчуждал отцовскую долю во владении кораблем. Возник спор, но не из-за имущества Арнау, а из-за денег, которые Бернат имел при себе. Юноша считал эти деньги своими; консул же возражал, что, поскольку Бернату всего шестнадцать лет, все его деньги принадлежат Арнау. Эстаньол, все еще не пришедший в себя после трагических известий, ни в какую не желал уступать: ему нужны были деньги, чтобы скорее попасть домой, потому что у этого корабля, только что реквизированного в пользу короля, до прибытия в Барселону предполагались еще стоянки в Палермо, в Кальере и на Мальорке. Победителем из спора вышел Бернат – но не потому, что ему удалось убедить консула, а благодаря активной поддержке других купцов; они же помогли юноше и спланировать дальнейшее путешествие: для него наняли рыбацкую лодку, которая каботажом шла к Палермо, а уж там, заверили купцы, Бернат без труда найдет корабль, идущий напрямик на Барселону.

Однако же все соблезнования, изъявления дружбы и поддержки разом иссякли, как только юноша завел речь о верительном письме для судовладельцев, с которыми ему предстояло договариваться в Палермо. Никто не желал подписывать рекомендации для сына изменника. Точно с таким же отношением Бернату пришлось столкнуться и в Барселоне полтора месяца спустя: немногочисленные горожане, рискнувшие открыть перед ним двери своих домов, делали это лишь для того, чтобы просить, умолять и заклинать юношу не впутывать их в эту историю, хотя бы даже в память об Арнау Эстаньоле, которого они так ценили, не заставляя противиться властям.

В свои шестнадцать лет Бернат был юношей образованным: умел читать и писать, знал латынь, а на улицах Александрии начал постигать еще и арабский. Бернат имел познания в математике и в счетном деле, прекрасно разбирался в законах, в правилах и обычаях торговых людей. И все-таки никто не взял его на работу. «Жалованье? Я и так уже передавал немало денег твоей матери, – ответил Франсеск Бойшадос, последний компаньон его отца. – Кто, по-твоему, содержал ее все это время? И насколько я вижу, мне и дальше придется ее содержать», – добавил купец, смерив юношу недобрый взглядом.

Бернат поблагодарил Франсеска за оказанную помощь и пообещал со временем вернуть долг. Матушка уже рассказала ему, как обстоят дела.

– Бернат, у нас ничего нет. Совсем ничего. – Мар яростно махала руками, как будто это помогало объяснить отсутствие денег. – Если бы не Франсеск, я не знаю, на что бы я вообще жила.

Бернат обнял мать, плакал вместе с ней, слушал, как она сетует и призывает смерть. Сын устыдился, что потратил все деньги на возвращение в Барселону, – в пути он платил не тор-

гуясь, преследуя лишь одну цель: как можно скорее добраться домой. Именно так и обстояли дела: в Барселоне у них ничего не осталось, они больше ничем не владели. Король забрал у Эстаньолов все имущество. Прежде чем Мар успела хоть что-то предпринять, армия писарей и солдат взяла приступом и дом, и контору Арнау. Чиновники вступили во владение недвижимым имуществом, конфисковали все движимое, включая деньги и драгоценности, и рылись в счетных книгах до тех пор, пока не докопались до последней монетки, которой Арнау мог владеть как в Барселоне, так и на любом из рынков Средиземноморья.

– Мы всегда можем рассчитывать на Жусефа...

Бернат хотел утешить мать и напомнил о еврее, которому Арнау еще ребенком спас жизнь, когда во время великой чумы барселонцы громили еврейский квартал.

– Да, Жусеф ко мне приходил. – Мар продолжала всхлипывать и обнимать сына. – И он действительно предлагал мне помощь. Жусеф – хороший человек. Но я отказалась. Ты ведь помнишь, отец не хотел, чтобы нас снова заподозрили в связи с евреями и инквизиция опять занялась нашей семьей. И нашими друзьями. Тогда конец и нам, и им. Забудь про евреев, сынок.

И Бернат про них забыл. Но он не мог забыть про Элисенду. Молодой человек несколько дней боролся со своим страхом: а вдруг и эта улыбчивая белокурая девушка, обещавшая дождаться его возвращения с Востока, – вдруг и она от него откажется? Бернат повторял себе, что из Александрии он вернулся жалким изгоем. И все-таки отправился к Элисенде: он должен был попытаться. Дверь ему открыла старая рабыня-мусульманка, а потом, к стыду Берната, она сама и вытолкала гостя прочь. Смех, доносившийся из внутренних комнат, терзал юношу еще много дней.

Удача не улыбнулась Бернату и с теми, кто называл себя его друзьями. Да, нашелся один смельчак, который после нагнал Берната на улице. «Я хочу и дальше быть твоим другом, – заверил парень по имени Педро. – Но только...»

Бернат не дослушал.

Все это юноша пересказал Уго на ночном берегу. Когда наконец наступила тишина, ученик кошатника в шутку предложил:

– Ну, если ты не прочь вместе со мной заняться кошачьим промыслом...

Стояло лето, но у берега было прохладно. Луна успела пройти свой путь по ночному небу, пока Бернат рассказывал, а Уго слушал.

– Тебя кто-нибудь называл наглецом? – проворчал Бернат полушутя-полувсерьез. – Сколько тебе лет? Тринадцать?

– Двенадцать... вроде как.

– Ну так вот: ты наглец.

– Ну а ты – что ты собираешься делать?

– Что делать? Я намерен убить графа де Наварклес. И короля тоже, если он вздумает вмешаться. Я отомщу за отца!

После этих угроз прибой как будто сделался громче.

Уго сомневался, что Бернат, такой молодой и тощий, сумеет предать смерти Первого капитана Каталонии, у которого столько солдат и столько оружия...

– Как ты собираешься это проделать?

– Я очень хороший арбалетчик. Батюшка... батюшка научил меня управляться с арбалетом. На последнем турнире, в День святого Иоанна, я превзошел всех. А еще батюшка обещал научить меня биться ножом. У него был боевой трофей, добытый...

Голос его задрожал.

– Ты не имеешь права ходить с арбалетом по Барселоне, – предупредил Уго.

– Мне нужно только дождаться, пока этот ублюдок распоследней шлюхи выйдет из своего дворца на воскресную мессу или куда-нибудь еще, – процедил сквозь зубы Бернат, не вняв предостережению Уго.

– Ты не должен ходить по городу с оружием, – не отступал мальчик.

– Это самая мелкая из моих проблем, дружок. Для начала мне требуется раздобыть арбалет и несколько стрел. И надеяться, что человек, у которого я достану оружие, не догадается, для чего оно мне понадобилось, и не донесет на меня.

Уго помолчал несколько секунд. Потом нахально окинул юношу взглядом с ног до головы, и Бернат показался ему еще более худеньким. Такому книжочей с арбалетом точно не управиться.

– Чего пялишься?

Уго снова посмотрел на море, и взгляд его потерялся в потемневших волнах. «Ну, раз он говорит, что сумеет...» – допустил мальчик. Он вспомнил, как ласково обходился с ним мисер Арнау... Арнау помог всей его семье. Воспоминание о Рожере Пуче и о трепке, полученной возле эшафота, развеяло последние сомнения. Мисер Арнау заслуживает отмщения.

– Я могу достать для тебя лучший арбалет в Барселоне, – предложил Уго. – И сохраню в тайне все твои замыслы.

– Ты сможешь?..

– Ну я же сказал.

– Когда?

Уго посмотрел на небо. До рассвета оставалось несколько часов.

– Прямо сейчас.

– Зачем ждать?

Таков был ответ Берната на вопрос Уго, когда в руках у юноши оказался великолепный арбалет, предназначенный для солдат, которые выходят в море вместе с армадой, – один из тех, что хранились на складе королевской верфи, куда Уго снова проник, задавшись целью вооружить старшего товарища. Мальчик выбрал наилучший, как ему показалось, арбалет: не самый большой, зато очень крепкий. Сложнее выбрать стрелы, поскольку на складе хранились самые разные: тонкие и потяжелее, с оперением и без, с коническим и пирамидальным острием, трехгранные и четырехгранные... Собаки поскуливали, чувствуя растерянность мальчика. «Ну так я и наберу всяких, – заявил он четвероногим сторожам, подыскивая мешок. – Неужели проще выбрать арбалет, чем подходящие стрелы?»

– Но ведь тебе нужно подготовиться? – изумился Уго, вспомнив дни, когда сам изучал каждодневные передвижения Лысого Пса.

– У меня уже все продумано: я спрячусь за каким-нибудь углом поблизости от Малого дворца, где живет граф при короле, а потом, как только Наварклес выходит, вставляю стрелу и стреляю ему в сердце... или в горло. – Бернат показал, как он будет это делать, и, когда воображаемая стрела попала в цель, у юноши заблестели глаза. – Просто, правда? У меня было много недель, чтобы обдумать месть. Не хватало только арбалета, и вот благодаря тебе... Уго, я хочу сказать тебе...

«Вставляю стрелу и стреляю». Он что, сумасшедший?

– А потом? – испуганно спросил мальчик. – Как ты скроешься?

– Вот об этом я и хотел тебе сказать: я не знаю, что будет дальше. Так что, если хочешь покончить с ремеслом кошатника, отправляйся в еврейский квартал и спроси Жусефа Крескаса. Скажешь, что пришел от меня. Он – надежный друг...

– Он еврей?

– Он хороший человек.

Уго замотал головой, не желая даже думать о помощи еврея.

- Но все-таки, как ты скроешься? Это будет непросто.
- Единственная моя цель – расквитаться за отца.
- Ну если так, кому-то придется расквитаться за тебя.
- Я говорил тебе, что ты наглец?
- Говорил. Сразу же, как только мы познакомились.

Парни переглянулись. Они снова сидели на берегу, неподалеку от королевской верфи. Солнце уже заливало светом город и пляж.

– Батюшка слишком милостиво обошелся с семейством Пуч, – нарушил молчание Бернат. – Если бы он уничтожил их всех до единого, ничего подобного бы и не случилось.

– Как это связано с тем, что ты не будешь убегать?

– Я не хочу попадаться им в руки, но я точно не упущу свой единственный шанс из-за излишних предосторожностей.

Бернат поднялся и собрался уходить, спрятав арбалет и стрелы в пеньковом мешке за спиной. Подумав, он остановился:

- Спасибо тебе, Уго. От меня, от моей матери... и от моего отца.
- Я подожду тебя здесь, – солгал мальчик.
- Послушай моего совета и ступай к еврею.

Малый дворец, пристроенный к старой городской стене, располагался недалеко от побережья. Он также был известен под названием Дворец королевы, поскольку король Педро Третий когда-то подарил его своей третьей супруге, Леонор Сицилийской, матери короля Хуана. Это был целый комплекс больших и малых зданий, включавший церковь, несколько садов, круглую башню на углу и зоосад, за которым традиционно присматривали евреи. Сюда, в Малый дворец, перебралась королевская семья, оставив Большой с его пышным залом Тинель для проведения торжественных церемоний.

Насколько сложно оказалось для Берната спрятаться на узких извилистых улицах внутри римских стен, настолько же сложно для Уго было не терять его из виду: Бернат не мог нигде задерживаться, чтобы не вызвать подозрения у солдат и альгвасилов; Уго раз за разом терял след своего нового товарища в уличной толпе. По барселонским улицам и без того было трудно ходить, поскольку товары из мастерских и лавок выставлялись наружу, а в июне 1387 года толчея значительно усилилась, и не только потому, что в город прибыл и там проживал двор короля Хуана, но еще и из-за созванного королем совета: Хуан желал прояснить вопрос, какому папе должно повиноваться – авиньонскому Клименту Седьмому или же римскому Урбану Шестому. Раскол в Западной церкви длился уже восемь лет, и единственным христианским монархом, не принявшим чью-либо сторону, являлся Педро Церемонный, который поддерживал то одного, то другого папу, исходя из собственных интересов. Однако, несмотря на этот хитрый курс, в своем завещании Педро под угрозой проклятия распорядился, чтобы сын созвал церковных иерархов и ученых мужей и они вместе решили, кто же является законным папой.

Вот почему между Уго и Бернатом – помимо горожан и придворных – толклась целая армия священников и юристов, собравшихся на совет со всего королевства, вместе со слугами и рабами. Среди этой суматохи, среди чужих запахов и прикосновений Уго, без успокоительного шелеста волн и уверенных речей Берната, начинал понимать, что план совершенно безрассуден. Как он зарядит арбалет в такой давке? Да, Бернат сумеет вытащить оружие из мешка, вот только потом ему придется положить его на землю, чтобы вытащить и стрелу. Зарядить, прицелиться и выстрелить. Да это просто безумие!

Уго снова потерял товарища из виду на Львином спуске, где люди стеснились перед входом в Малый дворец. Мальчика успокоило, что среди собравшихся нет графа де Наварклес, но он тут же задался вопросом: что же в этом хорошего? Да разве они с Бернатом не собирались

отомстить? А потом Уго увидел младшего Эстаньола на спуске Эссе-Хомо. Бернат с мешком за спиной проталкивался сквозь толпу; продвигаясь от двери к двери, он обходил дворец по кругу, готовясь к появлению Первого капитана и к суматохе, которая начнется после его выхода.

Известно было, что граф находится во дворце, рядом с королем, который снова занемог, но в тот день Наварклес так и не вышел. Бернат отказался от своего намерения, когда солнце начало садиться, а горожане расходились по домам. Он решил спрятать арбалет в лодке Уго, от которой с каждым днем оставалось все меньше.

– Если моя матушка найдет арбалет, она мне не позволит отомстить Пучу, – пояснил Бернат.

– Кто тебе не позволит, так это солдаты, – скептически уточнил Уго. – Тебя наверняка уже запомнили даже камни на фасаде дворца, тебя и твой мешок, – ты сегодня столько раз проходил мимо!

– Тогда им еще больше надоело смотреть, как за мной увивается какой-то наглый сопляк, – раздраженно ответил Бернат.

– Ну уж нет, наглым меня не назовешь. Лучше уж скажи «любопытный». Я просто хочу посмотреть, как тебе удастся вытащить арбалет из мешка, вставить стрелу...

– Хочешь посмотреть?

– ...и все это так, чтобы на тебя не навалились солдаты...

– Ну так и смотри.

– ...и не накустыляли тебе, прежде чем поведут...

Тут Уго замолчал. Бернат за это время успел поставить свою котомку на песок и, не доставая арбалета, помогая себе зубами, натягивал тетиву. Оружие так и не появилось на виду, когда Бернат выпустил стрелу в один из стоящих на берегу кораблей. Стрела прошла через конопляное полотно, даже не разорвав его, а лишь проделав маленькую дырочку, просвистела в воздухе и глубоко вошла в борт намеченного Бернатом судна.

– И учти: там расстояние будет меньше. Я не промахнусь.

«А ведь это возможно, – признал Уго. – У него может получиться».

– Поздравляю.

– Поздравишь, когда я убью этого сукина сына.

Следующий день начался похоже на вчерашний: яркое солнце, теплынь, горожане на улицах, среди них много рыцарей и придворных, а еще больше священников и их слуг. Для Уго переменилось лишь одно обстоятельство: он решил покончить с кошачьим промыслом и не отозвался на вызов Ансельма, который за ним посылал. Мальчик предчувствовал, что жизнь его вскоре переменится. Его влекла за собой фигура Берната с мешком за плечами. Умный парень. И у него в достатке решительности и ловкости. Осталось только узнать, хватит ли ему отваги.

День тянулся точно так же, как и вчерашний: люди то и дело входили и выходили из дворца, однако ничто не предвещало, что появится граф де Наварклес. Когда дело близилось к полудню, Уго совсем заскучал, позабыл про свои обиды и рассеянно разглядывал людей перед дворцом, одетых то пышно, то буднично, перехватывая обрывки разговоров, то подпирая стену, то протискиваясь между собеседниками. А потом мальчику почудилось, что он видит Лысого Пса, идущего с берега по Львиному спуску. Уго не придавал этому значения, но вот их взгляды встретились, и мальчик даже издали заметил лихорадочный блеск в глазах лысого. Жоан Амаг решительно направился в его сторону, с каждым шагом лицо его все больше хмурилось. Что бы ни было причиной его раздражения, Уго совсем не желал этой встречи, поэтому резко развернулся и поспешил прочь. Добраться бы до спуска Эссе-Хомо, а оттуда... И вдруг он заметил приятелей Лысого Пса. Они двигались вниз по Львиному спуску и тоже его заметили. Уго обернулся – уж не ловушка ли это? Да, так оно и есть! Вместе с лысым шагали

еще двое. У Амата было достаточно времени, чтобы выследить жертву, обложить и... «Вот идиот!» – обругал себя Уго.

– Ну и куда ты собрался? – Жоан Амаат с двумя друзьями перегородили мальчику дорогу, устроив затор на и без того запруженной улице.

– Разве у нас не мир?

Лысый издевательски фыркнул:

– У нас был бы мир, если бы топорик и правда принадлежал твоему отцу.

– Что?

– Это собственность короля!

– Я не знал... – попробовал отвертеться Уго. – Мой отец...

– На рукоятке вырезан крест святого Георгия. Что тут можно не знать?

– Я думал...

Уго никак не рассчитывал, что Амаат начнет бахвалиться топориком на всех углах. Молва разлетелась, и вот кто-то (возможно, мастер или чиновник с верфей, слышавший брань Жоана Наварро при очередной проверке склада) заявил на парня. Помощник управляющего отказался принимать на веру объяснения Амата, а тот быстро перестал хорохориться и свалил вину на другого, мальчонку в на редкость хороших сандалиях – он якобы и отдал Амату топорик. «А почему этот малец отдал тебе такую ценную вещь?» Жоан Амаат, видимо, пробормотал какое-то невразумительное оправдание, а вот Наварро для себя запомнил: «Хорошие сандалии». Кто это может быть, если не Уго? Помощник управляющего сделал все, чтобы замять это дело, а спустя недолгое время ему пришлось тормозить ход нового расследования, когда обнаружилась недостача арбалета. Жоан, скрипя зубами, пообещал себе, что третьего раза не допустит. Первое дело о краже завершилось возвращением топорика и штрафом, который отец Лысого Пса выплатил из своего кармана, а потом сполна рассчитался с сыном, пустив в ход тумачи и плетку.

Эта взбучка до сих пор пылала в памяти Амата, и вот теперь он наконец-то заполучил в свои руки ее виновника – перепуганного и загнанного в угол.

– Я... – замямлил Уго.

Дальнейшие оправдания оборвала затрещина. А потом дружки Амата сомкнули круг, закрывая от посторонних удары, которыми Амаат осыпал Уго. Мальчик поначалу защищался и давал сдачи, он привык драться с мальчишками на верфи, однако после третьего удара просто прикрывал лицо и голову.

– Дети, прекратите! – вмешалась какая-то женщина.

– Ступайте играть в другое место! – прикрикнул писарь, которому тоже пришлось обходить плотную группу.

Третий прохожий тоже хотел прикрикнуть, но тут в тесный круг ворвался Бернат и принялся работать кулаками.

– Что вы творите! – кричал он. – Оставьте его в покое!

Опомнившись от изумления, друзья лысого накинулись и на Берната. Круг сделался шире. Прохожие останавливались, кто-то ругался, кто-то пытался вмешаться, отчего сумятица только возрастала. Заплечный мешок Берната долго не продержался – после особенно резкого рывка ткань порвалась, и арбалет со стрелами вывалился на землю как раз в тот момент, когда для наведения порядка подоспели солдаты.

Зеваки и драчуны сразу же отшатнулись от арбалета со стрелами, как будто на них лежало проклятие. Лысый Пес и его шатия бросились прочь даже раньше, чем оружие коснулось земли, пихаясь локтями и просачиваясь сквозь толпу. На месте остались только Бернат, застывший при виде оружия, которое должно было послужить его возмездием, и Уго, прижавшийся к стене, задыхающийся и дрожащий, с кровью на губе и рассеченной бровью.

– Чей это арбалет? – спросил солдат.

Бернат промолчал. Кто-то выскочил вперед:

– Его, его! – (Собравшиеся вокруг закивали.) – В мешке у него лежал.

– Взять парня, – распорядился солдат. – А этот? – добавил он, указывая на Уго.

– Этот вообще ни при чем, – заступилась немолодая женщина. – Его тут избивали...

Женщина огляделась по сторонам, но ни Жоана Амата, ни его шайки поблизости уже не было.

– Улепетнули.

– Так оно и было, – подтвердил из толпы священник. – Еще и меня толкнули.

Обвинение в адрес Берната было поддержано многими, и объяснения насчет Уго – тоже, хотя лишь та женщина поняла, что на самом деле происходило внутри кружка ребятни.

– Ну ладно, – принял решение солдат. – Этого отведите в дворцовую тюрьму. А ты, – он перевел взгляд на Уго, – не стой тут столбом.

5

Мар крепко держала его и тянула за собой, как маленького несмышленища. Уго больше не осмеливался вырваться, так крепко держала его эта рука, пусть худая и костистая. Да, вначале он попытался – по пути с площади Блат к еврейскому кварталу, но женщина его выбрала и еще крепче сдавила запястье, ведь она была гораздо моложе Арнау, за которого вышла замуж, несмотря на разницу в двадцать лет. Двигаясь таким образом, они добрались до площади Сант-Жауме.

Пройдя еврейский квартал и спуск Презб, они оказались на площади Блат. Уго встретился с вдовой Арнау возле тюрьмы барселонского викария: женщина принесла еду для своего сына, чтобы он не умер с голоду. Мар расплакалась, увидев синяки, которые Бернат безуспешно пытался скрыть от матери, – парня в тюрьме пытали, и Мар дала алыгвасилу два суэльдо, умоляя обходиться с Бернатом помягче. Женщина знала, что впредь не сможет давать стражникам много денег, потому что Бойшадос, бывший компаньон Арнау, разразился бранью, когда ему доложили о приходе вдовы.

Торговец даже не позволил ей пройти в дом:

– Твой сын признался, что хотел убить графа де Наварклес...

– Его пытали! Он бы никогда...

Бойшадос вообще не стал ее слушать:

– Он собирался убить не кого-нибудь там, а самого Первого капитана нашего короля! –

Купец выпалил это скороговоркой, но тихо, стоя на пороге своего дома и озираясь по сторонам.

– Нет!

– Он что, свихнулся?

– Франсеск...

– Ты не должна больше здесь появляться! Ни ты, ни твой сын... если даже однажды он и выйдет из тюрьмы.

– Франсеск, пожалуйста...

– Ты хочешь моей гибели?

Два жалких суэльдо да немного еды – вот и все, что Мар получила от Франсеска Бойшадоса в обмен на обещание больше не возвращаться.

– Я сделал все, что было в моих силах, – объявил купец и захлопнул дверь прямо перед носом у вдовы своего бывшего компаньона.

Мар никогда не бывала в еврейском квартале и не знала людей, к которым ее покойный супруг испытывал такое уважение. После смерти Арнау женщина следовала совету мужа: никаких сношений с евреями. Однако в нынешних обстоятельствах... Бернат нуждался в помощи, хотя бы даже и в помощи евреев, и этому сопляку, который только и умел, что попадать в

драки и передраги, тоже следовало помочь. В тюрьме Бернат расспрашивал об Уго так, как будто судьба мальчишки была для него важнее собственной. «Его выгнали с верфи по нашей вине, – объяснял он матери то, что она и так знала от Жоана Наварро. – Я ему посоветовал отыскать Жусефа Крескаса. – И Бернат со смехом добавил: – А больше никто не шевельнет и пальцем ради этого... наглеца».

И Мар взяла с собой мальчика в качестве предлога. Приведя Уго, она познакомится с Жусефом. И если Жусеф снова предложит помощь, она не колеблясь ее примет, будь он хоть трижды еврей... Это нужно Бернату.

Мар и Уго остановились перед маленькой площадью рядом с церковью Святого Жауме: ее готический портал состоял из пяти стрельчатых арок по центру и еще двух по бокам. На Уго пялились мужчины и женщины, болтавшие в тени под портиком. Двинувшись дальше, мальчик и женщина миновали задний фасад Городского Дома и вышли к большому вязу, временами исполнявшему роль позорного столба для приговоренных к публичному глумлению; пространство вокруг вяза предназначалось еще и для публичных распродаж – здесь по свободной цене раскупалось имущество банкротов и покойников; здесь же располагались и конторы писцов – маленькие домики, прилепившиеся к городской стене: тут на заказ составлялись и переписывались документы и письма горожан.

Просочившись сквозь уличную толпу, Мар и Уго оказались перед воротами в еврейский квартал, рядом с которыми бил родник и стояла сторожевая башня.

– Ты знаешь Жусефа Крескаса? – без обиняков спросила Мар у привратника. – У нас к нему дело.

– Как же мне его не знать?

Привратник велел игравшему рядом мальчонке проводить пришедших. Жусеф жил в доме, принадлежавшем когда-то его отцу, – это было трехэтажное здание с садом позади. Дом стоял на улице Каль, как называли ее христиане (для евреев это была просто «та, что выходит на площадь Сант-Жауме к новым стенам»), немного не доходя до перекрестка с улицей Банис-Ноус. Жусеф унаследовал не только дом Хасдая Крескаса, но и его профессию: он был меняла.

Еврей вышел навстречу гостям в вышитой тунике и с широкой открытой улыбкой на губах. Как только они вошли в дом, хозяин приказал служанке отвести Уго на кухню и накормить, вот почему мальчик не узнал, о чем Мар и Жусеф разговаривали в их первую встречу. А говорили они о деньгах, необходимых, чтобы нанять адвоката, который возьмется защищать ее сына, а еще о том, что и свободу Берната, возможно, придется покупать за деньги...

– Пучи ни за что этого не допустят, – перебила Жусефа Мар.

Еврей не стал даже слушать: они должны бороться.

– В чем ты сама нуждаешься?

– В покое, – без колебаний ответила женщина. – Узнаю, что с сыном все хорошо, и спокойно соединюсь с Арнау.

– Соединить тебя с Арнау не в моей власти. А что до твоего сына – тут мы попытаемся, – пообещал меняла. – Вот только никто не должен знать, что в этом деле замешаны евреи.

– Спасибо тебе, Жусеф.

– Арнау когда-то спас меня, мою сестру и Саула. Ракель, к несчастью, умерла, однако Саул и сейчас живет в Барселоне. Ему, наверное, около пятидесяти, он пятью годами старше меня. Он врач, и одна из его дочерей – тоже.

– Вы уже заплатили тот долг, – напомнила Мар. – Арнау всегда говорил, что твой отец...

– Жизнь не имеет цены, – перебил Жусеф. – По такому долгу не расплатиться никогда.

И они договорились найти способ вызволить Берната так, чтобы никто не прознал про участие евреев.

– Не беспокойся, – заверил Жусеф. – Мы часто ведем дела тайно, а порою и подпольно. И методы нам известны. А пока ты не соединилась с Арнау, – добавил Жусеф с улыбкой, нагнувшись вперед и взяв женщину за руки, – чем я могу тебе помочь?

Жусеф не имел возможности дать работу Уго, потому что мальчик не умел ни писать, ни читать, – поэтому решено было послать за Саулом, который не замедлил явиться вместе с одним из сыновей. Прибывшие принесли вдове соболезнования.

– Никогда не думал, что такой человек, как Арнау, может погибнуть вот так... – вздохнул Саул. – Скорблю вместе с тобой.

Как только в комнате появился Уго, сын Саула, мужчина лет тридцати, задал ему вопрос:

– Что ты умеешь, паренек?

Мальчик пожал плечами.

– Немножко знаю ремесло корабела, – робко ответил он.

Евреи одновременно покачали головой, все трое.

– Умею готовить конопатный вар... – (И этот ответ тоже не понравился.) – Могу выполнять разные поручения.

Наступила тишина. Уго было неуютно под взглядами этих мужчин. Мар подбадривала его улыбкой, чтобы он наконец сказал что-нибудь путное. О ремесле кошатника Уго предпочел не упоминать.

– А еще я умею долго держать на весу железный шар, – добавил он вместо этого и показал, как поднимает ядро гонуэца.

К удивлению мальчика, этот ответ живо заинтересовал молодого еврея.

– Насколько долго?

– Сколько потребуется.

– Не шевелясь?

– Да... – неуверенно подтвердил Уго.

Сын Саула подошел к шкафу, в котором хранились большие книги, достал один из томов и передал Уго.

– Замри! – велел еврей.

Уго неподвижно стоял на помосте на углу площади Сант-Жауме, рядом со стрельчатыми сводами церкви. В руках он держал толстый тяжелый фолиант в деревянном переплете, обитом красной кожей. Жакоб, сын Саула, ободряюще улыбнулся мальчику и сделал знак переходить к следующему клиенту. Уго останавливался перед каждым из возможных покупателей, глядя в никуда, чтобы не отвлекать от изучения книги, продающейся с аукциона.

– «De animalibus», написано епископом и прославленным доктором Церкви Альбертом Великим, – наперебой вещали Жакоб и двое его сыновей. – Подобного экземпляра вам нигде не найти.

Это была уже не первая книга, которую демонстрировал Уго; волосы его были подстрижены, рубашка чистая, ногти вычищены и руки вымыты. Несколько томов уже удалось сбыть. За одну рукопись они выручили сорок три либры – больше, чем Арсенда могла бы заработать за десять лет, прислуживая этой монашенке, имя которой Уго вечно забывал! Некоторые экземпляры стоили даже больше, чем приличный дом в Барселоне. Жакоб, еврейский перекупщик, был на седьмом небе от счастья. Он получил доступ к вещам одного умершего купца, местного уроженца. Нехватка наличных средств, как частенько бывает при получении наследства, привела к распродаже имущества покойного, чтобы у наследников появилась возможность рассчитаться с долгами, а уж потом поделить остальное.

Публичная распродажа имущества была оглашена на улицах еще месяц назад; она совпала с пребыванием в Барселоне королевского двора и с проведением совета по вопросу о расколе Западной церкви. В город стекалось множество зажиточных людей, и немало бога-

теев подзывали Уго к себе, чтобы тот показал книгу: среди них были епископы и царедворцы, ученые мужи, видные горожане и купцы. Некоторые (таких было немного) перелистывали страницы; большинство ограничивались восхищенным изумлением, зато почти все норовили порассуждать, какова будет последняя цена и кто окажется покупателем. «Стой и вообще не шевелись», – велел перед распродажей Жакоб. И Уго не шевелил ни единым мускулом, даже когда сам Женис Пуч, граф де Наварклес, подошел к помосту, чтобы пролистать трактат о рыцарстве и перекинуться парой шуток с сопровождавшими его вельможами. Первый капитан Каталонии не узнал Уго, больше того, он ласково потрепал мальчугана по щеке, прежде чем утратил интерес к книге о рыцарстве и переключился на драгоценности и серебряные украшения, тоже попавшие на распродажу; Женис поинтересовался у нотариуса ценой и качеством товара. А вот кто действительно узнал Уго, так это Лысый Пес, по своему обыкновению рыскавший там, где собиралось больше двух человек, а толчея вокруг распродажи давала парню чудесную возможность незаметно разжиться какой-нибудь вещицей. Завидев шайку юнцов, алыгвасилы удвоили бдительность, и Жакоб тоже принял свои меры: двое его сыновей, крепкие ребята чуть постарше Уго, встали на пути у Амата – им уже доводилось встречаться. Объяснений не понадобилось.

Распродажа длилась три дня, и каждый день зажиточные граждане Барселоны расталкивали друг друга локтями – иногда из-за действительно нужных вещей, иногда просто из тщеславия, – лишь бы приобрести что-нибудь из имущества покойного купца. Жакоб с сыновьями охрипли, объявляя товары, их цены и ставки и не забывая нахваливать особые качества серебряных чаш, колечек с изумрудами и вышитых платков. Но если и это стоило им усилий, самое сложное началось потом, когда вельможи и священники удовлетворили свои запросы и очередь дошла до распродажи одежды, посуды и мебели: все это было подержанное, кое-где попорченное – в общем, не в лучшем состоянии. Теперь торговались за корзины и веревки, тарелки и миски, котлы и ночные горшки, за кровати вместе с тюфяками, за щербатые подсвечники, за стол с подломленной ножкой... Даже за самую старую рухлядь, за негодные и никому не нужные предметы Жакоб должен был выручить хоть толику денег – и это было известно барселонцам, толпившимся вокруг помоста, чтобы за бесценок разжиться ношеной рубахой или медным котлом.

Уго больше не должен был стоять неподвижно и демонстрировать ценные предметы. Он участвовал в бурных торгах, исполняя указания Жакоба и его сыновей, которые не останавливались и не замолкали ни на секунду. Мальчик передавал новым владельцам вещи, которые уходили стремительно, как только аукционщик закрывал очередной торг, иногда даже не давая покупателям времени предложить лучшую цену: своей участи дожидалось еще множество барахла.

– Не беспокойся, – растолковывал Жакоб своему помощнику, удивленному такой поспешностью. – За следующим торгом они будут следить еще охотнее и купят у нас что угодно. Кто станет счастливым обладателем этой великолепной свечи? – тотчас же выкрикнул он в толпу, предъявляя до половины сторовшую свечку, как будто речь шла о величайшем сокровище.

Уго захотелось поднять руку: этот огарок мог бы освещать его темные ночи. Мальчик торговался бы до последнего, будь у него хотя бы одна монетка. Он бы поборолся и за фаянсовые мисочки с зелено-лиловым орнаментом: такие очень нравились матушке! Уго позавидовал пекарю, который приобрел миски по смехотворной цене, а Жакоб даже не предложил повысить ставку. А рубашки... Арсенда пришла бы в восторг!

В конце концов разошлось все имущество покойного торговца, ни одна вещь не осталась без покупателя. Вечером третьего дня нотариус закрыл свои книги, а Жакоб получил с душеприказчиков комиссию, один процент: это было достойное вознаграждение, а при продаже особых товаров – таких как драгоценности и книги – оно еще и возрастало. Жакоб и его

сыновья, как и каждый вечер, простились с Уго почти затемно, однако на сей раз еврей вознаграждал мальчика тремя мелкими монетами. Жалованье не входило в договор, заключенный между Мар, Жусефом и Саулом: только еда, постель и раз в году что-нибудь из одежды. И все-таки Жакоб решил отблагодарить своего работника за часы, проведенные без движения, тем самым безмолвно попеняв и своему сыну, которого Уго заменил на этом посту.

– Спасибо, – только и сказал Уго.

– Лучше поторопись, – посоветовал Жакоб. – А не то колокол пробьет *seny de lladre*¹¹, и тебя запрут. Увидимся завтра на складе.

Мальчик и не нуждался в уговорах: он поспешил к воротам Орбс, чтобы успеть выбраться из Барселоны прежде, чем колокол на замке викария, где томится сейчас Бернат, возвестит о наступлении темноты и призовет горожан расходиться по домам; в это же самое время будут закрыты и все городские ворота. В первый день, когда Мар приняла решение обратиться к евреям, мальчика после работы сопровождал Давид, младший сын Жакоба, – тот самый, что оказался не способен стоять спокойно, пока покупатели листают книги и ошупывают другие товары.

– Мы можем найти для тебя работу, – сказал Давид, когда они вместе шли по городу.

Уго в тот день держался замкнуто – ему не нравилась компания еврея в тунике с капюшоном, какие только они и носят, и с желтым кругом на груди. Мальчику казалось, что все вокруг на них пялятся.

– Не бойся. – Еврейский паренек, заметив, что Уго поглядывает искоса, сменил тему: – Мы тебя не съедим. Наоборот, поможем.

Уго пробормотал что-то вроде извинения.

– Ты привыкнешь, – усмехнулся Давид. – Смотри, мы можем ходить вместе, разговаривать и даже смеяться, если будет смешно, мы только не можем вместе жить. Никто из христиан не имеет права жить под кровом у еврея, понимаешь? Вот почему мы выходим из города, вот почему тебе придется каждый день таскаться в такую даль.

Hort i vinyet: сад и виноградник Барселоны – так именовалась просторная возделанная долина за городскими стенами. Эта зона славилась особым плодородием и находилась под особым покровительством барселонских властей. Здесь располагалось несколько маленьких городков, среди прочих Сант-Висенс-де-Сарриа, Сант-Марти-де-Провенсальс, Вальвидрера, Санта-Мариа-делс-Сантс и Сант-Жервази-де-Кассолес, а также два монастыря – Вальдонселья и клариссинский Педральбес, однако больше всего эта долина привлекала купцов и зажиточных граждан Барселоны, желавших владеть землями, чтобы походить на дворян и рыцарей. Замки, поместья, целые поселки – все эти куски каталонской территории по праву и по собственному произволу захватывали состоятельные барселонцы. Во всем принципате намечались серьезные экономические изменения, ведь деньги таким образом вкладывались в земли и ренты вместо традиционного развития торговли, а ведь именно эти рискованные предприятия принесли Барселоне столько богатства. Сады и виноградники тоже шли нарасхват, поэтому в долине можно было встретить и хутора за крепкими стенами, обособленные и хорошо укрепленные, принадлежащие богатым из города. Все, кто мог, вкладывали деньги в огороды, фруктовые сады и особенно в виноградники. Наемные поденщики и рабы – вот кого можно было встретить в этой просторной долине: именно их руки воздвигали угоды зажиточных барселонцев.

Саул владел одним из таких виноградников за стенами, на полпути между Висенсом и Саррией.

– Получается, твой дедушка тоже богатей? – спросил Уго, выслушав разъяснения Давида насчет покупки земель обеспеченными горожанами.

---

¹¹ Сигнал для воров (кат.).

– Нет! – рассмеялся мальчишка. – Мой дедушка – врач. И он не богат. Вот уже много лет моя семья, как и другие еврейские семьи, владеет виноградником за пределами города, а теперь, с постройкой новой стены, еще и внутри, в квартале Раваль. Вам, христианам, разрешается покупать любое вино, но мы, евреи, можем пить только кошерное.

Уго кинул взгляд на Давида и зашагал дальше в ожидании объяснений, каковые и не заставили себя ждать.

– Виноград может быть и христианским, но изготавливают вино – дают виноград, отжимают, переливают, сцеживают, хранят и так далее – исключительно евреи, ни один христианин к этим работам не допускается.

– Но если виноград может быть христианским, тогда зачем вам самим виноградники? Вы покупаете ягоды...

– По той цене, которую заломят христиане? Да это будет дороже золота. Так уже случилось в неурожайные годы, они ведь для всех неурожайные, в этом мы равны...

Уго покосился на еврейского мальчика и увидел улыбку на его лице. Сам Уго сильно сомневался, что кто-то может считать их равными, но спорить не стал.

– Вы, христиане, можете покупать вино и в других областях, если это дозволяется властями. А мы – нет. Нам то и дело запрещают покупать кошерное вино в других еврейских общинах, даже если там его в избытке, а если мы станем покупать виноград у христиан...

Мальчишки шагали среди садов и виноградников; Барселона и море остались у них за спиной, а впереди и над ними высился хребет Кольсерола. Давид, прекрасно уловивший неприязнь Уго к его народу, предусмотрительно умолчал лишь об одном: большая часть христианского винограда, которым пользовалась еврейская община, шла в счет займов; таким образом, виноград обращался в разменную монету с фиксированной стоимостью. Выходило так, что владелец виноградника исполнял свое долговое обязательство, а община гарантированно получала достаточное количество необходимого ей продукта.

– А если бы мы не могли использовать христианский виноград, ты, как христианин, не имел бы права работать на виноградниках моего деда, – закончил Давид.

Уго действительно совмещал два занятия: он работал и помощником Жакоба, и помощником другого сына Саула, по имени Маир, который не только занимался возделыванием винограда и продажей вина, но еще и готовил для еврейских врачей снадобья, в состав которых входило вино или его дистиллят, *aqua vitae*¹². Маир был худой и жилистый, однако внешность никак не соответствовала его спокойному характеру, приспособившемуся к неторопливому ритму растений, которым Маир посвятил свою жизнь, – казалось, вывести этого человека из равновесия способны только засухи, паводки и нашествия вредителей.

Саул, с одобрения Жусефа и Мар, дал Уго пристанище в давилльне – отдельном здании, где стояло оборудование для производства вина, а еще хранились мотыги и всякие другие земледельческие инструменты. Саул объяснил свой выбор так: здесь никто не живет, это не еврейский кров и к тому же евреям дозволяется нанимать христиан на поденные работы.

Однако в тот вечер, когда завершилась распродажа и Уго возвращался к давилльне, сжимая в правом кулаке три монеты, внутри, как ни странно, кто-то был. Вообще-то, Саул предупредил заранее: «Иногда я или моя дочь принимаем в этом строении пациентов». Услышав такое, Мар сильно удивилась. «Да, – пояснил Саул. – Аструга, моя дочь, – повивальная бабка, но она к тому же и врач. Король Педро присвоил ей такое звание, как раньше сделал это и для ее матери, и как, надеюсь, сделает для моей внучки и король Хуан. Женщины доверяют себя лечить только женщинам, а зачастую проблемы, с которыми приходится сталкиваться... с ними нельзя работать в домашних условиях, при мужьях, да и в еврейском квартале тоже

---

¹² Вода жизни (*лат.*).

нельзя. Не каждая согласится прийти! Поэтому не остается иного выхода, кроме как принимать их на виноградниках. Да если бы кто-нибудь из мужчин прознал, чего хочет его жена, в каком положении она находится...»

Уго долго пытался представить, что это могут быть за проблемы – помимо половых отношений. Этим делом его родители занимались часто! И отец и матушка кричали и стонали так, что на следующий день им приходилось успокаивать Арсенду и Уго. В конце концов дети просто привыкли.

«Поклянись, что никогда не расскажешь о том, что, возможно, увидишь в этом доме!» Твердый, посуровевший голос Саула вернул мальчика к действительности, хотя он и удивился, как это еврей просит его поклясться. «Клянись!» – потребовала Мар, прежде чем мальчик успел ляпнуть что-то неподобающее. И он поклялся.

Дольса, внучке Саула и дочери Аструги, поручили выйти навстречу христианину, когда он будет возвращаться с распродажи. «Мы с ней примерно ровесники», – прикинул Уго в сумеречном свете. У девочки были темные пышные волосы, серьезные пронизательные глаза, точеные черты, а тело как будто стремилось освободиться от девического целомудрия и сделаться наконец притягательным и чувственным.

– Уго? – позвала дочь Аструги. – Тебе придется подождать снаружи, пока мы не закончим.

– А долго еще ждать?

– Это никогда заранее не скажешь. Но ты можешь заодно проследить, чтобы никто не приближался к давяльне.

На этом Дольса собиралась закончить разговор, но взгляд ее остановился на Уго. Дольса оглядывала его с ног до головы, а парень смущенно переминался. Он уже собирался сказать какую-нибудь грубость, но девочка заговорила первой.

– Слушай, а мой двоюродный братец Давид говорил, что ты умеешь стоять неподвижно, – хихикнула она.

Уго рассердился. А девочка еще и посмеялась над его надутым видом.

– Дольса! – позвали из давяльни.

– Я должна идти. А ты, ну ты понял: стой на страже. Но самое главное, самое главное – не подсматривай, чем мы там занимаемся...

– Ясно, – только и успел ответить Уго.

– ...и даже не вздумай подглядывать через большую решетку, которая сбоку. Ты понял? – Мальчик застыл как вкопанный. Девочка кокетливо склонила голову. – Да не придет сюда никто, – успокоила она. – Но самое главное, самое главное... – И Дольса сделала два шага вперед, так что теперь Уго чувствовал ее дыхание – лихорадочное, обжигающее – и, сам не зная отчего, покачал головой. – Очень важно, чтобы женщины, которые сейчас внутри, не увидели тебя, когда будут выходить. Они не должны знать, что в этом доме кто-то живет.

– Дольса!

На сей раз голос раздался уже снаружи. Из давяльни вышла еще одна девочка, по возрасту тоже годящаяся Саулу во внучки.

– Это моя подруга Рехина, – представила ее Дольса. – Моя мать обучает нас...

– Пошли! – поторопила Рехина, указав на дверь и топнув ногой от нетерпения.

Девочки исчезли в мгновение ока. Уго раздумывал, стоит ли ему сторожить давяльню, бессмысленно пялясь на виноградные лозы, стоящие перед ним, точно сумрачное войско. Указания Дольсы путались в его голове. Зачем она так подробно рассказывала про большую решетку? Неожиданно для себя Уго очутился прямо перед этой решеткой – найти ее труда не составило. Уго старался себя убедить, что не следует так поступать. Там, внутри, – Аструга, мать Дольсы и дочь Саула, и пациентки, о которых предупредила девочка. «Я не должен», –

повторял про себя часовой. И все-таки после третьего «не» Уго уже приник глазом к той самой решетке.

Внутри находились пять женщин: Дольса и Рехина стояли наготове, ожидая команд третьей (несомненно, это была Аструга, врач); еще одной девушке по виду не было и двадцати; пятая, скорее всего, приходилась ей матерью. Уго смотрел на девочек, хлопотавших над котелком, стоящим прямо на пылающих углях: одна перемешивала, вторая выливала в котел содержимое горшочков, которые передавала ей Аструга. «Не так много. Чуть больше. Да. Теперь в самый раз... Еще чуть-чуть», – распознавал Уго скорее по жестам Аструги, нежели по словам, которые до него доносились. Ожидая очередной команды, Дольса не забывала поглядывать в его сторону, и Уго боялся, что его можно разглядеть через решетку. Но хорошенько обдумать, так это или нет, мальчик не успел, поскольку, как только Аструга отвернулась к молодой женщине, Дольса ему улыбнулась. Рехина тоже посмотрела в его сторону и кокетливо покачала головой. Девочки знали, что он подглядывает!

Уго уже хотел отступить, но тут Аструга подозвала дочь к себе. Рехина осталась следить за содержимым котелка, мать и дочь подошли к пациентке, а старшей женщине Аструга сделала знак отойти. Та повиновалась, склонив голову, как будто передавая судьбу своей дочери в чужие руки. Мальчик не понимал, что происходит. Они раздевают девушку! Уго не только приник глазом к решетке, но и непроизвольно прижался к стене давяльни всем телом, как будто это помогало лучше видеть. Он перестал обращать внимание на мимолетные взгляды Дольсы; мальчик весь затрясся, когда врач с помощницей обнажили все тайны двадцатилетнего тела: большие упругие груди, широкие бедра и лобок, покрытый короткими курчавыми волосами – темно-каштановыми, как и волосы на голове у девушки, которая подчинялась скорее из почтения, чем из слепой покорности.

Аструга подвела обнаженную пациентку к котелку и показала, как ей нужно расположиться: широко расставить ноги по обе стороны, чтобы угли не обожгли ступни. Рехина продолжала помешивать уже забурлившую жидкость, а Дольса протянула девушке нечто вроде посоха, чтобы та оперлась ягодицами, поскольку стоять, раздвинув ноги, ей предстояло долго. Когда испарения за клубились у девушки между ног, Аструга натерла этим лекарственным дымом ее клитор и заставила как можно шире пальцами раздвинуть вагину.

– Курения должны пробраться в самую глубину, – услышал мальчик. – Если не получится, ты так и не избавишься от ублюдка, который у тебя внутри.

Уго замер, его как будто околдовали. Он смотрел, как девушка старательно работает с вагиной и клитором, то поглаживая себя, то царапая, обильно истекая потом; дым обволакивал все ее тело, она тяжело дышала, и полные груди поднимались и опускались в такт движениям живота, который судорожно сокращался, как будто стремясь вобрать в себя весь дым и тем самым вернуть девушке свободу, честь... и, быть может, жениха или мужа.

– Я же тебе сказала: самое главное, самое главное...

Уго отскочил назад, сердце его чуть не лопнуло. Мальчик не заметил, когда Дольса успела выйти из давяльни. И не знал, вышла ли вместе с нею и Рехина. Уго больше не осмеливался приникнуть к решетке и на Дольсу взглянуть тоже не мог. Он почувствовал что-то мокрое у себя в межножье. Прикоснулся ладонью... И на рубашке тоже! Господи! Уго замер, отвернувшись лицом к стене.

– Что такое? – спросила Дольса, а потом, догадавшись, рассмеялась. – Вон там стоит лохань с водой, – весело подсказала она. – И больше сюда не возвращайся. Они уже скоро выйдут.

Уго не стал прощаться. Просто развернулся и побрел к лохани.

– Мир тебе! – прозвучал за его спиной голос Дольсы.

После этого случая Уго провел несколько дней под началом Маира.

– Ты что-нибудь знаешь о виноградниках? – спросил еврей. – А о деревьях, о садах, о земле? Зачем же тогда тебя ко мне прислали?

Уго пожал плечами. Действительно, ему самому хотелось бы остаться у Жакоба, однако Маир сказал, что перекупщик в нем пока не нуждается.

– Вопрос в том, нуждаюсь ли в тебе я.

Июнь подходил к концу; хозяин и работник направились к самому краю виноградника, где росли годовалые розы.

– Солнце и зной – это очень плохо для молодой лозы, – пояснил Маир, а потом показал, как увлажнять землю у самого корня и как ее уплотнять, чтобы солнце не проникло в почву сквозь трещины и не высушило растение.

Они работали несколько дней подряд от рассвета до заката, и это было тяжело. Уго в изнеможении валился с ног в давальне сразу после ужина, который Маир ежедневно поставлял ему. В давальне было просторно, здесь помещалось множество инструментов и разные приспособления для сбора винограда.

– А кто за всем этим присматривал, пока я не начал тут жить? – поинтересовался Уго.

– На огородах и виноградниках есть специальные сторожа.

От молодых лоз они перешли к старым и очистили весь виноградник от сорняков – Маир с помощью маленькой мотыги, а Уго – ручную. Худой и жилистый еврей как будто не чувствовал ни жары, ни напряжения сил, ни усталости, а вот Уго, проводивший каждый день согнувшись в три погибели, к вечеру едва мог выпрямиться, боль в спине мучила невыносимо. Маир не придавал никакого значения его жалобам.

– Ты молодой, – отвечал он. – Пройдет.

А вот на раны, о которых мальчик даже не упомянул, решив, что дело того не стоит, Маир обратил внимание сам: это были волдыри на ладонях, некоторые из них выглядели совсем плохо; Маир заметил их, когда они обедали в тени смоковницы, рядом с давальней.

– Мы здорово продвинулись... несмотря на твою неопытность.

Уго с тоской оторвал взгляд от куска сыра и ножа в своей руке. Маир улыбался.

– Ты действительно работал на совесть, – признал виноградарь. – После обеда мы отправимся к отцу, пусть он посмотрит твои руки.

Саула дома не оказалось. Зато там были Аструга и Дольса – они жили вместе с Саулом с тех пор, как Аструга овдовела. Пока служанка искала хозяйку, Маир привел мальчика в комнату, где стояли стул, стол и кровать; все остальное пространство было заполнено медицинскими инструментами, мальчику незнакомыми, книгами, множеством книг, и бесчисленными горшочками и пузырьками. Уго пытался притерпеться к смеси незнакомых запахов, привыкая к спертой атмосфере, угнетавшей его, когда в комнату вошли Дольса и Рехина. Мальчик залился краской, от духоты и от смущения кровь толчками прилиwała к лицу, а подружки, с притворным вниманием расспрашивая Маира о здоровье, бесстыдно глазели Уго между ног. Тот выпрямился, стараясь овладеть собой; он был уверен, что после стольких дней ползания по виноградникам там уже не осталось никаких пятен. Наконец в комнату вошла Аструга.

– Оставляю его вам, – объявил Маир на прощание. И обернулся к Уго. – Мне кажется, тебе еще несколько дней не стоит работать... на виноградниках. – Он похлопал мальчика по спине. – Моя сестра о тебе позаботится.

Уго почему-то почувствовал себя покинутым, как будто Маир от него отказывается.

– Ты ведь был подопечным Арнау? – поинтересовалась Аструга и принялась изучать волдыри на его ладонях. Уго не успел ответить, Аструга продолжила сама: – Он был хороший человек. Ни тебя, – обратилась она к дочери, – ни меня сейчас не было бы в живых, если бы не Арнау Эстаньол. Отведите парня к колодцу и промывайте руки до тех пор, пока не удалите всю землю из ран, – велела Аструга девочкам.

Они вышли из кабинета через другую дверь и оказались в саду; аромат цветов, вечерняя свежесть и яркие краски успокоили души. Уго протянул ладони к закраине колодца, и девочки, зачерпнув воду ведром, тщательно промыли его раны.

– Это правда, – сказала Дольса.

– Что – правда? – почти одновременно отозвались Уго и Рехина.

– Что еще несколько дней ты не сможешь работать.

Уго наконец отважился поднять на Дольсу глаза. Девочка смотрела на него чуть ли не с вызовом.

– Рехина, – обратилась она, не отрывая взгляда от Уго, держа его ладони в своих, – сходи узнай, не нужно ли моей матушке воды из колодца. Пожалуйста, – быстро добавила она, пресекая возможные возражения.

Они остались наедине. Уго хотел... ему бы хотелось спросить, почему Дольса рассказала про решетку в давилльне. Паренек покраснел, вспомнив девушку с раздвинутыми ногами... А потом вспомнил, как стыдно ему было, когда вышла Дольса. Он представил себе юные, еще не созревшие груди Дольсы, вот они поднимаются и падают так же, как...

– Эй! – вскрикнула девочка и резко вырвала руки.

– Прости, я не хотел...

– «Прости, я не хотел», – передразнила она. – Похабник! Да и потом, ты что, забыл, что я еврейка?

Мальчику стало неловко. Все правда: он христианин, она – еврейка. Всякие помыслы о еврейских женщинах для него запрещены.

– Мы ничего... не делали, – пробормотал Уго. – Ни один священник не принял бы это в расчет, – добавил он с преувеличенной убежденностью, разглядывая волдыри на своих ладонях.

– Твоим священникам нет никакого дела, если христианин возляжет с иудейкой, они рассматривают это как еще одну форму унижения и власти, какую над нами имеют христиане. А вот если случится наоборот, такого они допустить не могут: все законы ясно гласят, что, если иудей возляжет с христианкой и будет пойман, обоих незамедлительно сожгут на костре, – объявила Дольса. Уго вздохнул. – Что меня беспокоит, так это отношение моей собственной общины. Думаешь, нашим придется по нраву связь еврейской девушки с христианином? Одну девочку за такое изуродовали: отрезали нос, чтобы она больше не возбуждала христианина, который ее домогался.

– Прости меня, – снова забормотал Уго, от волнения не зная, куда теперь и смотреть.

– В глаза, – потребовала Дольса, заметив его состояние. – Смотри мне в глаза.

Уго так и поступил. В ее красивых карих глазах он увидел нежность, но за ней, как показалось мальчику, блеснул и холодок.

– Аструга зовет вас в дом, как только отмоете его руки! – крикнула Рехина от двери.

– Зачем ты заставила меня смотреть на ту девушку? – наконец спросил Уго по дороге обратно в кабинет.

– Она христианка, – с изумлением услышал мальчик. – Просто шлюха, которая переспала с кем не следовало, расплатилась за то, чего у нее давно нет, и захотела избавиться от своего ублюдка. Она тебе понравилась?

Уго ничего не ответил; карие глаза превратились в две льдинки.

– На меня капнуло горячим варом, когда я помогал конопатчикам, – соврал старший брат, когда Арсенда спросила, что с руками, уже перебинтованными полосами чистой ткани.

В ту ночь мальчику не без труда удалось забраться на стену монастыря Жункерес. Оказавшись наверху, Уго еще раз осмотрел руки. От мази, которую наложила Дольса, ладони до сих пор зудели; поначалу они просто горели огнем.

– Больно!

– Молчи! – скомандовала девочка, а Рехина крепче прижала его руку.

И он замолчал. Теперь Уго только и ждал наступления нового дня, чтобы Дольса опять пришла к нему со своей мазью, пускай даже и едкой. «Смазывайте еще несколько дней», – велела Аструга, прежде чем оставить пациента на попечение Дольсы и Рехины.

Девочки, возведенные Астругой в ранг врачей, с усердием принялись за исцеление: они обсуждали каждую ранку, рассматривали их со всех сторон, пичкали больного наставлениями, которые менялись каждую минуту; спорили без конца. В этом аду едких и прилипчивых запахов Уго наслаждался естественной свежестью обеих докториц; волна юности и чистоты окатывала его всякий раз, когда одна из девочек двигалась, касалась его или брала за руку.

А позже, когда с врачеванием было покончено и они снова выходили в сад, девочки забрасывали Уго вопросами о его жизни. Участие на их лицах воодушевляло мальчика. Он рассказал о родителях, о смерти Матиаса и о новом замужестве Антонины. Дольса чуть склонила голову и напомнила, что она тоже потеряла отца.

– Я с ним незнаком, – ответил Уго на вопрос Рехины об отчине.

– Ты что, перестал видиться с матерью? – простодушно спросила Рехина. – Ты ни разу ее не навещал, а она ни разу не приходила к тебе?

Нет, не приходила, а если бы даже и пришла, то не знала бы, где искать сына. И тут Уго всполошился: а что, если матушка приходила на верфи? Нет, успокоил он себя: Жоан Наварро его бы известил. Сам Уго однажды попробовал навестить матушку. Это было в субботу, по субботам Маир всегда предоставлял своему работнику выходной. Сиджес находился всего лишь в шести лигах, девять часов хорошим шагом. И все-таки Уго дошел только до Кастельдефельса, в трех лигах от Барселоны. Опасения начали терзать путника сразу за городскими воротами; его беспокоило множество вопросов, связанных с новой семьей матушки. А что, если мама его больше не любит? Уго все-таки сумел справиться с этими подозрениями – все они развеивались при воспоминании об улыбке Антонины, – однако гораздо тяжелее оказалось совладать со страхом, который мальчик почувствовал на пустынной дороге, едва оставив за спиной Сант-Бой. Уго никогда не покидал пределов Барселоны. Ему разом пришли в голову все страшные истории, которые он когда-либо слышал от людей: рыцари-охотники, похищающие и убивающие путников, разбойники, беглые рабы, корсары, ведьмы, бесы...

Чем ближе мальчик подходил к хребту Гарраф, тем меньше попадалось огородов и распаханых полей – на смену им пришли бесконечные пастбища. Безлюдные края. Уго прислушался к тишине. Где-то хрустнула ветка – мальчик вздрогнул. Он замер посреди дороги, ловя звуки, которые сам же и превращал в предвестья беды. В городе судачили, что в таких-то лесах как раз и прячутся колдуны, которые забирают у мужчин их члены, складывают в ящики, где они продолжают шевелиться сами по себе. Утверждали, что колдуны собирают мужские члены десятками, и даже называли имена мужчин, которые их лишились. Уго сам слышал рассказ работника с верфи Регомир, который клялся, что видел эти ящики с херами.

У мальчика от страха съезжились яйца. Он посмотрел на темную громадину Гаррафа: ему ведь придется преодолеть эту гору и эти леса. Уго увидел людей впереди на дороге, но они шли в его сторону... или не шли? Клубы пыли подсказали мальчику, что люди бегут. Уго спрятался в придорожной рощице. Прошло немало времени – никто не появился. Уго огляделся по сторонам, потом еще раз, потом еще много раз, напрягая зрение и слух, живо представляя себе, что его давно успели окружить. Мальчик дрожал. Мальчик потел. Он вернулся на дорогу – там снова царил тишина. Влажный и солоноватый ветер с моря приласкал его липким прикосновением. Путник развернулся и с облегчением вдохнул, поняв, что наконец-то возвращается в Барселону.

Определенно, Уго не собирался рассказывать обо всем этом Дольсе и Рехине.

– Нет, я не приходил к ней. Я даже не знаю, где этот Сиджес... – оправдывался он в ответ на вопрос Рехины. – Я вообще никогда не покидал Барселоны, – добавил он в качестве веского основания.

– Маир мог бы тебе помочь, – бросила Дольса и пояснила, заметив живой интерес в глазах мальчика: – У дяди налажены отношения с виноградарями из Сиджеса и окрестностей. Дядя говорит, там делают очень ценное сладкое вино, как в Греции, – его называют мальвазия. Я так понимаю, Маир часто бывает в тех местах.

– И он сможет взять меня с собой?

Дольса улыбнулась наивной надежде, прозвучавшей в этом вопросе:

– Дядя Маир – очень добрый. Конечно же сможет.

Во время очередного врачевания Уго рассказал Дольсе об Арсенде и о том, как работал на верфях. Рехины в тот день не было – та ушла к себе домой. В договоре на обучение Рехины не говорилось, что Аструга обязана предоставлять ученице еду и кров.

Дольса внимательно слушала; Уго со сладкой тоской вспоминал о своей мечте – сделаться *mestre d'aixa*. Он рассказывал об Арнау, о его жестокой и несправедливой казни, а потом без перехода разразился проклятиями в адрес семейства Пуч и преследовавшего его слуги.

– Ты выбил ему глаз? – Дольса подняла голову и нахмурилась, больше от удивления, чем от страха; она просто не могла себе представить, как Уго сражается со взрослым сильным мужчиной, о котором мальчик говорил с дрожью в голосе.

– Это был единственный способ...

– Ну конечно, конечно, – перебила девочка, оправдывая его действия.

А потом она передернула плечами и затрясла головой, по телу ее пробежала дрожь – так страшно ей было представлять окровавленную глазницу.

Всецело доверившись этой еврейской девочке, Уго рассказал ей о Жоане Амате и о краже топорика. А когда он упомянул о мести Берната, то вспомнил, что сам себе обещал сходить в тюрьму, проведать узника. За окном уже смеркалось.

– Как тебе удалось с ним поговорить? – спросила Арсенда, когда Уго уже вернулся из замка викария.

– Через решетку на окне, которое выходит на замковую лестницу. Если тюремщик позволяет, родственники подходят к решетке и переговариваются с сидельцами.

Нашелся адвокат, готовый защищать Берната. По словам юноши, услуги законника оплачивал один купец из Неаполя, с которым покойный Арнау поддерживал добрые отношения. «Впрочем, очевидно, что за этой сделкой стоит не кто иной, как Жусеф, – прошептал Бернат сквозь железные прутья. – Вы же к нему ходили, верно? Я уже разговаривал с матушкой». А еще Бернат сказал, что тюремщикам начали приплачивать и теперь у него достаточно еды и появился соломенный тюфяк.

– Но ведь он собирался убить человека, знатного и власть имущего, Первого капитана королевства! – возмутилась Арсенда, выслушав до конца всю историю, сильно подправленную старшим братом в том, что касалось его собственного участия.

– Это неправда! – не слишком убедительно возразил Уго. – Арсенда, его пытали! Я видел следы побоев на его теле. Как только они узнали, что он – сын Арнау Эстаньола...

– Но, братец, послушай, – перебила она, – пытать преступника – это правильный способ. Истина всегда должна торжествовать, и пытка – это инструмент, одобряемый Церковью и королем. Твой друг пришел к Малому дворцу с оружием. Он должен был признаться, что заставило его так поступить. Не тревожься, ведь если он солгал, чтобы избежать мучений, Господь свершит свой суд по справедливости, но здесь, сейчас, он, несомненно, подлежит суду короля, пускай даже он и сын Арнау Эстаньола.

– Он хороший человек! – воскликнул Уго, чуть не плача, потрясенный рассудительностью младшей сестры, которая говорила совсем как взрослая.

– Господь учтет и это. А в нашем мире этот юноша заслуживает наказания. Люди не могут судить друг друга по намерениям.

Какого наказания? В суде викария еще не начинали рассматривать дело Берната. Но обвинение было неопровержимо: под пыткой или нет, его товарищ уже признал свою вину.

Старой лодки, служившей Уго местом ночлега, больше не было. После изгнания бесов плотники не мешкая разобрали ее на доски. Уго, как и всегда после походов к Арсенде, уселся на берегу. Ночной сторож ничего не сказал мальчику, а от свежего ветра его защищал корпус другой лодки – новой, пахнувшей ошкуренным деревом и еще не конопаченной. Здесь Уго и лег, но сон пришел не сразу. Мысли его перебегали от Дольсы к Бернату, а от Берната к Арсенде, которая от встречи к встрече становилась все более строгой, богомольной и взрослой. Вынеся приговор молодому Эстаньолу за покушение на жизнь Первого капитана, она отказалась дальше обсуждать судьбу Берната, и речи ее больше всего напоминали церковную проповедь. Кажется, любовь к Богу, о которой Арсенда столько говорила в прошлый раз, превратилась для нее в одержимость. И все-таки, когда подошло время прощаться, Уго почувствовал боль и стеснение в горле. Да и Арсенда, несмотря на свою суровость, осталась еще ребенком, и по щеке ее стекала слезинка, хотя девочка и думала, что в темноте брат этого не заметит.

«Она мне нужна», – признался себе Уго. Нужно быть рядом с ней, слышать ее голос, чувствовать ее тепло. Арсенда была... звеном цепи, соединявшей мальчика с его прошлым, его историей, его семьей и его радостным детством.

Послав сестре прощальную улыбку, Уго перестал о ней думать. Труднее было отделаться от мыслей о Бернате и его узилище. В считанные дни парень сильно исхудал, хотя и прежде упитанностью не отличался. Через решетку на лестнице замка викария он показался мальчику призраком с замедленными движениями и еле слышным голосом. А как бы сам Уго держался там, внутри? «Прости меня, Бернат», – попросил мальчик в ночной темноте. И только после этого позволил себе отдаться объятиям Дольсы. Наплевать, что она еврейка. Никто в этом мире не мог знать, о чем Уго мечтает, находясь рядом с ней. Что же до мира иного... Может быть, Господь сейчас слишком занят заигрываниями с его сестренкой, чтобы отвлекаться на какую-то еврейку, с улыбкой подумал мальчик.

– Ну конечно, – сразу согласился Маир, когда Уго наконец отважился высказать свою заветную просьбу. Виноградарь не знал, что мать его помощника вышла замуж во второй раз. – Я собирался навеститься в Сиджес после сбора урожая, но мы можем отправиться и пораньше. Так ты увидишься со своей матерью.

По дороге им не встретились ни рыцари, похищающие людей, ни свирепые разбойники, ни колдуньи, алчные до мужских членов. Они отправились в путь пешком, даже не дожидаясь рассвета, и путешествие удалось на славу: Маир рассказывал о селениях, которые они проходили, о злаках и деревьях, которые росли по сторонам дороги, и много, до занудства, толковал о вине и виноделии – так он делал с тех пор, как до некоторой степени привязался к мальчику. Казалось, ни о чем другом Маир говорить и не умеет. В долине реки Льобрегат он удивил Уго тем, чего мальчик не заметил во время своего первого путешествия: виноградные лозы здесь обвивались вокруг деревьев. Они вошли в один такой виноградник; и мальчик, и взрослый – оба были очарованы этим живым сводом над их головами. Тысячи побегов цеплялись или завивались вокруг ветвей деревьев, посаженных на равных расстояниях; лозы сплетались между собой, держались друг за друга, чтобы соткать плотное растительное покрывало, с которого свисали ветви, зеленые листья и тысячи виноградных гроздей. Уго сорвал и попробовал виноградку.

– Они созревают позже, чем наши, – заметил Маир.

– Это как такая огромная... – Уго не нашел слов.

– Я всегда думал, что это Эдемский сад.

Мальчику захотелось сохранить в памяти всю картину в целом, вместе с лучами солнца, в затайливом порядке пробивавшимися сквозь листву. Некоторые грозди и листья блестели под лучами; другие оставались в полумраке. Если перевести взгляд подальше, то пучки солнечного света ложились на землю длинными блистающими стрелами.

– Как это получается? – вслух поразился Уго.

Маир указал на ствол ближайшего дерева. Рядом с ним из земли выходила лоза. Дальнейших объяснений не потребовалось. Мальчик проследил взглядом за лозой: вот она взбирается по стволу, вот достигает ветвей, вьется вместе с ними, а потом перерастает, сплетаясь с лозами на соседних деревьях, а потом с другими и еще с другими.

– Какое вино здесь делают?

– Греческое вино. Сладкое. Но только совсем мало. Большая часть урожая – столовый виноград. Мускатель. Его высоко ценят в Барселоне.

Увидев родник, путники решили здесь же и устроиться на привал, пообедать под сенью виноградных листьев. Они подкрепились сыром и хлебом из припасов Маира. Еврей не желал показать свою тревогу, а потому прочитал еще одну лекцию о выращивании винограда и торговле вином.

Маир всегда думал, что мать паренька, которого пристроили к нему на виноградник Жусеф и Саул, работает служанкой в доме перчаточника, – так ему рассказывали. Вот почему Маир удивился, услышав, что Антонина вышла замуж за бондаря из Сиджеса. Видимо, что-то пошло не так, думал про себя еврей, если вдова снова выходит замуж. Христиане считали вдовство хорошей возможностью посвятить остаток жизни служению Господу. Овдовевшая женщина освобождалась от супружества и от власти мужчины, как бы возвращая себе статус девства. Уделом вдов являлись целомудрие и молитва, покаяние и пост, смирение и затворничество. Христианским богословам не было дела до материального и семейного положения женщины – их волновало только ее поведение и чистота помыслов.

Вдовы уже познали плотскую близость, вследствие чего повторный брак не только рассматривался как двоемужество, но и доказывал невоздержанность женщины – воплощения дьявола. Церковь допускала проституцию, чтобы не потворствовать супружеским изменам и противоестественным связям, так же она терпела и повторные браки – в первую очередь это касалось молодых вдовиц, чтобы таковые не предавались сладострастию. Может быть, поэтому матери Уго позволили снова выйти замуж. Маир навел справки и узнал, что речь идет об очень привлекательной, можно даже сказать, соблазнительной женщине. Разузнал насчет перчаточника, и то, что выяснил, еще больше укрепило его подозрения. Еврей обратился к Мар, которой не стоило большого труда выведать у священника церкви Святой Марии, обеспечившего Антонину приданым, истинную причину этого брака: перчаточник домогался смазливой вдовушки. Вдовы в Каталонии находились под защитой Божеского и человеческого закона, однако на перчаточника не подействовала даже угроза отлучения от церкви. Перчаточник продолжал лезть к Антонине, несмотря на отпор, который, по ее словам на исповеди, женщина оказывала прелюбодею. Подыскать ей другую работу – вот что следовало сделать прежде, чем кто-нибудь во всеуслышание объявит, что Антонина, пребывая во вдовстве, снова отведала плотского наслаждения. Но даже работа в другом доме не остановила бы перчаточника. Бондарь из Сиджеса возник как самое удобное решение.

Вот почему Маир, не замолкая, разглагольствовал о винах в течение тех девяти часов, которые понадобились путникам, чтобы добраться до Сиджеса по опасной, непроезжей для телег тропе, которая вилась по берегу, иногда круто взмывая вверх, поскольку пролегалла эта дорога вдоль величественного Гаррафа. Именно от этого пути Уго отказался из страха перед колдуньями, отбирающими у путников их половые органы. А теперь, слушая поучения Маира, мальчик радовался, что в прошлый раз принял решение повернуть обратно: у него ведь не было денег, чтобы расплатиться за право прохода. Этот сбор взимали перед самым подъемом на

склон Гаррафа, и Маир расплатился с неприветливым унылым чиновником. Один денарий за каждое выючное животное, один за погонщика и по одному барселонскому менудо за каждого пешего – таковы были расценки, а сбор за телегу даже и не предусматривался.

Расплатившись, Маир обругал тех, кто придумал налоги, и даже сменил тему разговора. Еврей объяснил мальчику, что король Хуан позволил местным владельцам собирать такой налог, чтобы они на эти средства поддерживали дорогу в хорошем состоянии. Однако же дорога так и оставалась опасной безлюдной тропой, а замки, призванные защищать этот путь (как, например, замок Гарраф), были совершенно разрушены. В итоге купленное в Сиджесе вино перевозили морем, что значительно увеличивало его цену.

Виноградарь с учеником проходили по местам столь же малолюдным, сколь и живописным, видели море прямо у себя под ногами и наконец добрались до Сиджеса. Этот прибрежный поселок принадлежал Виоланте, супруге короля Хуана; Сиджес стоял на выступающем в море скалистом утесе, господствуя над побережьем. От древних стен с двумя воротами сейчас отводили новую стену, которая должна была принять под свою защиту почти шестьсот человек, живших вблизи замка, возведенного на вершине утеса. Между замком и обрывом, нависающим над морем, стояла церковь и госпиталь Святого Жоана с отдельной часовней и четырьмя койками для неимущих больных, сирот и странников.

Маир направился к дому Виталья, еврейского ростовщика; дом размещался на маленькой площади позади замка. Маира с Виталем связывали деловые отношения. Иногда (это зависело от формы договора) выдача займов под урожай винограда подразумевала, что занимающий деньги крестьянин отказывается от владения виноградником до тех пор, пока не вернет займодавцу долг из следующего урожая. Для такой операции требовались толковые специалисты, а Виталь разбирался только в деньгах. Поэтому именно Маир направлял к своему партнеру опытных виноградарей, которые проверяли участки, чтобы урожай оправдал ожидания, и даже брали на себя торговлю виноградом.

Пока взрослые обсуждали дела в доме, Уго бродил по площади – ему велели не заходить внутрь. День выдался чудесный, на улице играли дети. Мальчик подумал: вдруг один из этих ребяташек – сын Феррана-бондаря, но это было маловероятно, ведь Маир рассказывал, что бондари обычно живут на краю поселений, а над головой Уго высился замок с круглой башней посередине. Работа Феррана заключалась в изготовлении бочек для вина и масла, внутри самой бочки разводился огонь, чтобы разогреть древесину и, пока она податливая и гибкая, скрепить клепки кольцами. А разводить костры внутри поселка, выстроенного в основном из дерева, – это риск как для властей, так и для самих горожан, – разъяснял Маир своему помощнику, – вот почему королевские указы и местные викарии отправляют бондарей селиться как можно дальше от скоплений домов.

Поглядывая на ребятню и женщин на площади, на прилавки с ремесленными товарами, Уго пытался представить себе бондаря, похитившего у него мать; наверняка это грубый дядька, может быть, еще и неуклюжий, маленького росточка... Да-да, обязательно плюгавый. По словам Маира, бондари – они как *mestre d'aixa*, работа у них похожая, только не такая почетная. Обыкновенно бондари – это ученики *mestre d'aixa*, не проявившие должных способностей для работы с кораблями, – вот что говорил Маир. Ну и как же не быть грубым, неуклюжим и низкорослым человеку, у которого не хватило умения сделаться *mestre d'aixa*? – заключил Уго.

Маир показал ему и улицу, на которой, как ему объяснили, работает Ферран, – это на самом краю Сиджеса, дальше уже начинаются огороды и виноградники.

– Меня ждут, я договорился посмотреть виноградники вокруг часовни Санта-Мариа-дел-Виньет, – сказал Маир. – Это совсем рядом, отсюда четверть лиги. Если я тебе понадобится, найдешь меня там. Если же нет – увидимся уже вечером, у дверей госпиталя.

– Вы что, со мной не пойдете? – Уго уперся взглядом в улицу, как будто дожидаясь, что Маир пойдет впереди.

– Уго, тебе лучше не появляться там в компании еврея. Я не знаю, каков этот человек, но в Сиджесе евреев совсем мало, и их явно не любят.

Маир замолчал. Потом, угадав сомнения Уго, подтолкнул его в спину:

– Там твоя мать, беги!

Мальчику даже не пришлось спрашивать дорогу: две готовые бочки, выставленные в дверях мастерской, подсказали ему нужный дом. Двухэтажное жилище бондаря стояло на отшибе, внизу помещались мастерская и магазин, второй этаж был жилой.

Уго верно угадал с грубостью Феррана; проверить его сноровистость возможности не представилось, а от мыслей про низкорослость бондаря сразу же пришлось отказаться, как только мальчик увидел перед собой здорового детину с всклокоченной черной бородой, черными волосами и черными бровями, сросшимися над переносицей. Рядом с великаном стоял худенький паренек.

– Ты говоришь, твоя мать? – Бондарь орал, стоя прямо перед Уго и свесив над ним голову. – Зачем ты пришел? Что тебе надо?

– Повидаться, – успел ответить Уго, а потом ему пришлось отскочить назад. – Если это не затруднит.

– Еще как затруднит.

Мужчина отвернулся, как будто Уго перестал существовать, и принялся двумя руками и плоским ножом выгибать обруч на бочке. «В чем же тут затруднение?» – недоумевал мальчик, переводя взгляд на ученика бондаря, державшего в руках длинный фуганок – инструмент, предназначенный для строгания досок, прекрасно знакомый Уго по работе на верфях. Это же его мать!

– Послушайте...

Уго не распознал значения гримасы, каковой тощий подмастерье пытался его предупредить. Крепкая оплеуха, которой бочар наградил его со всего размаху, отбросила гостя к дальней стене.

– Я никому не разрешаю отвлекать меня от работы, – услышал он голос бондаря, который и теперь не повернулся в его сторону, как будто ударить незнакомца – это самое обыденное дело в его жизни.

Уго поднес руку к щеке и потер, пытаясь унять боль, но от этого стало только хуже. Спина бондаря казалась ему просто гигантской; крутые плечи двигались взад-вперед, работа над бочкой не прекращалась. Теперь-то Уго хорошо видел, что подсказывал ему подмастерье. «Не упорствуй» – вот что выражал его взгляд.

Уго решил держаться от хозяина на расстоянии.

– Я только хочу увидеть мою матушку... мастер, – добавил он.

Бондарь оторвался от работы с таким тяжелым сопением, что Уго начал пятиться назад, пока снова не оказался на улице перед домом.

– Она больше не твоя матушка, ты понял? Теперь она моя жена и мачеха моих детей и должна всецело принадлежать им. В тебе она не нуждается. Больше не приходи и не канючь. Убирайся прочь, и останешься цел.

– Я не уйду, пока с ней не увижусь.

Уго поразился собственной дерзости. Бондарь стоял перед ним, такой громадный и страшный; за его спиной подмастерье как очумелый тряс головой и вращал глазами, что означало: «убегай!»

– Значит, хочешь ее увидеть? Ну ладно ж. Антония! – Рык бондаря гулом отозвался внутри мастерской и в голове мальчика, который уже понял, что совершил ошибку. – Антония! – еще громче позвал хозяин.

Уго поискал взглядом подмастерья. И сердце у гостя ушло в пятки, когда он увидел, что тощий парнишка смотрит в пол со скорбным видом.

– Послушайте, я не...

Уго решил отказаться от своих попыток – в тот самый момент, когда в мастерскую вошла Антонина с голым малышом на руках и с другим, чуть постарше, уцепившимся за ее юбку.

Мать не успела его заметить. А Уго, стоя на пороге, с болью в сердце видел ее усталость и покорность судьбе. Волосы матери спутались, она пришла в мастерскую грязная, босоногая, в изодранной одежде, с синяками на руке. Уго быстро понял, что сейчас случится: бондарь начнет ее бить. Наверное, бегство – это единственный способ уберечь матушку от избиения. Уго заметил, как худой подмастерье подходит, чтобы забрать у Антонины детей, как будто все уже заранее знают свои роли. Антонина отдала детей и покорно опустила глаза к сложенным на животе рукам – в тишине, которую научились соблюдать даже дети. Уго не мог сдвинуться с места, колени его дрожали.

– Ты хотел ее увидеть? – снова выкрикнул бондарь.

Пощечина, такая же сильная, как та, что получил Уго, свалила Антонину на землю, усыпанную досками и бочарными обручами, – именно в этот момент мать встретилась взглядом с сыном.

Уго прыгнул вперед. Подмастерье снова подал отчаянный знак. Антонина закричала. Дети начали плакать, а бондарь отделался от Уго, всего лишь взмахнув рукой.

– Уго! – завопила Антонина. – Ради бога, возвращайся на верфи!

– Ты хотел ее видеть? – зарычал здоровяк и одновременно пнул Антонину в живот.

Женщина свернулась в клубок. Уго ничего не чувствовал, не слышал и не видел: он снова кинулся на бондаря.

– Не бей его, – простонала Антонина.

– Оставь его! – прозвучало откуда-то с улицы.

Бондарь замер.

– Не трогай его, Ферран, – повторил мужчина, подоспевший вместе с Маиром.

Они побежали к дому бондаря, как только Маир рассказал своему приятелю об Уго, его матери и о том, что мальчик здесь и хочет встретиться с Антониной.

– Он пришел, чтобы досаждать мне. Что ему надо? – Ферран ухватил Уго за руку и резко дернул. – Жить здесь? Может, он хочет, чтобы я его кормил?

– Я пришел только повидаться с матушкой, – не сдержался Уго.

– Заткнись, еретик!

– Но это правда: он только за этим и пришел, – поддержал еврей из Сиджеса.

– Это больше не его мать, а моя жена, и ему в этом доме не рады.

– Пожалуйста, отпусти его.

Оказавшись на свободе, Уго хотел сразу броситься к Антонине, которая так и лежала, прикрыв голову руками, защищаясь от новых ударов. Но бондарь оттолкнул мальчика.

– Убирайся, – приказал он, – и больше сюда не приходи, потому что, если ты снова явишься, я палкой изобью ее до полусмерти.

И в подтверждение своих слов еще раз пнул Антонину, теперь в спину.

– Сволочь! – закричал Уго, пытаясь пробиться к Антонине, которая лежала тихо, как мертвая.

На сей раз его остановил не бондарь; Маир обхватил мальчика сзади за плечи:

– Чем громче ты возмущаешься, тем хуже для нее, Уго. Пойдем.

В ту ночь, когда на поселок опустилась тишина, Уго, сидевший возле крепости, познакомился с тем жестоким и капризным морем, о котором когда-то рассказывал отец. Мальчик плакал по своей матери, море билось о скалы – раз за разом, раз за разом. «Он ее муж, – почти криком убеждал его Маир, уже закупивший вино. – Он не имеет права ее убить, но бить и наказывать волен как угодно».

«Волен бить, волен бить...» – отзывался в голове Уго рокот волн, призывавший его положить конец всем невзгодам и броситься вниз. Слезы мальчика становились все солонее, а потом на луну напозла туча, и темнота накрыла весь берег. «Волен бить».

6

Барселона, 1389 год

В городе судачили о целых восемнадцати тысячах всадников, вступивших в Каталонию и чинивших разбой и насилие в Эмпорда, на севере принципата: там захватили Баскару и еще несколько селений. Отряды состояли из представителей разных народов, в основном из французов и англичан, нанятых и ведомых Бернаром де Арманьяком, братом графа де Арманьяка. Король Хуан, который только что принес присягу в Сарагосе, обязуясь хранить верность законам Арагона, и созвал в Монсоне Генеральные кортесы, спешно вернулся в Барселону, чтобы организовать оборону. Его подданные сильно тревожились, большинство сомневались в способностях и воле своего монарха, который, с тех пор как излечился от последней болезни, посвящал всю свою жизнь праздникам и разгулу.

Не только король, но и знать, и сами города начали готовиться к войне. Барселона вызвала обратно галеру «Санта-Мариа-и-Санта-Жоана», год назад снаряженную для охраны берегов и прибрежных вод от сарацинских корсаров. Уго бросился на берег, едва узнав о ее прибытии: вместе с галерой возвращался и Бернат.

Именно к такому решению склонили дело деньги Жусефа. Ни король, ни Первый капитан не собирались освободить Берната, а вот Барселоне он оказался нужен. Все преступники – за исключением содомитов, еретиков, убийц, разорившихся менял, изменников и дезертиров – могли получить помилование, согласившись бесплатно грести на королевских либо городских галерах. Жусеф велел адвокату Берната обойти всех барселонских советников и не скупиться на дарения; и если когда-то только один из членов совета, пузатый старый красильщик, возвысил голос против незаконной казни Арнау Эстаньола, то теперь представители совета требовали у короля, чтобы к младшему Эстаньолу применили тот же закон, который действует в отношении всех прочих преступников. Да разве графу де Наварклес недостаточно свершенного возмездия, если теперь он обвиняет шестнадцатилетнего юношу? – добавляли советники.

Однако «Санта-Мариа-и-Санта-Жоана» вернулась в город без Берната.

– Говорят, что корабль остановился пополнить запасы воды близ Тортосы и там Бернат исчез, – вот какое объяснение услышал Уго от Жоана Наварро там же, на берегу, рядом с верфями.

– Он сбежал?

– Хочется верить, что да.

– Но разве их не приковывают, не охраняют? – допытывался Уго.

– Только не Берната. Кажется, благодаря его познаниям парня решили не сажать на весла, а приставить к другим занятиям.

– Он не из силачей. – Уго вспомнил, каким худеньким был его друг.

– Верно, но чтобы убежать, сил ему хватило.

Уго вовсе не помышлял о таком исходе, когда простался с Бернатом. «Держи», – протянул он товарищу пару серебряных кроатов, которые ему удалось накопить. Деньги время от времени ему перепали: сначала Жакоб расплатился за первую распродажу, потом ему немножко приплачивали за поручения, выполняемые для семьи Саула, а еще Уго за деньги подрабатывал в чужих поместьях, когда у Саула было нечего делать. Маир не возражал, поскольку их договор не предусматривал никакой платы, только ночлег в давилъне, замену старой одежды раз в год и питание, как то полагалось подмастерью. «А ты и есть подмастерье», – добавлял еврей.

Бернат тогда отказался принимать деньги. «Я не хочу ничего иметь при себе, меня уже обыскивали и...» Уго воззрился на товарища с изумлением. Обыскивали? Что же они надеялись найти у худощавого парня в простой линялой рубахе? «А ты их проглоти! – посоветовал Уго. – Это всего лишь две монетки. Они тебе пригодятся. Это уж точно». Бернат заупрямился, но в конце концов друг его уговорил. «Я-то себе еще заработаю. Я человек свободный», – объявил Уго.

Теперь, сидя на берегу, он представлял своего друга, бегущего через поля: вот он спотыкается, вот снова вскакивает, а за ним, должно быть, гонятся солдаты. Ну нет. Бернат – умный парень. Им его не поймать. И те два кроата, возможно, послужат благому делу.

– Куда он мог направиться? – спросил Уго.

– Я бы на его месте поскорее покинул владения короля Хуана и Первого капитана. Думаю, он двинется в Кастилию.

Уго улыбнулся, глядя на горизонт.

– Удачи, – пожелал он, не опасаясь, что его услышат чужие.

Море рокотало, рабочие гомонили, вытягивая большую галеру на берег, а Наварро смотрел на Уго, который не мог оторвать взгляд от горизонта, как будто именно там пробежал Бернат. Уго больше не был тем любопытным и бесшабашным пацаненком, который таскал ядро за генуэзцем. Два прошедших года его переменили: на лице закрепилось серьезное выражение, мальчуган подрос, плечи и грудь сделались шире. «А евреи его хорошо кормят», – искренне порадовался помощник управляющего. Арнау Эстаньол был близким другом Жоана, и тот проникся к его подопечному особой нежностью, для которой даже сам не находил слов.

– Он ее заслужил, – сказал Наварро.

– Что заслужил?

– Удачу. И пусть твое пожелание сбудется.

Отдельное помещение возле виноградника Саула-врача было местом, где вино давили и держали в течение первых дней брожения. Вот где сейчас трудился Уго, а мысли его были всецело поглощены кораблями. Недолгий разговор с Жоаном Наварро нагнал на паренька печаль и перенес в те времена, когда он жил одной мечтой: когда-нибудь сделаться *mestre d'aixa*. Уго думал про генуэзца... Он знал, что Доменико освободили и он вместе с другими пленниками вернулся домой. Сейчас Уго занимался уборкой в давальне – скоро подойдет время собирать урожай. «Хороший человек этот генуэзец», – с нежностью вспоминал парень. Он был готов помочь Уго стать мастером, но все надежды разом рухнули, когда появился этот сукин сын Рожер Пуч... Уго заставил себя не думать о Пуче и направил мысли к своей сестре. Арсенда не знала, что случилось с их матушкой; Уго не захотел огорчать ее. Арсенда до сих пор считала, что Уго работает на королевской верфи, хотя, вообще-то, ей было все равно, чем занимается брат, пока он продолжает заверять, что следует Божьим заповедям. «Я попросила попечителя нашего монастыря, чтобы он поговорил с настоятелем церкви Святой Марии. Так что я узнаю, если ты перестанешь ходить к мессе!» – пригрозила Арсенда брату в одну из ночных встреч.

Ну конечно же, он ходит к мессе! Не пропускает ни одного воскресенья, ни одного церковного праздника. Этого требовал Маир. «Ты должен выглядеть самым набожным и богомольным из всех прихожан, – сурово сказал еврей. – Иначе у всех у нас будут неприятности. У всех!» Уго знал, что священники обходят дома своих прихожан и побуждают людей доносить про чужие прегрешения: супружеские измены, колдовство, веселые дома, запрещенные игры, невенчанное сожителство, евреи, которые не выполняют королевские постановления... «Ни у кого не должно быть причин, чтобы указать на тебя», – предупреждал Маир.

Уго выполнял все требования с лихвой: он не только ходил к мессе, он еще начал бесплатно помогать возделывать виноградник, которым церковь Святой Марии владела в барселонском *hort i vinyet*. В Святой Марии у Моря на Уго накатывали противоречивые чувства.

Парень вспоминал слова мисера Арнау: старик обрел в Деве мать. В те дни Уго чувствовал себя счастливым, потому что у него была мать, но теперь... Он не собирался подменять матушку Девой Марией, как это случилось с Арнау, но все равно молился Ей и просил о заступничестве. «Пусть бондарь ее не бьет», – просил Уго. Этому ему было бы достаточно. В течение двух лет, что прошли после того, как Антонину избили у него на глазах, он получал новости о матушке через Маира и его знакомых из Сиджеса. Однажды еврей сообщил, что Антонина беременна. «Может быть, теперь твой отчим перестанет ее бить», – подбодрил Маир. Уго подумал и согласился. Еврей замолчал: он не собирался пересказывать ученику все, о чем судачили в Сиджесе. Уго тоже не стал допытываться.

Но что больше всего волновало Уго, когда он приходил в церковь, слушал священников и принимал причастие, – так это его собственное положение. Об этом он Деве Марии не рассказывал. «Господь все видит, Господу все известно», – без конца твердили церковники, тем самым добиваясь, чтобы их прихожане не могли освободиться от груза вины даже за те грехи, которые совершали тайно и никому не открывали. «Ну хорошо, – соглашался Уго. – Господу все известно, но ведь ему совсем не обязательно пересказывать Деве Марии все, что он знает о Ее пастве, – или обязательно?» Потому что Дольса узнала все, что произошло в Сиджесе между бондарем и Антониной. «Возможно, об этом знают даже татарские рабы на соседних виноградниках», – возмущался Уго. И все-таки никто не проявил о нем такой заботы, не поддерживал так, как Дольса. Девочка молча сидела рядом в те дни, когда Уго оплакивал свое несчастье. Образ Антонины, свернувшейся клубком на досках в бочарной мастерской, неотступно преследовал мальчика; а позже, когда время вступило в союз с забвением, Дольса подарила ему свою дружбу... Если только возможно назвать дружбой эти внезапные переходы от задушевной болтовни к абсолютной замкнутости без всяких видимых причин. Дольса раз за разом бросала своего друга, проявляла враждебность, иногда равнодушие, однако в ее желании уйти было столько же от желания вернуться; на самом деле девочка не возвращалась, а давала Уго понять, что вернуться может он. И Уго всегда приходил. Все эти два года они росли рядом: играли в дружбу и вражду; Дольса обучалась врачевать, принимать роды и помогать женщинам; Уго узнавал все больше о лозах, земле и вине; обоими руководили неотступные и требовательные учителя. Вот об этих событиях двух последних лет Уго ничего не рассказывал Деве. Он не хотел, чтобы Мария узнала о том, как щекотно становилось в животе, когда приближалась Дольса, и о дрожи, которую вызывало простое невинное прикосновение. О безмерной тоске, которая накатывала, когда Дольса кричала, махала руками, оскорбляла его и уходила. Уго не хотел, чтобы Дева проведала о запахе Дольсы – запахе, который он вдыхал в ночном одиночестве, воображая себе эту девушку, их поцелуи, их ласки, их... Как мог Уго рассказать Деве Марии такие вещи о себе и еврейке?

Уго яростно драил давилню. А потом рассмеялся при мысли, что собирается скрыть от Марии свою любовь к еврейке. Дева все знает. Да и как Ей не знать? Такие вещи всегда узнаются. Наверное, Господь Ей все рассказал. Быть может, Он не стал бы сообщать о грешке какого-нибудь бастайша, о шашнях лодочника, об обвесе в мясницкой лавке, но любовь христианина к еврейке... как же о таком умолчать? Хотя пока что никто ему не пеняет, да и Дева не выглядит рассерженной. Уго продолжал усердно чистить давилню, там сусло будет храниться до первого брожения. Большой резервуар год простоял порожним, и теперь его следовало отдраить на совесть. Долго, больше часа, в помещении был слышен только скрежет и натужное, но ровное дыхание уборщика. Уго не получит права давить виноград и даже носить его в давилню. Этим могли заниматься только евреи, тогда вино будет считаться *кошерным*.

Уго снова улыбался, наблюдая за отчаянными усилиями Дольсы, отгонявшей мух, которые так и липли к ее лицу. Девушка бестолково отмахивалась от них, жужжащих вокруг, и ругалась так забористо, что мать вынуждена была призвать ее к порядку. Два года назад, во

время первого в жизни Уго сбора винограда, сама же Дольса его и предупреждала: «Тысячи мух накинутся на тебя и облепят лицо».

Так оно и было, мух становилось все больше по мере того, как виноградный сахар пропитывал одежду, руки, ноги и лица сборщиков. В тот первый год Уго и Дольса беззаботно веселились, девочка показывала, как пользоваться ножом с изогнутым лезвием, похожим на маленький серп, как аккуратно, не повреждая лозу, срезать грозди, как потом сортировать виноград по качеству и раскладывать по разным корзинам, чтобы после отнести в давяльную. А еще девочка учила друга распознавать и отделять мокрые и подгнившие виноградины и предложила – почти в виде новой игры – снимать с гроздей улиток и пауков, листья и комочки грязи, но главное – зеленые ягоды, которые не успели созреть и могли придать вину кисловатый привкус. «Дядя Маир говорит, что есть хутора, где виноград давят вместе со всей этой гадостью, – объясняла девочка, – и вино получается скверное». Тогда им было всего по двенадцать. Теперь, два года спустя, Дольса уже вела себя как своенравная женщина, и ее напористый характер проявлялся в каждой черточке точеного лица.

– Моя работа – это медицина, – ворчала она перед началом долгого дня.

– Виноград набрал цвета и прозрачности, – миролюбиво ответил дядя Маир. – А еще он сладкий. Попробуй! – Он протянул племяннице небольшую гроздь. – И нам нужно собрать урожай поскорее: любая гроза может его уничтожить.

– Земледельцев во время сбора винограда даже на войну не призывали, – добавил дедушка Саул. – Так что на винограднике почетно потрудиться и врачам... таким как мы с тобой, – торжественно объявил Саул, присваивая и внучке тот же статус, что у него.

Лицо Дольсы озарилось радостной улыбкой, которая угасала по мере того, как Маир раздавал указания и распределял работу. Строго говоря, ни Дольса, ни Рехина врачами не являлись. По нормам медицинского университета в Монпелье врачу должно быть не меньше двадцати пяти лет, и если это условие обязательно для мужчин, то вполне логично, что и женщины, получающие титул врача только по особому дозволению короля, не могли быть моложе.

Дождавшись паузы в битве с мухами, Уго передал девушке пару «бубенчиков» – маленьких гроздей, которые Дольса складывала в отдельную корзину. «Сам и положи!» – яростно отмахнулась девушка. Уго так и поступил: вышел из-за кустов, встал рядом с подругой и аккуратно поместил «бубенчики» в корзину. Дольса наблюдала за ним, нахмурившись и поджав губы. Возвращаясь на место, Уго протянул девушке обе руки со сжатыми кулаками.

– Выбирай, – предложил он.

– Отстань...

– Давай!

Дольса подбородком указала на левый кулак – неохотно, как будто по принуждению. Уго разжал ладонь и предъявил две маленькие виноградинки. Одну он положил в рот, вторую протянул девушке. Дольса не взяла.

– Ешь, – потребовал парень.

Дольса уступила и проглотила ягоду. Уго собирался вернуться к работе, но девушка его остановила:

– Что у тебя в правой руке?

Уго покачал головой:

– Чтобы узнать, ты должна была выбрать.

Дольса больше ничего не сказала. Уго знал, что так и будет. Она всегда так себя ведет. И прощения за свой резкий окрик тоже не попросит. Она никогда не просит прощения. Временами Уго начинал верить, что у Дольсы такой характер из-за несчастий, которые она наблюдает, работая вместе с матерью, но когда он сравнивал Дольсу с Рехиной – открытой, веселой и резвой, – то понимал, что дело не в этом. Рехина была красива, а Дольса нет, зато она умела

становиться прекрасной в те моменты, когда примирилась с мирозданием... Или, быть может, с самой собой. И тогда ее резкие черты смягчались, становились нежными.

Однажды Уго предложил подруге сходить посмотреть на море.

– Трата времени, – отрезала Дольса.

Парень продолжал настаивать – так ему приходилось делать всякий раз, когда он что-нибудь предлагал. В итоге они пошли. Сели на берегу, и Уго показал ей, как надо раскачиваться под рокот волн.

– Это бессмысленная громадина, – фыркнула Дольса. – Море только движется вперед-назад. А потом снова и снова. Год за годом, век за веком. Да, море величественное, но оно всегда умирает здесь, у ног тех, кто приходит им полюбоваться. И завтра будет то же самое. И в тот день, когда море выходит из берегов, убивает и сеет разрушение, оно не знает, зачем это делает. Если рассуждать о звуках, я предпочитаю смех ребенка или хрип старика.

– Может быть, ты и права, – подумав, признал Уго.

Дольса даже не повернула головы. Бриз разметал ее волосы; лоб, губы, нос и подбородок на фоне моря были очерчены резче обычного.

– Пойдем поищем какого-нибудь смеющегося ребенка! – позвал Уго.

Губы девушки дрогнули, это было похоже на улыбку. И тогда жесткие черты лица, только что враждовавшие с бесконечностью, слились с далью моря и сделались мягкими и податливыми.

– Сегодня я предпочла бы послушать тебя, – прошептала Дольса.

Уго кивнул и опустил руку в мокрый песок.

– Знаешь, мой отец – в глубине этого моря. – Уго вздохнул. – Может быть, это он толкает волны...

Когда урожай был собран, вся семья Саула приготовилась давить виноград, перенесенный в жилище Уго. На настил, построенный над чаном, который отскоблил ученик Маира, ссыпали виноград, заранее отсортированный по качеству ягод. Уго, не подходя близко, наблюдал за группой собравшихся – в нее входил сам Саул, его супруга, их дети с женами, внуки и кое-то из близких друзей, – они поднимались на помост парами, босые и с голыми икрами, с силой топтали виноград, а сок стекал в давяльную. Чтобы не поскользнуться, держались за свисающие с потолка веревки. Сначала давили «бубенчики», потом второсортный виноград, а под конец – самые лучшие ягоды. Две первые порции будут бродить в деревянных бочках и в больших кувшинах из глины, обожженной с добавлением песка, которая не испаряет влагу, в отличие от пористой глины, идущей на изготовление кувшинов для воды. Уго под руководством и бдительным надзором Маира загодя отмыл и подготовил бочки и кувшины. Отдраил внутреннюю поверхность бочек и проверил клепки – повторно, уже после Маира. А потом разжег костер и держал каждую бочку над огнем, пока дерево не прогрелось, – тогда он заливал внутрь расплавленную смолу с малой долей уксуса. Оставалось окатить холодной водой – и бочка готова. Сходную процедуру помощник виноградаря проделал и с кувшинами: огонь и смола. В этих сосудах виноградное сусло вместе с выжимками, которые вскоре предстояло отцедить, будет подвергнуто первому брожению. А сусло первосортного винограда оставят бродить в самой давяльне, тоже вместе с выжимками, – на пять-шесть дней или, возможно, еще дольше, если Маир считает нужным. Затем сусло процедят и перельют в бочки и бочонки для второго, уже медленного брожения. Оставшиеся выжимки вымочат в воде и получат бесцветное слабое вино – такое обычно дают рабам.

Гости Маира пили вино, ели и вдыхали приторный аромат сусла. Громко болтали, пели и танцевали на винограде, пары сменяли друг друга, веселье оборачивалось суматохой и галдежом, по мере того как крепчали испарения. Даже сдержанный Саул через несколько часов утратил представление о приличиях. Давильщики валились прямо в виноград, когда свисаю-

щие с потолка веревки выskalзывали у них из рук, и каждое падение сопровождалось хохотом и аплодисментами. Только Маир сохранял контроль над ситуацией, которая приносила столько веселья его родственникам и друзьям. Уго хохотал и кричал наравне с остальными – да, он не имел права давить виноград, процеживать сусло и подносить бочки, зато мог помогать во всем, что напрямую не связано с изготовлением вина.

Дольса, прежде не горевшая желанием собирать виноград, с удовольствием присоединилась к общему празднеству. Казалось, девушка сама не понимает, какое вожделение пробуждает ее тело, которое с каждым днем становилось все более соблазнительным. Еврейка давила ягоды, подняв руки и крепко вцепившись в веревку, как будто хотела на ней повиснуть; она танцевала на гроздьях, выставляя на всеобщее обозрение – не бесстыдно, а беспечно – упругие груди, которые вздымались и опускались в бешеном ритме, задаваемом ладонями родственников и друзей: одни хлопали без нечистых мыслей, другие – наоборот... «Божественный напиток. Определенно, это нектар богов», – восторгался Уго, думая о соке, который в эти минуты выжимали ступни Дольсы.

Сквозь решетку в стене этой самой давилъни Уго не раз уже наблюдал окуривание христианок, которые желали избавиться от плода или подвергались другим процедурам: их проверяли на девственность, определяли, способны ли они зачать ребенка. Чтобы это выяснить, женщине вводили в вагину трубку и запускали дым от сосновых семян и дегтя; в зависимости от того, достигал дым рта женщины или нет, а если да, то каков он был на вкус, делались выводы о девственности или способности к деторождению. «Вагина, нос и рот – они сообщаются» – так Дольса объяснила смысл этой странной процедуры. И все-таки со временем Уго начал отводить взгляд от женщин, которых лечила Аструга, и больше засматривался на Дольсу, чей образ преследовал его в фантазиях. В отличие от Рехины, которая, зная, что за стеной притаился наблюдатель, и возбуждаясь именно от этого, начинала двигаться с нарочитым кокетством, выставляясь напоказ и бросая смелые взгляды в сторону решетки, Дольса оставалась равнодушной к незримому присутствию Уго, была сосредоточена на своей работе, следила за состоянием пациентки, послушно выполняла команды матери.

А теперь на давилъне стояла Дольса радостная, Дольса раскованная, и эта красавица время от времени поглядывала на Уго. Что хотят ему сказать эти неотвязные пронизательные взгляды? Парню стало душно, он испугался, что все заметят эрекцию, адресованную Дольсе неотразимой, Дольсе чувственной, перемазанной виноградным суслом, танцующей без усталости, вцепившись в веревку. Уго стоял как зачарованный, и тут сладостный танец внезапно оборвался. Аструга потянула дочь за руку и почти что скинула с помоста. Не желая, чтобы воцарившаяся тишина привлекла к ее дочери еще больше внимания, еврейка сделала Дольсе знак выйти из давилъни, одновременно приглашая остальных продолжать праздник, как будто ничего не случилось.

– А ну, давайте! Чья сейчас очередь? – Аструга громко смеялась, пытаясь загладить свою недавнюю резкость.

Братья и отец Аструги быстро поняли, что к чему, и затеяли потасовку, чтобы занять освободившееся место.

Уго было стыдно. Как он мог смотреть на Дольсу такими глазами? Конечно, похоть и вожделение запечатлелись на его лице огненными знаками. Все эти люди – евреи... И они ему помогали, здесь он... Уго уставился в пол. Ему хотелось исчезнуть из этого места. Незримо просочиться сквозь дверь. Уго украдкой огляделся и понял, что на него уже никто не смотрит. Аструга и другие женщины стыдили Давида, сына Жакоба, и друга Давида, и Уго вздохнул с облегчением. Дольсы в давилъне уже не было.

Если кто-то и видел, как Уго выходил из давилъни, то не придал этому никакого значения. Солнце до сих пор поблескивало на лозах. Стояло полное безветрие, и воздух все еще был пропитан сахаром, приторно-сладкий запах обволакивал все вокруг. Уго искал Дольсу.

Подошел к колодцу и увидел, как она сидит на краю, босая, с красными до колен ногами и с пятнами винограда на одежде. Собранные в пучок волосы открыли ее лицо – такое грязное, что это выглядело мило. Девушка водила кончиками пальцев по поверхности воды.

Уго боялся нарушить тишину. Дольса казалась ему прекрасной. В первые мгновения он просто любовался красивой картиной. А потом негромко кашлянул. Как Уго и предполагал, девушка даже не повернулась в его сторону и не удивилась, когда он сел рядом: эта еврейка всегда вела себя по-особенному.

– Скоро выйдет мать, – предупредила Дольса, продолжая играть с водой.

– Она там ругает твоего двоюродного брата и его друга.

– Даже не знаю за что, – соврала Дольса, а потом забыла о воде и повернула лицо к Уго.

Парень едва сдержал улыбку. Солнце озаряло их фигуры, их окружала особая атмосфера.

– А я вот знаю за что, – смело сказал Уго. И протянул палец к лицу Дольсы. Коснуться не осмелился. – У тебя тут...

Дольса протерла рукой щеки и подбородок.

– Нет, не здесь. Вот... – Он нежно притронулся к ее переносице. – Вот здесь было. И уже все.

Паренек предъявил ей виноградную кожуцу, а потом омыл палец в колодце.

Когда Уго снова взглянул на подругу, глаза Дольсы, теперь такие же нежные, как воздух вокруг, были устремлены прямо на него, как будто время остановилось. Как будто она чего-то ждала. Только дыхание ее участилось. Уго отметил, что его собственное дыхание подлаживается к этому ритму, а легкая волшебная дрожь овладевает его руками, плечами... всем его телом... Думать вдруг стало не о чем. И сдерживаться тоже не было сил. Уго нашел губы Дольсы и поцеловал. Она приняла его поцелуй и приоткрыла губы, чтобы прикосновение сделалось еще нежнее. Одно мгновение...

– Нет! – неожиданно заупрямилась девушка.

Уго отстранился. «Почему?..» – он не успел ни о чем спросить: Дольса положила ладони на его щеки и снова притянула к себе.

– Скоро выйдет мать, – твердо произнесла она уже через мгновение и решительно отодвинулась от парня.

Уго смотрел на Дольсу. Он задыхался. Он не знал, что делать, что сказать, как объяснить ей. Слова не приходили: Уго все еще дрожал, упоительный вкус ее губ и слюны заполнял все его чувства.

– Уходи, – попросила она.

Уго рискнул погладить ее по руке.

– Уходи!

И Уго в смятении отступил, а вскоре из давилъни вышла Аструга.

Король Хуан безрезультатно просил помощи у короля Франции, оказал сопротивление там, где захватчики наступали, а потом призвал на войну каталонцев – в соответствии с записанным обычаем *Princeps namque*: королю дозволялось призывать в свою армию мужчин со всего принципата, вне зависимости от того, являются ли они свободными гражданами или же вассалами короля, Церкви или других знатных вельмож. Не так давно подобный призыв распространялся на людей любого звания и положения, однако постепенно выяснилось, что большинство новобранцев не готовы к войне, не имеют вооружения, каковым солдаты обязаны располагать по закону, или же предъявленное снаряжение никуда не годится, люди не умеют с ним обращаться и вообще не обладают боевыми навыками. *Princeps namque* понемногу видоизменился в обязательство для феодалов, поселков и городов: им следовало, пропорционально количеству очагов, или дымов, которые насчитывались на их территории, платить за подготовленных к войне солдат, – например, арбалетчики и копейщики шли из расчета по два суэльдо в

день. Первым полагалось иметь при себе арбалет, сорок восемь стрел, шлем и кольчугу; копейщикам – щит, кольчугу, копье, меч и нож. Вооруженные всадники стоили от четырех до семи суэлько в день, в зависимости от того, защищен ли конь полностью, прикрыт ли кожаной попной или отправляется на войну совсем без защиты, как большинство мулов. Такой способ призыва солдат и помощь арагонцев и валенсийцев позволили королю Хуану в марте 1390 года собрать войско приблизительно в четыре тысячи всадников и столько же пехотинцев; король сам выступил во главе своей армии на Жирону, город, расположенный в трех днях пути на север от Барселоны, в сторону Франции.

Уго двигался в арьергарде внушительного войска, вместе со всякого рода торговцами, старьевщиками, проститутками, ворами, бродягами и плутами, всегда готовыми воспользоваться бедствиями войны и поживиться за счет грядущих трофеев; Уго вел в поводу наемного вола, а тот катил наемную телегу, на которой ехало молодое вино последнего урожая – крепкое и терпкое пойло для солдат, а также несколько бутылей с *aqua vitae* и примитивный перегонный куб, чтобы в случае необходимости пополнить ее запасы.

– Эта жидкость пригодна для многих снадобий, – объяснял Маир еще в давилльне, подвергая вино дистилляции с помощью перегонного куба; данный аппарат возбуждал в подмастерье живейшее любопытство. – А на войне лекарств требуется много, – добавил еврей. – Их часто приходится изготавливать прямо на месте: врачи делают на основе *aqua vitae* разные смеси, добавляют травы и коренья. Эту жидкость называют еще *aqua ardens*, то есть «огненная вода», потому что при глотании или промывании ран она обжигает.

– И лечит? – спросил Уго.

– И лечит. Сам подумай: если вино впитывает в себя росу и небесную влагу, то *aqua vitae*, выкачанная из вина, сведенная таким образом к его душе, его квинтэссенция, превращается в жидкость, содержащую в себе солнце и звезды. Она лечит, еще как лечит!

– Но ведь напиток обжигает горло...

– Совсем не обязательно его пить, – рассмеялся Маир. – *Aqua vitae* – с травами или без – смачивают раны и ушибы, промывают глаза и уши, смазывают гнойники на любых частях тела. Ее пьют, чтобы оздоровить горло и легкие, пьют при слабости и при онемении конечностей. И все-таки мудрые люди утверждают, что *aqua vitae* настолько крепка и дает столько жару, что ее следует прописывать в малых дозах и разбавлять вином, водой или другими составами. В медицинских трактатах говорится, что человеку следует прописывать не больше, чем умещается в скорлупу лесного ореха или и того меньше, две-три капли, и всегда смешивать *aqua vitae* с вином. И даже в этом случае опасность остается. Вино – нектар богов, однако если выпить сверх меры... А неправильное употребление *aqua vitae*, несомненно, может привести к смерти – в этом согласны ученые и врачи.

Уго многого ждал от первого дня пути. Он беспрестанно вертел головой, старался ничего не упустить, впитывал новые ощущения. За годы, проведенные рядом с Маиром, ему довелось много путешествовать, и эти странствия всегда были связаны с вином и виноторговлей: в Маргорель, где делают очень ценное красное вино, в Манресу и близлежащие поселки Наварклес и Артэс. А еще винодел с учеником побывали в Алелье, местечке рядом с Барселонной, знаменитом своими сладкими винами, и в Вилафранка-дел-Пенедес; в поисках хороших вин они добивались даже до Мурвьедро, что в Валенсии. Только в Сиджес Уго возвращаться не хотел, да Маир и сам не предлагал. Однако все эти странствия не отличались многолюдьем: Уго и Маир шагали по дорогам вдвоем, лишь временами присоединяясь к компаниям бродячих торговцев или погонщиков, которые им ничуть не докучали. Еврей не уставал говорить о винах и лозах, а Уго внимательно его слушал.

Эти путешествия не имели ничего общего с толкотней тысяч мужчин и женщин, следовавших за войском. Уго улавливал обрывки разговоров случайных попутчиков: Жирона; солдаты и рыцари; люди герцога де Арманьяка; война... Он что есть мочи тянул своего вола

вперед, гоняясь за ускользящими словами. Иногда парню казалось, что рассказывают про Первого капитана, и он убыстрял шаг, несмотря на все выговоры от Маира, не понимавшего причин внезапной спешки. Уго без усталости тащил вола вперед, а животное, не ведавшее чаяний погонщика, упиралось и медлило.

– Если денежка водится, приходи ночью ко мне, – предложила пареньку дорожная шлюха, столь же помятая, сколь и бесстыдная, а лет ей было раза в два больше, чем Аструге.

Уго отказался. Чтобы подбодрить парня, женщина добавила:

– Молоденькие не научат тебя такому, что знаю я!

Уго опустил глаза в землю, сухую и твердую, утоптанную солдатами.

– А чему он научится у тебя? – неожиданно вмешался Маир. – Восторгу, пламенному желанию или, может быть, целомудрию? – (Проститутка резко махнула рукой и ускорила шаг, чтобы избежать перепалки с евреем.) – Мечты, фантазии... – Теперь Маир шептал, как будто разговаривал сам с собой. – Изумление, зачарованность, привязанность, порыв... Трепет! Ликование, обожание...

Уго посмотрел на Маира: тот шагал рядом с повозкой и взгляд его улетал к какой-то давней любви.

– Страсть. Страсть. Страсть. – Еврей словно бы отвечал на незадаанные вопросы. – Что ты дашь этому юноше? – выкрикнул Маир, удивив идущих рядом, но только не проститутку, которая уже успела убраться подальше.

Им предлагали самую разную еду, лекарства и вещи. Некоторые торговцы это делали неохотно, словно из какой-то докучной обязанности; другие же, напротив, с напором, настойчиво, однако Уго и Маир неизменно отвечали отказом. Они сносили оскорбления и плевки – все из-за желтого круга, нашитого на темный плащ с капюшоном, достигавший Маиру до щиколоток. Уго удивляли стойкость и невозмутимость, с которыми его учитель сносил несправедливые поношения. «Не обращай внимания, иди как шел», – унимал еврей ученика. У них покупали вино. Иные пытались отобрать его силой. Маир предъявлял солдатам рекомендательные письма, зачитывал их вслух, и как можно громче, чтобы услышало побольше народу. Это были письма Саула и тех самых врачей, которые шли вместе с войском. «Чем они станут лечить ваши раны?» – пригрозил он мародерам. Так Маир распространял известия о себе и о своем грузе и настаивал, чтобы им разрешили двигаться вместе с войском, а не в арьергарде среди подлого сброда. Этого им не позволили, зато и не оставили без охраны. Когда командиры узнали у врачей, насколько важно защитить *aqua vitae* и перегонный куб Маира, к их телеге приставили сменный караул из двух солдат.

Заночевали они под Гранольерсом. Уго был не в состоянии, как того хотел Маир, караулить важный груз – парень завернулся в одеяло под телегой и провалился в сон сразу после того, как насытил голод несколькими луковицами, головкой чеснока с хлебом, солониной, сыром и добрым глотком вина. Несмотря на присутствие солдат, Маир лишь дремал, тоже забравшись под телегу; даже с закрытыми глазами он продолжал сторожить свой товар и вола, надежно стреноженного и привязанного сбоку.

Утром, как бывало и на виноградниках, худощавое, жилистое тело еврея было вполне готово к новым испытаниям. А вот Уго чувствовал себя разбитым. Под первыми лучами весеннего солнца парень проклинал яркие краски, громкие крики и перепалку случайных попутчиков. Какой-то торговец хотел подойти к их телеге, но быстро отказался от своего намерения: хмурый Уго даже не взглянул в его сторону. К своему полному разочарованию, погонщик убедился, что, несмотря на все усилия, понукать вола совершенно бессмысленно: животное двигалось с одинаковой скоростью, что с его рывками, что без. Уго попробовал пристроить вола в хвост передней телеги, и тот покорно пошел, не нуждаясь в вожатом.

– Долго же до тебя доходило, – усмехнулся Маир за спиной ученика. – Не хватало еще, чтобы эта скотина над тобой посмеялась.

Уго обернулся:

– Почему вы мне не сказали?

– А это как с девочками, приятель: ты должен все постичь сам. – И еврей захохотал. – Что толку, если старик вроде меня начнет рассказывать тебе о волах?

«Постичь все насчет девочек...» Да Уго только к этому и стремился! Прошло уже около полугода с того вечера, когда Дольса позволила себя поцеловать, а потом отшатнулась, а потом обхватила за щеки и поцеловала сама. Конечно, все длилось недолго, но для Уго это был магический, неповторимый миг. Вкус Дольсы; запах, который при соединении губ Уго присвоил навсегда, как будто до этого момента ему было дозволено лишь вспоминать его с грустью; прикосновение – и нежное, и гипнотическое. Через несколько дней Уго, набравшись храбрости, вновь приблизился к девушке. Он был и робок, и вместе с тем исполнен надежды, но сразу же натолкнулся на неприступный взор Дольсы. Быть может, все дело в том, что он христианин? Тогда почему же она его поцеловала? Дольса не желала с ним разговаривать, избегала его общества и впервые со дня их знакомства продлила свое молчание больше чем на месяц, а Уго за это время познал пытку, о которой раньше и не подозревал: презрение любимого существа. Юноша лишился аппетита и сна. В его распоряжении имелось не так много возможностей, ведь наступило время окапывать лозы, и все-таки Уго успевал выслеживать и преследовать девушку. Парень занимал позицию на каком-нибудь углу или в галерее арок или смешивался с толпой на рынке и наслаждался созерцанием возлюбленной. Обычно женщины выходили в город втроем: Аструга, Дольса и Рехина. Последняя, даже будучи еврейкой, приковывала к себе мужские взгляды – больше, чем Дольса. Да, Рехину можно было назвать соблазнительной, кокетливой, милой, привлекательной и даже прекрасной, зато Дольса источала такое природное обаяние, которое не шло ни в какое сравнение со всеми другими чарами. Ну а что до Уго – во всем мире не было женщины, способной с нею соперничать.

Дни тянулись мучительно, и только когда сама Рехина коварно пошла на приступ – парень в этот момент был занят чисткой кувшинов в погребу Саула, – Дольса наконец-то себя проявила.

– Что ты здесь делаешь? – Дольса почти орала на подругу, застав ее в погребу: Рехина нежно ворковала с подмастерьем и при каждом его движении норовила прижаться грудью.

– Я просто... – смущенно забормотала прелестница.

– Замолчи! Он – мой... – Дольса не договорила. – Мой дед владеет этим погребом, – торопливо поправилась девушка. – И тебе здесь не место. Ты и сама знаешь: мы можем находиться только наверху.

– Мне нужно было поговорить с Уго.

– Не о чем тебе с ним говорить!

Голос Дольсы звучал хрипло и угрожающе.

– А может быть, у него найдется что сказать, – не уступала Рехина.

Уго заметил, как блеснули в полумраке глаза его подруги.

– У тебя есть что сказать? – с вызовом спросила Дольса. Уго отвел взгляд от Рехины и пожал плечами. – Вот видишь? – победно вскинулась Дольса. – Теперь ты довольна? Ступай прочь из погреба!

Рехина сдалась и, не глядя на Уго, поднялась по лестнице.

Дольса перестала обращать на подругу внимание, она дожидалась, когда закроется дверь в погреб над ее головой.

– Рехина тебе больше по вкусу? – спросила девушка чуть слышно, все так же стоя на лестнице; голос ее совершенно переменялся.

– Нет!

Уго подошел к нижним ступенькам, не зная, должен ли он подняться, или Дольса сама к нему спустится.

Ни того ни другого не произошло.

– Тогда почему ты был здесь с ней?

– Она спустилась... Пришла сюда... Но ничего не было, – добавил Уго. Голос его дрожал. Почему он так не уверен? Почему оправдывается? – Дольса, я...

– Я надеюсь, что такое больше не повторится. Рехина – она нехорошая. Я уже несколько раз говорила матери, но... Кажется, между семьями существует какой-то договор. Приглядишься хорошенько к ее носу! Внимательно! Ты не увидишь, что она повернула голову или смотрит в чью-то сторону, если хочет узнать, о чем говорят люди. Она никогда не хмурится, всегда кажется такой веселой и приветливой. Ты не услышишь от нее ни одного дурного слова или оскорбления. Но нос ее выдает: ноздри едва заметно раздуваются, и в тот момент, когда она прислушивается к чему-то, чего слышать не должна, нос как будто кривится на сторону. Она не в силах с ним совладать. Она способна обмануть всех и вся, кроме своего носа. Этот нос!..

И Дольса исчезла так же внезапно, как и появилась.

Вспомнив тот день, Уго грубо подстегнул вола.

– Да что с тобой, мальчик? Не вымещай свои невзгоды на животном.

Услышав голос Маира, Уго понял, что ударил вола слишком сильно.

Но в общем-то, поделом. Речь, конечно, не о волé – о Дольсе. Вот кто заслужил этот удар: после происшествия в погребке девушка опять перестала с ним разговаривать и вообще замечать. Зачем же тогда она вмешалась, когда застала их с Рехиной?

С тех пор внимание Уго то и дело переключалось с носа Рехины на груди, туго вздымавшие ткань ее платьев. Юноша не подметил ничего из того, о чем предупреждала Дольса, хотя та, стоило им встретиться втроем, всячески ему на это указывала, сурово выпячивая подбородок: смотри, мол, все так и есть, надо только лучше приглядеться. И Уго приглядывался: то к носу Рехины, то к сиськам Рехины...

Ученик винодела пробовал с головой уйти в работу и отрешиться от всех своих вопросов, на которые не существовало другого ответа, помимо того, что он – христианин. В ту пору они с Маиром выпалывали траву и убирали лишние отводки. Потом аккуратно окапывали каждую лозу вокруг основания и, стараясь не задеть корней, оставляли ямку для поступления воды. А вино уже жило своей жизнью в бочках и кувшинах. Уго работал и на винограднике Святой Марии, а еще ему приплачивали за помощь на других виноградниках, где он трудился наравне с рабами и поденщиками. Церковь Святой Марии у Моря распахнула юноше свои двери и приняла его тревоги: ему было необходимо избавиться от мыслей о Дольсе.

К Арсенде он тоже стал навещать чаще. Приближаться к монастырю Жункерес казалось Уго все тяжелее, как будто он, взрослея, рисковал больше. Он так и продолжал обманывать сестру рассказами о работе на верфях. Какими далекими были теперь его мечтания! Уго хотел поделиться с Арсендой тревогой, которая накапывала всякий раз при приближении к монастырю, вечным страхом, что его поймут, но его удержала неожиданная мольба сестры. «Никогда не покидай меня! Ты – моя единственная связь с миром... и с семьей, – призналась Арсенда. – Монахини свободно гуляют по улицам, а мне не разрешают даже ходить по поручениям вместе с другими служанками. Не знаю, как бы я жила без наших встреч».

Уго задумался, почему так происходит с близкими ему женщинами: матушка, Арсенда, Дольса, Рехина... Друзей у него было мало... или не было совсем, ведь те, с кем Уго хоть как-то сошелся, остались на верфях. Однажды ему повстречались двое мальчишек, когда-то таскавших ядра за генуэзцами, – это было на Новой площади, рядом с собором и прямо перед епископским дворцом, на открытом пространстве, образованном стечением сразу нескольких улиц, где столы менял отделяли зону, предоставленную для торговли окрестным земледельцам, от обычного рынка. Возле старинных ворот в римской стене продавали хлеб, испеченный из теста, замешенного за городской чертой, – эти прилавки стояли отдельно от столов пекарей, проживающих внутри стен. И вот посреди ароматов свежее испеченного хлеба, посреди людской

суеты, под крики глашатаев, в данный момент оглашавших имя барселонца, который не смог расплатиться с долгами, Уго узнал двух бывших товарищей, возрастом чуть постарше его.

Уго хотел окликнуть старых друзей и даже поднял руку. Его не замечали. Тогда он, надрываясь, перекричал даже глашатая: «Жауме!» Странно, что Жауме его не услышал, ведь парень стоял совсем рядом. И только тогда Уго понял: это из-за его дел с евреями, или из-за драки с Рожером Пучем, или из-за оскорблений, которые он нанес старшему Пучу, Первому капитану. Слава, пришедшая к мальчику после этой дерзкой выходки, осталась позади. В какой-то момент Уго даже почудилось, что презрение толпы к некоему Антонио Веле, о котором вешал глашатай, теперь обращается на него, как будто злодеем объявлен не кто иной, как Уго Льор: «...перестал платить по своим долгам, о чем и сообщаем во всеулышание...»

Теперь в Барселоне будут знать, что Антонио Вела, каменщик, живущий в доме на улице Сант-Пау, – ненадежный плательщик. Глашатай возвестил об этом на весь город, чтобы никто не доверял этому человеку имущество и деньги, и вскоре он будет опозорен на всю Барселону. Быть может, и его, Уго Льора, тоже ославили, объявив, что он впал в немилость и работает на евреев. Теперь Уго не поддержал бы никто – ни мисер Арнау, ни Жоан Наварро. Теперь он – такой же прокаженный, как и те, из госпиталя Сан-Лазаро: к нему опасно приближаться; он должник, которому не следует доверять.

Зато у него остается Бернат. Подумав об этом, Уго улыбнулся, хотя и не был уверен, что они, по правде, друзья. Ему лишь хотелось так думать, хотя – что ему пользы в таком друге... Бернат в Барселону не вернется. На такое способен только сумасшедший.

– Мир тебе, парень!

Крепкий шлепок по спине заставил его вздрогнуть. Спокойный, терпеливый вол направлял шаги потерявшегося в своих мыслях погонщика. Все это время Уго рассеянно шагал рядом с волем и даже не заметил смены часовых.

– Мир тебе, – отозвался Уго.

Он проводил взглядом двух арбалетчиков, торопливо уходивших с полными стрел колчанами за спиной. Без всякого сомнения, эти двое стремились поскорее вернуться к товарищам и позабыть о наказании, которому их подвергли командиры, – тоскливом и постыдным сопровождении еврейского виноторговца.

Уго обернулся посмотреть на пару новых караульных, беседовавших с Маиром возле телеги, и тут ему пришлось ухватиться за воловью упряжь, чтобы не упасть на дорогу. Один из солдат показался ему похожим на Лысого Пса. Уго глубоко вздохнул и посмотрел еще раз, прилепившись к волу, стараясь слиться с ним. Старый проржавелый шлем закрывал лицо, но именно в этот момент солдат снял его, чтобы утереть пот, и Уго убедился, что это действительно Жоан Амаг.

Юноша выдохнул. Повернулся спиной и попытался отойти как можно дальше – это означало встать за два шага перед волем, притвориться, что он тянет непослушное животное. «Сколько ему потребуется времени, чтобы меня узнать?» – подумал Уго с дрожью в руках и ногах. За два года Уго подрос, но Лысый Пес подрос гораздо больше; он был высок и крепок, даже покрупнее другого солдата, который выглядел старше. Если ненависть и злоба лысого развилась так же, как и его тело, Уго пропал. Ему не хватало сил даже переставлять ноги. Бедняга взвесил возможность побега. Он мог бы затеряться среди толпы, сопровождающей армию, вол шел бы так же кротко за передней телегой, пока его не остановят на ночлег, а Уго вернется к своему грузу назавтра, когда сменится караул.

– Придурок!

Уго вжал голову в плечи, он понял, что его уже раскрыли, однако никто к нему не спешил. Брань повторилась, и только тогда Уго сообразил, что обращаются не к нему. Любопытство пересилило страх, парень обернулся и увидел, как бывалый солдат трясет Жоана за грудки, как тряпичную куклу. Стрелы подпрыгивали в заплечном колчане.

– Быть не может! – вырвалось у Уго.

Между встряской и встряской взгляды их встретились: Уго смотрел удивленно, Лысый Пес – покорно. И все-таки, узнав своего врага, Аамат решил покончить с унижением и начал защищаться. Лысый Пес попробовал достать ветерана кулаком. Тот без труда уклонился, а потом с неожиданной ловкостью накинулся с тумаками на Аамата. Вскоре Лысый Пес уже лежал на земле, прикрывая голову.

– Я же тебе говорил еще в первый день... – Ветеран измывался над побитым без всякой жалости. – Мне не нравится, каков ты есть, и как ты разговариваешь, и... Сколько еще раз мне тебя лупить, чтобы ты наконец понял, что в драке тебе со мной не совладать? Тебе еще учиться и учиться. Дурачина!

Длинная лента все так же тянулась вслед за армией; телега с волом составляла ее малую часть. Только Жоан Аамат валялся на обочине, корчась от боли. Уго заметил нерешительность на лице Маира. Винодел и подмастерье перевели взгляд на старого солдата, шагавшего вперед как ни в чем не бывало.

– Помоги ему, – велел Маир. – Бегом! – поторопил он, сам бросаясь к распростертому на земле новобранцу.

Уго повиновался не раздумывая, он до сих пор был потрясен расправой над своим знакомцем. Вдвоем с Маиром они не без труда подхватили Аамата под мышки.

– На телегу. Живо! – скомандовал еврей и кивком указал, куда бежать.

Им пришлось торопиться, Аамат болтался между ними, на ходу норовя выскользнуть, а вол уходил все дальше. Наконец они погрузили лысого на телегу, точно мешок.

– Посиди с ним, – так же резко приказал Маир. – Дай ему немного вина, пусть очухается.

Пока Уго на ходу запрыгивал в телегу, еврей вернулся подобрать оружие избитого: арбалет, шлем и разбросанные по земле стрелы.

Уго не верилось, что он принимает во всем этом участие. Внутренне кипя от злости, он проталкивал Лысого Пса, чтобы поудобнее устроить его ноги на телеге, где совсем не оставалось места из-за перегонного куба, бочек и бурдюков из козьих шкур, в которых перевозилось вино. Уго сумел прислонить своего врага к боковой стенке. Лысый Пес обеими руками держался за ребра, ему было трудно дышать. Уго наконец-то рассмотрел лысого: он был обессиленный, беззащитный и все-таки...

– Чего пялишься, дурачина? – прокашлял Аамат.

Лысый Пес обозвал его дурачиной? Уго привстал и упер ногу в плечо мерзавцу:

– Ты, сукин сын, хочешь знать, на что я пялюсь? Я просто смотрю, как ты сейчас скатишься с этой телеги, а потом буду смотреть, как тебя топчут мулы, что идут позади.

Уго слегка подтолкнул лысого к краю – он ждал извинений. Извинений не последовало. Тогда он толкнул сильнее, так что Аамат до пояса свесился над краем телеги. Лысый дышал тяжело, все так же прижимая руки к груди.

– Что ты делаешь? – закричал Маир, подоспевший со снаряжением арбалетчика.

Уго не хотел грубить: Маир – хороший человек, но он же не знает, кому взялся помогать.

– Не ваше дело, – отмахнулся Уго.

– Вот уж точно мое, – перебил Маир. – Телега – моя. И отвечать, если этот бедолага свалится, тоже мне. А этот во всем обвинит меня. – Виноградарь кивком указал на шагавшего впереди ветерана. – Никто не возьмет в расчет, что он же его и отмутузил. Если этот парень упадет с телеги еврея, виноват в случившемся будет еврей – ты понимаешь?

Уго убрал ногу с плеча Аамата.

– Вот так, молодец, – одобрил Маир. – А теперь дай ему выпить, это его успокоит.

Уго поил Аамата вином, пока тот не впал в целительное забытие. Тогда Маир тоже вскарабкался на телегу и осмотрел избитого.

– Подождем, – вот что он решил. – Если в течение дня он не пойдет на поправку, значит у него сломано ребро и нам придется позвать врача.

Они шли целый день, чтобы к вечеру добраться до ворот Жироны. Уго, шагавший позади, присматривал за болящим, Маир следил за размеренной поступью вола, а бывалый солдат ошивался где-то возле чужих телег: приставал к женщинам и свирепо угрожал всем, кто рисковал ему воспротивиться.

Когда они устроились на ночлег в виду Жироны, ветеран так к ним и не вернулся. Лысый Пес не смог или не захотел принять то небольшое, что ему предложили на ужин, и, несмотря на выпитое, мучился от боли до самого рассвета – только тогда и объявился его напарник. Следы бурной ночи отображались на лице солдата, в замедленных неуклюжих движениях и в бессвязных речах. Уго понимал, что в таком состоянии гуляка ни от кого не сможет его защитить. Он без зазрения совести даст их ограбить... если сам не решится на такое дело.

– Мальчик очень плох, – сурово объявил Маир. – Сходи к своим, предупреди, чтобы с новой сменой караула прислали и врача.

– Ну нет... – Солдат с трудом ворочал языком. – Ты мне тут не... командуй, – кое-как выговорил он. – Еретик!

– Это не команда, – поправился Маир, приняв во внимание тон и взгляд солдата. – Но он нуждается в твоей помощи.

– Ну тогда... – Солдат, пошатываясь, куда-то побрел. – Ради... Если только ради товарища по оружию! – воскликнул он, подбадривая сам себя.

Маир почувствовал, что проблем не избежать, когда торговец одеждой, остановившийся на ночлег в нескольких шагах, указал на капитана, который твердым, решительным шагом направлялся к их телеге. Вместе с капитаном шли четверо солдат при мечях, щитах и ножах, а также врач.

– Где раненый? – без предисловий спросил он.

– Вот он лежит.

Уго смотрел, как врач карабкается на повозку, а потом в воздухе зазвенели слова капитана:

– Еврей! Пау Климент сообщает, что ты вероломно напал на его товарища Жоана Амата и избил его. У тебя есть что сказать?

Маир широко развел руками и попробовал оправдаться:

– Зачем бы мне это делать? Это не я. Нет. Зачем бы я стал избивать этого юношу? Я дал ему место в моей повозке.

Уго переводил взгляд с Жоана Амата, который взирал на происходящее, держась за борт телеги, на Маира, а потом на капитана со стражей. Солдаты следили, как бы еврею или сопровождающему его мальчишке не пришлось в голову оказать сопротивление или скрыться.

– Ты можешь говорить? – спросил капитан, подойдя к Лысому Псу. Тот кивнул; врач ощупывал его торс. – Верно ли, что эти двое напали на тебя исподтишка и избили?

Уго прочитал по глазам Лысого Пса: тот согласится. Подтвердит обвинение. «Скажи правду!» – умолял за его спиной Маир. Но ведь еврей тут ни при чем! Единственный враг Жоана Амата – он, Уго!

– Это сделал я! – объявил Уго, подходя к капитану и взглядом бросая вызов Амату – безмолвно, но гордо и даже высокомерно. – Этот еврей... – с презрением процедил подмастерье, – он не способен никому причинить вред. Он такой же трусливый, как и все еретики.

– Это правда? – обратился капитан к Амату.

– Правда, – подтвердил тот слабым голосом.

– Нет... – вмешался Маир.

– Молчать! – рявкнул капитан, отпихивая винодела. И снова обернулся к Уго. – Как тебя зовут? – Услышав имя, капитан объявил: – Уго Льюр, именем короля ты арестован.

«В тюрьме жиронского викария его ведь придется кормить, и если забрать мальчика с собой в армию – тоже», – размышлял капитан. Что им делать с парнем, которому едва исполнилось четырнадцать? А грузу на телеге и дальше будет положена ежедневная охрана. «Ведь неплохое решение», – в конце концов надумал капитан.

– Ты останешься здесь, под ответственность этого еврея, – распорядился он, переговорив с врачом о здоровье Жоана Амата и услышав несколько раз твердое «нет». – Ты будешь обихаживать и кормить того, кого покалечил, как будто ты его раб, пока войско не вернется в Барселону. Там ты предстанешь перед судом викария. Ну а что до тебя, – добавил капитан, обращаясь к Маиру, – если парень убежит, ты дорого заплатишь.

Король Хуан остановился в Жироне. Селения, плохо приспособленные для обороны, были покинуты на произвол судьбы, зато укреплялись важные опорные пункты, такие как Манреса, Олеса-де-Монсеррат, Палафружелль, Паламос, Торроэлья-де-Монтри и некоторые другие. Стычки между двумя армиями проходили под Бесалу, Кабанесом и Наватой, где Бернат де Кабрера разгромил неприятеля и захватил четыреста лошадей.

Во время всех этих событий Уго пребывал в распоряжении Лысого Пса, уже восстановившего силы, вставшего на ноги и ходившего с накрепко перебинтованным торсом. Уго находился под надзором двух сменных караульных, Маир день-деньской пропадал в городе, торгуя своими товарами, а Жоан Амаат развлекался, издеваясь над Уго. Заставлял его бегать взад-вперед с никчемными поручениями, и поскольку силы для колотушек в нем еще не набралось, то и дело орал, сквернословил и плевался – это бывало чаще всего.

– Да потому, что вы не виноваты, – в сотый раз отвечал Уго Маиру ночью, когда у них выдавалась возможность обсудить происшедшее. – Если бы я не взял вину на себя, нас бы арестовали обоих, даже не сомневайтесь, – убеждал подмастерье. При этом о своих старых счетах с Лысым Псом он предпочел умолчать. – Вы еврей, вы сами не даете об этом забывать. Помните, что было на телеге? Я уже собирался выпихнуть его на дорогу. Вы предупредили, чем это для вас грозит. А если бы вы всего лишились, то и меня бы тоже сейчас здесь не было. Не знаю, куда бы меня забрали и что бы со мной сделали.

Но еврей все равно чувствовал себя виноватым: это он взял Уго с собой в поход, это он попросил приставить к повозке охрану, это он не вмешался, когда ветеран избивал Жоана Амата... И это он не разделил с мальчиком наказание.

– Не тревожьтесь, – уговаривал его ученик.

Решение пришло ему в голову однажды вечером, когда Лысый Пес его прилюдно унизил и устроил так, что Уго поколотили.

– Он живет у евреев, – во всеуслышание объявил Жоан Амаат, когда они проходили мимо лачуги, временно приспособленной под бордель. – Надо бы проверить, не обрезан ли у него кончик.

Мужчины, дожидавшиеся своей очереди снаружи, расхохотались. Один из них, пожав плечами, вступил в игру и подошел к Уго.

– Почему бы и нет? – Он подмигнул остальным. – Вдруг это и правда еврей без кружка на одежде и без всех остальных знаков?

Уго отшатнулся. Что делать? Предъявить им свой член? Это бесполезно: они ведь пьяны. И тогда он решил убежать. Мужчины погнались за ним, зовя подмогу и улюлюкая. Лагерь следовавшей за войском шушеры представлял собой лабиринт из тележек, мулов, палаток и временных хибар, с узкими извилистыми проходами. Поэтому совсем скоро кто-то ухватил беглеца за волосы. Парень решил, что их тут же и выдерут с корнем, но вот ему уже стиснули локоть, вцепились в шею, потом и в другой локоть... И таким вот манером двое мужчин, толкая впереди себя скрюченного, задыхающегося Уго, препроводили его обратно к лачуге.

Там в присутствии целой толпы народу, сбежавшегося на крики и шум погони, с парня, разодрав на нем рубаху, спустили штаны. И кто-то пощупал вялый орган Уго.

– Он не еврей, – таков был вердикт.

Зевакам стало неинтересно, толпа начала расходиться. Однако поймавшие беглеца его не отпускали; больше того, хватка сделалась крепче, как будто именно этого они и ждали: остаться без свидетелей. Уго понял это по выражению лиц, по сладострастному блеску в глазах, по легкой, но нескрываемой нервозности. Зачем ждать очереди к шлюхам, да еще и платить? Этим мужчинам попался в руки молодой, привлекательный парень. Дядька, который щупал его член, почти не отвел руки.

– Меня хотят изнасиловать! – во весь голос завопил Уго. – Помогите!

Ему попытались заткнуть рот. Некоторые мужчины и женщины из лагеря уже обернулись на крик; люди замедляли шаг, видя, как подросток рвется из рук содомитов.

– Мы уже убедились, что он не еврей, – резонно заметил один из зевак. – Почему же вы его не отпускаете?

Один из насильников разжал хватку. Тот, что стоял впереди, отошел, но третий, с которого все и началось, держал паренька крепко, как будто еще не натешился вволю.

– Он нас оскорбил, – ответил мерзавец и встряхнул Уго.

– Точно! – слышался голос Лысого Пса. – Он обвинил вас в гадостных склонностях.

Стоявший сзади ударил Уго по затылку. Мужчины уже собирались запинать парня ногами, но тут из заново собравшейся толпы вперед выступила женщина и энергично вмешалась в происходящее:

– Свины! Да разве вы не собирались это проделать? Вы бы впердолили в зад любому, кто вам подставится.

Женщина была в лохмотьях, со спутанными жирными волосами, и зубов у нее во рту осталось мало. Ее пытались оттащить силой, тогда оборванка пустила в ход ногти. И ее подержали многие – те, кому хотелось спокойствия в лагере.

– Нам и снаружи войны хватает!

– Утихомирьтесь!

– Да это просто недоразумение.

Беззубая воспользовалась неразберихой и выдернула Уго из толпы.

– Беги, – велела женщина.

Уго хотел спросить, кто она такая и почему вмешивается...

– Беги, – повторила она и подтолкнула парня в спину.

Он своего добьется: не сегодня, так завтра. Еще не прошла и неделя из тех четырех, которые врач предписал Лысому Псу для выздоровления. После стычки перед борделем Уго пришел к однозначному выводу: лысый мерзавец его доконает, это вопрос дней. Уго подумал о бегстве. Но тогда ответственность возложат на Маира, еврейская община от Уго отвернется, и Дольса не захочет его видеть. Однажды вечером лысый дал ему свой кувшин, чтобы Уго налил еще вина; Амаг и два других солдата сидели у огня, стражники дремали, а еврей ушел спать под телегу. И тогда Уго, не раздумывая и даже не проверив, наблюдают ли за ним, влил в кувшин драгоценную *aqua vitae* из запасов Маира. Пока жидкость переливалась, юноша все еще сомневался, вспоминая наставления винодела: «не больше, чем умещается в скорлупу лесного ореха». Он заглянул в кувшин. Скорлупка? Да он залил туда целый куст! Уго решил, что такого количества достаточно. Доверху долил кувшин вином и хорошенько взболтнул. Смесь пахла резко, но Лысый Пес уже был здорово пьян.

После первого глотка Жоан Амаг поморщился. Он с удивлением воззрился на кувшин, а Уго трепетал от страха, подглядывая из-за телеги. Амаг приложился во второй раз, уже от всей души. Потом резко выдохнул, как будто обжег горло. Маир предупреждал: будет жечь.

Вот почему эту смесь иначе называют «огненная вода». Лысый Пес помотал головой и снова уставился на кувшин.

– Да, случалось мне пробовать и терпкие вина, и крепкие, – произнес пьяный, неизвестно к кому обращаясь. – Но вот это... просто обалдеть. Какое забористое!

Уго расслабил плечи и с облегчением выдохнул, увидев, что Агат снова пьет, – и этот глоток получился еще длиннее предыдущего.

– Боже мой! – воскликнул лысый.

Маир не рассказывал, когда наступит смерть и каким образом умирают отравленные. Может быть, как бешеные псы? Или сладостной смертью старушки, из которой жизнь вытекает по капле? Однако, скорее всего, как постепенно убеждался Уго, *aqua vitae* все-таки не заберет жизнь Жоана Агата. Покончив с первым кувшином, тот потребовал еще. Уго повторил процедуру смешивания.

Лысый Пес так и не умер. Уго силился не заснуть в ожидании его кончины, но ночь тянулась медленно, и у него слипались глаза. Парень в испуге подскакивал, не понимая, то ли миновало одно мгновение, то ли прошли долгие часы; он раз за разом подходил посмотреть, как спит Жоан Агат. Агат храпел. Но вот при очередной проверке Уго не услышал храпа. Легонько ткнул отравленного ногой, и тогда Агат перевернулся под одеялом и снова захрапел. А потом рассвело, и смерть обернулась ужасной головной болью, на которую пьянчуга жаловался все утро.

– Тебя за такое вино арестовать надо! – бранил он Маира.

Еврей нахмурился. Забравшись на телегу, он сразу обнаружил недостачу *aqua vitae*.

– Два флакона? – Еврей угрожающе навис над Уго, держа в руке пустые сосуды.

Мальчик горестно вздохнул и был вынужден сознаться. Маир выгнул брови дугой, скривил губы и пожал плечами.

– Ученые тоже, бывает, ошибаются, – шепнул еврей, спустившись с телеги. Теперь уже изумился Уго; его учителя совсем не разозлило, что он извел столько ценной жидкости. – Вообще-то, я не знаю, заслуживает ли он смерти, – вслух размышлял Маир. – Так или иначе, в этом не было необходимости.

– Он меня прикончит, – обреченно вздохнул Уго, переводя взгляд на Лысого Пса.

– Ну нет. Вот увидишь. Все уладилось довольно просто и гораздо дешевле, чем всем нам думалось.

– Всем вам?

– Уго, у тебя есть друзья, они готовы помочь тебе после того, что ты сделал ради меня. Так что убивать было необязательно. Эти солдатики продаются совсем задешево.

Уго понял смысл загадочных речей Маира уже утром, когда пришел Пау Климент, тот ветеран, что избил Агата, и капитан, арестовавший Уго по его навету. При виде их Агат побледнел, а Уго воспрянул духом. Однако ни бледность, ни повязка на теле не уберегли лысого от затрешины.

– Лжец! – выкрикнул солдат.

Лысый Пес согнулся, его стошнило то ли от переизбытка *aqua vitae*, то ли от страха, то ли от того и другого сразу – этого Уго знать не мог. Старый солдат дождался, пока Агат извергнет все содержимое желудка. А потом схватил его за волосы и задрал голову.

– Почему ты мне сказал, что тебя избил еврей и мальчишка? – нагло спросил он.

– Я... не...

– Лжец! – Ветеран не дал ему договорить.

– Так ты утверждаешь, что это были они? – вмешался капитан.

Ветеран резко дернул Агата на себя, тот завыл от боли и обхватил руками ребра.

– А ну-ка признавайся! – потребовал Пау Климент. – Мы оба знаем, что это были не они, ведь так?

Кому, как не им, этого не знать, переглянулись Уго с Маиром.

– Не-е-ет, – проблеял Амаг.

– Что – нет?

– Не они-и-и-и.

– Почему же... – сунулся вперед Уго, но Маир схватил его за рубаху, сильно дернул и замотал головой.

Уго вырывался, но Маир держал крепко. Позже он объяснит, что на этом деле конец, – таков был уговор с Пау Климентом и капитаном: больше никаких доносов, никаких наказаний.

Капитан подошел к Маиру с Уго.

– Кажется, произошло недоразумение. Ты свободен, – только и сказал он.

В марте король Хуан во главе своего войска выступил из Жироны, чтобы дать сражение противнику. Несмотря на значительное превосходство в кавалерии, далеко не все французские отряды решились принять бой. Тех, кто отважился, Хуан разгромил, враги бежали за пределы Каталонии. После нескольких месяцев грабежа тысячи наемников и бандитов не захотели мериться силами с хорошо организованным войском, вставшим на защиту родной земли.

Король решил продолжить путь до Перпиньяна. Каталония была освобождена от захватчиков, и Хуан распустил ополчение. Маир и Уго вернулись в Барселону вместе с остальными участниками похода, так и не поживившись за счет военных трофеев.

7

Маир рассказал Уго, что в итальянских поселках жители собирают мочу с помощью системы труб, выходящих в большие резервуары, где ее оставляют гнить. А еще на площадях и в других людных местах устанавливают уринарии с поместительными хранилищами. Маир объяснил, что эта перегнившая моча, в равных пропорциях смешанная с водой, служит для удобрения огородов, садов и виноградников. Со временем, уверял Маир, все растения, удобренные таким образом, начинают приносить больше плодов и лучше качеством, а в первый год – иногда даже и во второй – виноградная лоза только привыкает. Поэтому кусты не следует удобрять заново, пока не пройдет пять или шесть лет.

А еще человеческая моча, будучи смешана с пеплом лозы, служит для лечения больных растений, на которых виноград опадает или высыхает, еще не созрев. Маир всегда знал, какие лозы нуждаются в особом уходе, и такие работы надлежало проводить именно весной.

По возвращении из Жироны еврей занялся сжиганием лоз и мертвых корневищ, чтобы собрать достаточное количество пепла, а Уго досталась другая работа: он носил на виноградник мочу, которую собирал в еврейском квартале. То, что случилось в лагере под Жироной, самопожертвование Уго, взявшего на себя чужую вину, вскоре сделалось притчей во языцех, поэтому косые взгляды, которыми обычно встречал парня стражник у ворот на улице Каль, что на углу с улицей Фонт, выходящей на площадь Сант-Жауме, хоть и не наполнились радостью, но, по крайней мере, из них исчезла подозрительность.

Саул и вся его семья тоже были благодарны Уго. Старый врач почтил его приглашением в свой кабинет с тысячью запахов и протянул юноше руку:

– Прими мою благодарность, юноша. Никогда заранее не знаешь, что может случиться с одним из наших после ареста. Обыкновенно все улаживается с помощью денег, однако в наши ненадежные времена, когда идет война... – Саул сокрушенно покачал головой. – Спасибо.

Они побеседовали о винограде, об Арнау и еще о многом, что интересовало Саула. А потом еврей вознаграждал парня золотым флорином – это было целое состояние, но оно обратилось в ничто, когда, выйдя из кабинета спиной вперед, не переставая благодарить щедрого доктора и закрывая за собой дверь, Уго наконец повернулся и встретился с губами Дольсы на

своих губах. Монета еще звенела на плиточном полу, а девушка уже отстранилась на безопасное расстояние, чтобы не вызвать никаких подозрений.

– Моя матушка велела помогать тебе в сборе мочи, – просто сказала Дольса.

Уго ошалело кивнул, еще не придя в себя после внезапного поцелуя.

– Пойдем, – с трудом выдавил он из себя.

– А как же монета? – напомнила Дольса, когда Уго уже рвался к выходу.

Парень остановился как вкопанный.

– Ты из-за меня так разволновался? – игриво спросила девушка.

– Нет... – И, подумав, уверенно добавил: – Да! А что, с тобой так не бывает?

Уго опустил на колени, чтобы не смущать Дольсу еще сильнее. Лицо ее было прекрасно в своей серьезности, она посуровела еще больше, словно воздвигая стену, оберегающую от подобных вопросов. А Уго довольствовался ее молчанием и какое-то время делал вид, что занят поисками монеты, хотя на самом деле сразу же заметил блестящий кружок на полу.

– Да вот же она. Ты что, не видишь? – помогла ему девушка.

Уго пробормотал какую-то благодарность. Протянул руку и взял флорин.

– Представляешь, сколько всего мы себе можем купить на такие деньги? – Парень широко улыбнулся и подмигнул подруге.

– Прибереги его. Бывает, что подмастерье получает четыре-пять таких флоринов за несколько лет ученичества, – решительно пресекла его мечтания Дольса.

На улице Уго взял большой старый кувшин для мочи, выданный ему Маиром. Он ходил уже не в первый раз, но Дольса шла с ним впервые: раньше юношу сопровождала Аструга или еще какая-нибудь женщина из многочисленной родни Саула.

Еврейский квартал в Барселоне, как и многие подобные общины, представлял собой город в городе. Квартал был ограничен площадью Сант-Жауме, собором, Новым замком и римской стеной и вмещал в себя около четырех тысяч человек, стеснившихся на слишком малом пространстве. Места на всех определенно не хватало, поэтому по другую сторону от Нового замка и римской стены образовался еще и малый еврейский квартал.

В Барселоне было пять синагог: в самой главной, Большой синагоге, и больше нигде, имелись скамьи и сиденья для постоянных прихожан; еще была так называемая Женская синагога; Французскую построили евреи, изгнанные в Испанию из сопредельной страны; синагога Маскот Авенхена получила имя в честь богатого представителя общины; пятая называлась Малая синагога. Были в еврейском квартале и бани, и рынки – хлебный, мясной и рыбный, и больница для бедняков, основанная Самуэлем Ха-Шарди, были харчевни, магазины и мастерские. Повсюду царил теснота, обитатели квартала использовали каждую пядь земли... и даже воздуха: между домами были перекинуты мостки или жилые галереи, что мешало солнцу проникать в и без того темные улочки. Еврейская община являлась собственностью короля, ему ежегодно выплачивалась установленная сумма – в качестве налога, который евреи сами распределяли между членами общины. Монаршая власть осуществлялась через секретаря и особый совет; внутреннее управление евреи проводили самостоятельно, здесь жили по иудейским законам и календарю, подчиняясь своим судам и исповедуя свою веру.

Портные, изготовители украшений из коралла и игральных костей, ювелиры и ткачи – вот кто в основном трудился в мастерских на улицах, по которым проходили Уго с Дольсой; парень тащил большой кувшин, обходя скопища людей и прилавки, реагируя на каждый звук, запах, движение; девушка держалась на расстоянии и увеличивала дистанцию всякий раз, когда к Уго приближались женщины с тазами, содержимое которых они выплескивали в кувшин; каждая такая встреча сопровождалась новым взрывом зловония. Уго с Дольсой забирали мочу у родственников Саула и у друзей, которых заранее предупредили.

– Знаешь, когда моча перебродит, она запахнет еще мерзотнее, – хохотнул Уго, когда Дольса, указав парню на дом и представив его хозяевам, отстранилась во второй раз.

– Слушай, я даже трупное разложение умею переносить. Я промывала нагноившиеся, гнилостные раны и язвы. Я лечила женщин... в общем... таких женщин, у которых вся эта гниль живет внутри их тайных частей.

Уго обернулся, смерил подругу взглядом и кивнул, как будто представил все вживую.

– Осторожней! – закричал мужчина, на которого Уго едва не налетел.

– И верно, – поддержала Дольса с полуулыбкой на губах. – Не вздумай расплескать мочу – иначе тебе ее и собирать!

– А ты мне поможешь?

– Нет. Там, где я решаю сама за себя, я делаю только то, что мне нравится.

Уго остановился и ждал, пока Дольса не подошла.

– Вот почему ты меня поцеловала? – шепнул ей на ухо.

Уже второй раз за этот день Уго ставил девушку в неловкое положение. В первый раз после этого он нагнулся в поисках флорина, а теперь двинулся дальше со своим кувшином, снова оставил Дольсу позади, заранее представляя, как снова посурует ее лицо.

– Да, – неожиданно услышал Уго.

Девушка его догнала:

– Вот почему я тебя поцеловала. И я тоже волнуюсь рядом с тобой.

Уго хотел обернуться.

– Шагай вперед! – приказала Дольса. Парень повиновался. – И я часто думаю о тебе, а потом я вся мокрая...

– Мокрая? – переспросил Уго.

– Да-да, совсем! Ты ведь ничего про это не знаешь? Никогда не был с женщиной, правда? – Уго было остановился, но девушка хотела, чтобы он шел дальше. – Сверни на ближайшем углу, где бани.

– А ты? Ты была с мужчиной? – спросил он, убедившись, что никто их не слышит.

Дольса поколебалась. Но предпочла его не обманывать:

– Нет, не была. Но моя работа учит многому. Я ведь повитуха, ты не забыл?

Пролетела весна, наступило лето. В эти месяцы Уго работал на винограднике Саула, на винограднике церкви Святой Марии у Моря и как поденщик на виноградниках за пределами Барселоны, принадлежавших купцу Рокафорту и другим богатым горожанам. Перебегая с работы на работу, парень старался не попасться на глаза Жоану Амату и вообще избегал квартала Раваль, улицы Тальерс и ворот Бокерия с их мясными рядами. Уго не хотел даже думать, что сделает с ним мерзавец Агат, если поймают.

Зато он денно и ночью думал о Дольсе. Подростки тайком искали встречи друг с другом в доме Саула, где Дольса жила вместе с матерью, и на виноградниках. И если им удавалось встретиться, целовались, а порой доходило и до неумелых ласк, которые становились все слаще по мере того, как их тела познавали друг друга. Уго трогал ее груди – юные и гладкие, с твердыми сосками, он хватался за них как попало, пока не научился ласкать, подлаживаясь к прерывистому дыханию Дольсы. Проникая под юбки, юноша наслаждался ее ровным лобком, прижимался вздыбленным членом и терся, терся, пока не взрывался горячим оргазмом и не сдавливал так крепко, как будто хотел удержать навсегда.

И все-таки бывали дни, когда Дольса не позволяла к себе приближаться. «Ступай прочь... Оставь меня!» – кричала она. «Но почему?» – «Потому что», – коротко бросала девушка. Если вообще снисходила до ответа, а такое случалось далеко не всегда. Несмотря на все настойчивые расспросы, Уго почти ничего не добился: однажды Дольса задумалась, как будто готовясь открыть тайну. Но так и не открыла. Зато бывали случаи, когда Дольса сама его подстерегала и брала инициативу в свои руки: ей остро хотелось чего-то, что можно назвать любовью, нежностью или наслаждением. «Я тебя люблю», – однажды признался Уго.

Эти слова вызревали в нем долгими ночами. «Я тебя люблю, люблю, люблю...» Уго представлял, как произносит это на все лады, перебирал множество возможностей. Услышав о любви, Дольса напряглась, замолчала и долго смотрела на Уго, а потом наградила страстным поцелуем. Холодность и пылкость – две эти противоположности управляли поведением Дольсы как будто помимо ее воли. «Хватит!» – часто выкрикивала Дольса, неожиданно обрывая поцелуй, соединение тел... и вождление. Иногда она так же внезапно и возвращалась, набрасываясь на Уго с обжигающей страстью, а иногда просто поворачивалась к нему спиной.

Как-то в середине июля служанка позвала Дольсу, когда парочка миловалась в саду, укрывшись среди яблонь. Служанку от них отделяло всего несколько шагов. Что она успела увидеть? – безмолвно вопрошали друг друга влюбленные.

– Чего тебе? – отозвалась Дольса, одергивая рубашку и приглаживая волосы.

– Мисер Саул послал за Уго. Мисер ждет его в кабинете.

Откуда ей было знать, что и Уго тоже здесь? Ведь их никто не видел...

– Зачем? – спросила Дольса и тут же осеклась. Она ведь знала, что дедушка никогда бы не стал объяснять служанке, для чего ему понадобился Уго.

– Не знаю, но вид у него был очень суровый.

Наступила тишина.

– Сейчас он придет, – наконец отпустила служанку Дольса.

Уго вошел в комнату с тысячью запахов, трясаясь от страха.

Мрачное лицо врача не предвещало ничего хорошего.

– Садись, – предложил Саул.

Уго воспринял это как приказ. Прежде он никогда не садился в этом кабинете. И вот присел на стул с высокой спинкой, на котором можно было держаться только прямо.

– Я послал за тобой...

Юноша не мог сосредоточиться на словах Саула – так ему было страшно. Он уже хотел во всем признаться, как сделал недавно, спасая Маира, только на сей раз он собирался выгораживать Дольсу.

– Ты что, меня не слушаешь? – прервал его раздумья Саул.

– Простите.

– Ты слышал, что я сказал?

Уго ответил не сразу.

– Нет.

– Умерла Мар, вдова Арнау Эстаньола. Завтра ее будут хоронить на кладбище церкви Святой Марии.

И Уго перенесся мыслями к Бернату, который не сможет проститься с матерью. Где теперь Бернат, да и жив ли он вообще?

Уго спуускался по улице Мар, чувствуя себя неловко в свисающем до колен балахоне с длинными рукавами, в который его обрядили евреи. Он потел. Шерстяная ткань в летний зной невыносимо жарила. И кололась. Вид его плохо сочетался с блеском дорогих украшений, выставленных на прилавках ювелиров по обе стороны улицы, от которой оставался только тесный проход. Уго смотрел, как покупатели яростно торгуются, стараясь сбить цену на драгоценности, как женщины примеряют ожерелья и браслеты, как прохожие вокруг тараторят и смеются... Казалось, всё, кроме него, сверкает под ярким солнцем этого июльского утра, а близость берега давала о себе знать солоноватым морским запахом.

Величественная церковь Святой Марии захватила все чувства Уго, как только он переступил порог. Храм был почти пуст, внутри находилось лишь несколько прихожан, а мерцание свечей у главного алтаря тонуло в потоках разноцветных лучей, проникавших через высокие окна, чтобы отвесно обрушиться на пол, оставляя в полумраке большую часть церкви. Уго

сразу сделался маленьким. Мисер Арнау часто рассказывал ему о таком ощущении, но мальчику трудно было почувствовать себя крошечным, когда храм наполнялся народом. Однако сейчас Уго словно окаменел: он не мог объять колоссальное пространство, открывшееся перед ним, как будто вес всего храма, его высоких колонн, арочных сводов с гигантскими замковыми камнями возлег на его плечи и не давал шевельнуться.

Парня вернула к реальности беготня трех мальчишек, пытавшихся выгнать из храма собак, – но те носились еще быстрее. Ему и самому приходилось заниматься таким делом. Да, это нелегко, однако нехорошо сердить священников, если они просят детей погонять животных. «Ну не так же! – едва не выкрикнул Уго. – Куда вы смотрите? Они опять проскочили мимо вас».

– Пойдем, парень.

Быть может, мужчина, хлопнувший Уго по спине, просто обратил внимание на его черный наряд, но Уго узнал одного из бастайшей, работавшего на верфи. Вслед за ним юноша прошел в деамбулаторий – круговой коридор, огибающий главный алтарь сзади. Там, под контрфорсами капеллы бастайшей, собрались грузчики с верфью, многие с семьями, все в трауре. Уго не встретил здесь никого, кто когда-то так почтительно, почти раболепно, здоровался с мисером Арнау, когда тот ходил собирать подаяние для «Блюда стыдящихся бедняков», – прежде чем впал в немилость из-за возвращения Пучей. Только один человек, не связанный с цехом бастайшей, пришел, чтобы разделить скорбь по жене Арнау Эстаньола: Жоан Наварро, стоящий позади своего безразмерного живота, то и дело утирал капельки пота на лысине.

В маленькой часовне люди тесно сплотились вокруг простого соснового гроба. Священник начал заупокойную мессу, но Уго его не слушал. Он чувствовал себя предателем Девы Марии из-за отношений с Дольсой, которые становились все более чувственными. А если он не признается Деве, то и покаяться не сможет. С Дольсой они вообще не обсуждали свою связь, как будто вступили в молчаливый стовор. Она никогда не станет христианкой, ее убеждения незыблемы. И хотя в Каталонии дозволялось переходить в христианство, Уго перейти в иудаизм не мог. Стоит ему принять еврейскую веру – его тотчас схватит инквизиция. С этим никакой неопределенности не было. Однажды Уго улучил момент, когда они с Маиром бок о бок трудились на винограднике, и поинтересовался, притворившись, что спрашивает из праздного любопытства:

– Маир, а что, если христианин захочет перейти в иудейство?

Виноградарь даже не разогнул спины:

– Ему следует отречься и принять иудейскую веру.

Оба замолчали, было слышно только, как железо вгрызается в землю, а еще жужжание насекомых и шуршание каких-то зверьков.

– Ты ведь не собираешься так поступить?

Еврей распрямылся, держась рукой за поясицу.

– Нет, конечно.

– Потому что, если ты так поступишь, ты будешь считаться еретиком, попадешь в инквизицию и тебя осудят как такового. Именно так относится инквизиция к христианам, которые отрекаются от веры, чтобы сделаться иудеями или магометанами. И наказанием может стать даже смерть... тебя сожгут на костре.

– Понятно, – насупился Уго.

– Только подумай, инквизиция ни перед чем не останавливается: даже тех христиан, что отрекаются под страхом смерти или под пытками, как случилось с несколькими пленниками, которых выкупили из тюрем Берберии монахи-мерсенарии, – их тоже сочли еретиками.

– Да уж, – только и смог ответить Уго.

Виноградарь и подмастерье вернулись к работе, но совсем скоро Маир снова разогнул спину и снова заговорил, на сей раз громким голосом, напирая на каждое слово:

– А заодно с еретиком, отрекшимся от христианства, инквизиция объявляет еретиками и тех евреев или неверных, которые сбили христианина с пути. Даже не сомневайся, – грозно добавил Маир, – что, если ты перейдешь в нашу веру, меня сразу же схватят как совратителя.

«А могут схватить и Дольсу». От этой мысли Уго содрогнулся.

– Не беспокойтесь, Маир. Я не собираюсь откре...

– Отрекаться, – подсказал еврей. – Очень на это надеюсь, юноша.

Уго вернулся к происходящему в часовне бастайшей, услышав женский плач. Быть может, однажды они с Дольсой убегут в какой-нибудь далекий-далекий край, где их никто не знает, и он сможет выдавать себя за еврея. В Гранаду. Уго слышал, что там правят мусульмане, а евреям живется спокойно. В Королевстве Гранада никому не будет дела, что он христианин. Он должен наконец-то предложить этот план Дольсе. Юноша прищелкнул языком, и стоящая рядом старушка посмотрела на него с осуждением. Уго тысячу раз собирался об этом заговорить, но в последний момент, видя девушку перед собой, не находил нужных слов, колебался и путался в мыслях, потому что боялся услышать ее ответ.

Мар похоронили на большом кладбище, что на площади Святой Марии, прямо напротив церкви. Именно в тот момент, когда гроб опускали в могилу, Уго снова вспомнил о Бернате, ему стало жаль друга, который не смог сказать своей матушке последнее «прощай».

Бастайши и их семьи не знали, что делать, когда с лопаты упала последняя горсть земли и ушел священник: некому было выразить свои соболезнования, ведь никто из родственников покойной не явился. Уго оставил скорбящих в этих раздумьях, а сам ушел к морю. Ему нужен был этот запах, эта свежесть, он мечтал потрогать воду и наполнить легкие витающей в воздухе солью.

– До меня дошли слухи, будто он ходит в море под началом кастильского корсара.

Уго обернулся. Его нагонял пыхтящий Жоан Наварро.

– Бернат? – сразу же догадался Уго. О ком еще может говорить помощник управляющего королевской верфью?

– Да. Это только слухи, и все же...

– Где он?

– Картагена, Севилья... Откуда мне знать?

– Я очень рад. И мне жаль его матушку.

– Ну а ты... Как твои дела?

«Схожу с ума от любви к еврейке».

– Я хотел стать *mestre d'aixa*, – ответил Уго вслух.

– Я знаю.

– Мне хотелось бы и дальше работать на верфях: там корабли, там море...

– А хочешь, сходим туда сейчас? – (Это предложение изумило Уго, но еще больше он изумился продолжению.) – Мы войдем через главные ворота. Тебе не придется карабкаться на стену тайком, глухой ночью.

– Простите меня...

– Мы получили топорик обратно. Что же до арбалета... его нам вернули королевские солдаты.

– Нам не повезло.

– Вы двое до сих пор живы после того, как пытались убить Первого капитана королевского войска! – возразил Наварро, крепко хлопнув юношу по плечу. – Ну конечно же, вам повезло, и даже очень повезло!

На верфи работа кипела вовсю; Уго не помнил, чтобы здесь хоть когда-то было так суматошно. Король Хуан повелел строить новую армаду, чтобы защитить Сицилию от династических притязаний его племянника Мартина Младшего, который недавно заключил брак с Марией, королевой Сицилии, около десяти лет назад бежавшей в Каталонию после восстания

сицилийской знати. На верфи бесперебойно работали над восемью кораблями – их строили и под сводами, и в большом дворе. Шум стоял оглушительный, а воздух, несмотря на грандиозные размеры здания, был почти что непригоден для дыхания из-за дыма, опилок, расплавленного жира, смоляного вара и пота работающих людей.

– Король... – Наварро приходилось кричать во весь голос, чтобы хоть что-то втолковать обалдевшему Уго. – Король приказал, чтобы все работники, строящие корабли, от конопатчиков и *mestres d'aixa* до бастайшей и весельщиков, оставались в Барселоне, в распоряжении альгвасила королевских армад. Это как на войне: все обязаны работать на короля, – с гордостью добавил помощник управляющего и обвел широким жестом бурлящие верфи.

Уго уже слышал о новой армаде. «Им потребуется вино, много вина, – предсказывал Маир. – Но пока они ее будут строить, пройдет год, может, два – или даже больше. За это время нам предстоит заключить много сделок и накопить изрядный запас».

«Нам». Это короткое слово врезалось Уго в память. И неожиданно вся сутолока и неразбериха верфей показались ему такими далекими, такими чужими в сравнении с размеренной работой на виноградниках. Там Уго провел уже несколько лет и действительно чувствовал себя частью земли. «Нам». Их отношения с Маиром теперь скреплялись нежностью, которую учитель старался скрывать. Детей у винодела не было. Дольса однажды обмолвилась, что Маир развелся с первой женой, потому что она не могла зачать, но и со второй у него ничего не получилось; а тем временем первая супруга, поверив в свое бесплодие, прижила сына на стороне; об этой внебрачной связи стало известно всем, что сильно ударило по мужской гордости Маира. «Ничего подобного не случилось бы, если бы Маир оставил себе обеих жен» – вот каким выводом Дольса закончила свою историю. «Обеих? Разве так можно?» – «Ну конечно можно, – подтвердила Дольса. – Ничто не мешало Маиру жить с двумя женщинами, особенно учитывая, что первая якобы оказалась бесплодной».

Откровение, испытанное Уго на королевской верфи, еще сильнее привязало парня к земле, которая ему не принадлежала. Маир относился к своему помощнику очень хорошо, он упорно и терпеливо обучал паренька всему, что сам знал о винограде, вине и *aqua vitae*. И Уго получал удовольствие от своей работы; он учился любить природу, что прежде даже не приходило ему в голову. «Да, мне везет», – уверенно говорил себе подмастерье. Он долго сомневался, стоит ли рассказывать Арсенде, и в конце концов решил не открывать правду: девочка не смирилась бы с его работой на евреев, а еще меньше – с тем, что евреи ему нравятся. Уго давно перестал лазить на крышу монастырского дома; теперь, когда он приходил проведать сестру, они общались через зарешеченное окошко. И Арсенда всегда просила его вернуться. «Не покидай меня, братик».

И он ее не покидал. И Дольсу тоже.

– Ты как-то... переменялся, – заметила еврейка в конце сентября, за несколько дней до сбора урожая.

Дольса пришла в давальню вместе с Саулом и Астругой, чтобы помочь в подготовке к важному дню. Воспользовавшись передышкой, она подошла к Уго. Парочка оставалась на виду, в нескольких шагах от старших.

– Да, – согласился Уго. Он молчал до тех пор, пока не понял по лицу Дольсы, что должен сказать что-то еще. – Потому что...

Он кашлянул и сглотнул слюну. Дольса рассердилась:

– Потому что – что?

– Потому что мы с тобой убежим в Королевство Гранада, чтобы жить там вместе и без тревог, – выпалил он на одном дыхании.

Девушка не удержалась от смешка. Потом замолчала. Внимательно посмотрела на парня и всплеснула руками. И снова рассмеялась, на этот раз громко и заливисто. И снова смерила Уго взглядом с головы до ног.

– Чего? – протянула она нараспев.

Да, он это сказал! И она не стала возражать.

– То, что ты слышала, – произнес Уго с обезоруживающей убежденностью. – Мы с тобой...

– Да-да-да, – перебила Дольса. – Ты сошел с ума.

– Но...

– Почему это он сошел с ума?

Последний вопрос задала Аструга, незаметно подошедшая к парочке.

Дольса растерялась.

– Потому что... – Уго сам не знал, что собирается сказать.

Аструга переводила взгляд с парня на свою дочь и уже начинала хмуриться.

– Так я скажу ей, Дольса? – простодушно спросил Уго, все еще раздумывая, как это сказать.

– Ну конечно! – сразу же подхватила девушка. – Это же моя мать.

– Так что же? – Аструга не отступалась, остальные тоже начали собираться вокруг.

Уго кинул взгляд на виноградник, надеясь отыскать какой-нибудь выход из передраги:

– Я предложил ей изготовить особое вино...

Маир вопросительно вскинул брови.

– Вон те лозы... – Уго ткнул пальцем, – те, что рядом с огородом семьи Вилаторта, они дают особенный виноград – может быть, из-за солнца, – не такой сладкий, хотя и вызревает в то же время.

И это была правда. Парню нравился чуть горьковатый привкус этих ягод, и он действительно задумывался, не получится ли из них хорошее вино, непохожее на другие.

– Верно, – признал Маир. – Вот только вина выйдет совсем мало.

– Да хотя бы несколько кувшинов... – не сдавался подмастерье. – Какая разница?

– Но это усложнит процесс отжима...

– Я берусь собрать те ягоды раньше других и отдельно сложить в давяльне. Тогда ничего не усложнится.

Дольса сверлила его взглядом, проклиная за упрямство. «Да все уже, – внушали ее прищуренные глаза. – Мы уже выпутались из этой переделки. Хватит про вино». Остальные, включая старого Саула, дожидались решения виноградаря.

– Ну хорошо, – согласился Маир.

– Тогда пускай этот виноград топчут мои внуки – Дольса и Саул, – вмешался старик. – Вино, которое они сделают, мы сохраним, чтобы отпраздновать их свадьбу.

Уго побледнел. Дольса опустила глаза.

– Через год в сентябре, как раз к сбору урожая, Саулу исполнится восемнадцать лет, а тебе, Дольса, – шестнадцать. Эти сроки установлены в трактате «Ктубот». Или я ошибаюсь? – спросил Саул у своей дочери.

– Нет, отец, вы не ошибаетесь, – ответила Аструга. – К этой дате свадьбу и приурочим. Мы уже многое приготовили для праздника, но идея с особым вином для стола кажется мне превосходной. Будем надеяться, Уго, у тебя все получится. Спасибо тебе за задумку.

Уго в ответ только приложил козырьком руку ко лбу и отвернулся к лозам, как будто изучая их издали. Паренек молился про себя, чтобы никто к нему не подошел и не увидел текущие по щекам слезы, чтобы никто не заметил, как сотрясается его тело, не услышал сдавленных рыданий.

– Пойду сорву несколько ягод вам на пробу, – сумел произнести бедолага, а потом припустил к винограднику, подальше от них от всех.

Уго стоял на самом краю надела, там, где он граничил с огородом Вилаторты. Он собирал те самые ягоды, соком которых Дольса отпразднует свое замужество. Парень раздавил ногой упавшую гроздь, горя о жестокости своей любимой. Выходит замуж! Маир рассказал, что в семье обо всем договорились, еще когда дети были маленькие, еще до того, как три года назад Мар, крепко держа Уго за руку, впервые привела его в еврейский квартал. И за все это время Дольса ему ничего не сказала! Она выходит за Саула, своего двоюродного брата, старшего сына Жакоба. Уго познакомился с ним еще на барселонской распродаже. И до сего времени очень хорошо к нему относился. Уго затряс головой, стараясь вытрясти всю боль. Да, он соберет этот виноград. Он соберет столько, сколько потребуется, – таков его долг перед Маиром, а потом исчезнет без следа. С Дольсой он больше не разговаривал. Может быть, из-за грядущей свадьбы она и была так непостоянна; из-за свадьбы отстранялась от него и гнала от себя. Дело вовсе не в том, что он христианин, а в том, что она помолвлена. Да, он уйдет. Уго принял это решение в бессонные ночи, наполненные иногда слезами, иногда – проклятьями. У него есть золотой флорин и еще несколько монет, заработанных на виноградниках. Он отправится искать Берната в Севилью или в Картахену – ведь Наварро говорил, что сын Арнау обретается там.

Уго поднялся ни свет ни заря, чтобы приступить к сбору на этом участке и оборвать все подчистую, как и обещал Маиру. Юноша посмотрел на раздавленную гроздь. Он уже собиравшись оставить ее лежать на земле, но передумал и решил тоже бросить в корзину, потому что, убеждал себя Уго, ему совершенно не важно, каким получится это вино. Он обобрал виноград примерно с четверти участка, а солнце просыпалось с большой неохотой, как будто в этот день не желало ничего освещать. А потом Уго увидел, что к давилльне подходит Маир. И вместе с ним кто-то еще... Юноша прищурился, сделал из ладони козырек и напряг зрение. Да, это Дольса. Что ей делать на винограднике в такую рань? Маир издали помахал своему подмастерью. Уго через силу махнул в ответ; Дольса шла в его сторону. Парень не сдвинулся с места, не убрал правую руку ото лба и смотрел на ее приближение – бездумно и молча.

А Дольса остановилась возле корзины с виноградом и погрузила руки в ягоды.

– Выбери! – неожиданно предложила она, выставив вперед два сжатых кулака.

– Оставь меня в покое! Почему ты мне ничего не сказала?

– Я тут совершенно ни при чем. Обо всем условились матушка, дядя и дедушка. Я была всего лишь маленькой девочкой.

– Но... ты выходишь замуж!

Дольса замолчала. А потом, как будто речь шла о самом важном, повторила:

– Выбери.

Уго взглянул в ее лицо: на нем сейчас не было той суровости, от которой он столько мучился.

– Ну пожалуйста, – взмолилась Дольса.

– Левая, – уступил он.

Вместо того чтобы разжать пальцы, Дольса сдавила виноградины в кулаке так, что брызнул сок. А потом поднесла ладонь ко рту Уго:

– Я хочу, чтобы ты стал первым мужчиной, который отведает сока этих ягод, раз уж ты их выбрал.

Не поворачивая головы, Уго скосил глаза в сторону давиллни. Маир, по всей вероятности, работал внутри: ему нужно было многое подготовить. И тогда юноша слизал красный сок, стекавший по пальцам Дольсы.

– А еще я хочу, чтобы ты стал первым мужчиной, который мной овладеет.

Дольса давила ему на плечи, пока Уго не уступил и не опустился на колени. Девушка опустилась рядом, задрала подол его рубахи, спустила штаны и погладила его восставший член. Уго задрожал. По телу его пробежала сладостная волна. Дольса отодвинула острые камни, легла на спину, потянула наверх свою рубашку, заголив лобок, покрытый курчавыми каштановыми волосками, и притянула Уго к себе. Девушке пришлось помочь ему рукой. Уго шумно дышал и яростно наваливался сверху. Дольса заставила себя не думать о боли внутри. «Я тебя люблю», – раз за разом повторял Уго. Дольса молчала. Боль утихла, и девушка уже сама начала двигаться в ритме лихорадочных рывков, когда Уго достиг оргазма и выплеснулся в экстазе. Дольса разом почувствовала себя и опустошенной, и наполненной им.

– Я тебя люблю, – еще раз повторил Уго, потный, пыхтящий, всем весом придавивший девушку к земле.

Дольса ничего не ответила. И тишина неожиданно напомнила любовникам, где они находятся.

– Вставай! – поторопила Дольса. – Только сперва оденься, ради всего святого! – прошипела она растерявшемуся парню.

Уго подчинился. Он выпрямился и огляделся по сторонам.

– Маира не видно, – успокоил он подругу.

Дольса тоже встала.

– Я... – залепетал Уго.

– У меня много дел, – отрезала Дольса.

8

– Есть такие фелюги, они каботажом ходят из Барселоны – в основном в Валенсию, но могут заходить и дальше.

Уго знал, о чем идет речь. Суденышки с малой осадкой, с косым парусом, как правило, двенадцативесельные, фелюги были приспособлены для мелкой торговли, а еще, хотя места на них было немного, на борт принимали и пассажиров – двух-трех, в крайнем случае могли взять и четверых.

– Твоего золотого флорина будет более чем достаточно, чтобы они взяли тебя перевезти. А оттуда до Картахены...

Уго сам пришел на королевскую верфь и попросил позвать Жоана Наварро, чтобы тот подсказал, как ему отправиться на поиски Берната. Суматоха вокруг сицилийской армады так и не утихала. А теперь Уго должен был сказать правду.

– А на двоих? – перебил он Жоана. – Золотого флорина хватит на двух пассажиров?

Наварро хитро прищурился:

– Я ее знаю?

– Нет. – Уго энергично замотал головой. – На двоих хватит?

– Надеюсь, парень, ты не замыслил никаких сумасбродств.

Сумасбродств... Точно так же высказалась и Дольса в тот день, когда Уго заговорил с ней о побеге. «Ты сошел с ума» – вот что она сказала. Однако потом сменила гнев на милость, и они занялись любовью. Да разве вся жизнь Уго не превратилась в одно большое сумасбродство? Виноград они собирали молча. Уго несколько раз пытался заговорить с Дольсой. «Молчи! Ничего мне не говори! – велела она. – И не смотри на меня!» – прикрикнула девушка, заметив взгляд парня, прикованный к ее грязному, липкому лицу, манящему мух. И Уго не смел говорить. Не смел наслаждаться созерцанием... пока не пришло время давить виноград. Саул и вся его семья праздновали сбор нового урожая и хором подбадривали Дольсу и младшего Саула, которые плясали на виноградных гроздьях, держась за свисающие с потолка веревки.

В ответ на улыбки своего жениха девушка тоже вымученно улыбалась, она изображала смех, слыша выкрики и хлопки Аструги и ликование всей семьи. Уго смотрел на эту похотливую пляску. Жених и невеста давили сок из ягод – это были его ягоды, а вино из них украсит стол на их свадьбе! А потом Уго заметил слезинку, текущую по щеке девушки. Дольса смотрела на него! Она отпустила веревку и провела ладонью по лицу. Сделала вид, что поскользнулась, и нервно хохотнула.

Они убегут. Ну конечно, они убегут. Они должны это сделать. После сбора винограда Дольса не изменила своего отношения к Уго: пылкость ее перемежалась с задумчивостью, а часто и с ледяной неприступностью. Девушка не разрешала ему даже упоминать о случившемся на дедовском винограднике, возле границы с огородом Вилаторты. Дольса проявляла такое упорство, что у Уго возникли подозрения: неужели она считает происшедшее ошибкой, случайной вспышкой, следствием... чего? Уго вопрошал себя, что могло подтолкнуть Дольсу, – почему она ему отдалась, почему дала испить сока тех ягод? «Я хочу, чтобы ты стал первым мужчиной, который мной овладеет». Влюбленный больше не преследовал девушку с прежним пылом, чтобы не беречь рану, которая в присутствии Дольсы раскрывалась сильнее.

– Ты больше меня не любишь? – неожиданно спросила Дольса, когда они случайно встретились в доме Саула.

Уго оторопел:

– Нет... Да! Я хотел сказать, что да. Конечно я тебя люблю! Но я подумал, что ты...

– Что ты подумал?

– Я...

Каждое слово давалось ему с трудом.

Дольса отвела парня в погреб и закрыла дверцу. В темноте любовники спрятались за бочками, и там Дольса его раздела. А потом разделась сама, схватила руки Уго, и направляла по изгибам своего тела, и тяжело дышала, и целовала его, и сдерживала стоны, когда пальцы Уго добирались до точки ее наслаждения. «Здесь, – выдыхала она и давала его рукам свободу. – Продолжай... Не останавливайся». Дольса кусалась и царапалась. Она достигла оргазма даже прежде, чем распростерлась на полу и забилась в конвульсиях, стараясь продлить эти мгновения. «Не торопись», – шептала она. Повитуха вспоминала советы, которыми Аструга наставляла пришедших к ней евреек – и некоторых христианок, пользовавшихся ее доверием. Слушая эти советы, Дольса и Рехина не могли удержаться от улыбочек... «Тебе тоже должно быть приятно, – убеждала Аструга. – Женское наслаждение необходимо для выработки у нее семени. Зачатие возможно только при встрече женского семени с мужским. И если мы не получаем наслаждения, то и зачатия не происходит». Именно этим сейчас и занималась Дольса: отдавалась на волю женскому наслаждению. Ее накрыла волна оргазма. А потом оргазм подкатил и к Уго, и Дольсе пришлось зажимать ему рот, чтобы стоны не разнеслись над погребом.

– Я тоже тебя люблю, – призналась Дольса ровно в тот момент, когда Уго снова пытался в нее проникнуть.

Уго застыл:

– Что ты сказала?

– Пошли отсюда быстрее, не то нас хватятся.

Уго, словно не слыша, вновь принялся ее целовать – лицо, губы, груди, снова лицо и опять...

– Хватит! – отпихнула его Дольса.

У них не оставалось иной возможности, кроме побега. Они соединялись еще несколько раз; опасность быть обнаруженными еще больше возбуждала любовников, а опасность забеременеть контролировалась самой Дольсой, хорошо разбиравшейся в женских делах.

Уго рассказал ей о Гранаде, открыл свой план. В Гранаде он станет иудеем, там нет инквизиции и никому не будет до этого дела. Дольса выслушала не перебивая, и не стала возражать,

как раньше, и не честила его наивным сумасбродом за мечты об их совместной жизни в мусульманском королевстве.

А в другой раз Уго рассказал о фелюге, которая сможет их доставить туда. «Я переговорил с капитаном, – упорно продолжил он эту тему через месяц, когда фелюга вернулась в Барселону. – Ему хватит моего золотого флорина». Время летело, и свадьба с младшим Саулом неуклонно приближалась. «Мне достоверно подтвердили, что в Гранаде живут евреи. Чтобы их отличали от мусульман, они обязаны носить желтые шапки. А христиан там нет», – пересказывал Уго. Однако наступил уже новый год, а Дольса по-прежнему хранила молчание. «В Гранаде много возделанной земли, а я разбираюсь в винограде. Маир меня всему обучил. Я найду работу, а ты... ты и сейчас уже опытная повитуха». Когда они занимались любовью, в Дольсе просыпалась лихорадочная страсть, как будто каждый раз был последним. «На лодке мы смогли бы добраться до места, которое называется Аликанте, это рядом с Королевством Мурсия. Мне говорили, что оттуда недалеко до Картахены. У меня есть хороший друг...»

Весна подходила к концу. Скоро придет лето, за ним сбор урожая... а там и дата, назначенная для свадьбы.

– Решайся, Дольса, ради всего, что тебе дорого.

– Я не знаю.

Дрожь в ее голосе поразила Уго. Теперь уже он молчал и слушал, как она плачет. Он не знал, что делать, как ее утешить. Прежде Дольса никогда при нем не плакала.

Ее мать. Ее семья. Саул. Она не могла предать их, бежав вместе с... Дольса не договорила.

– С христианином? – закончил за нее Уго.

Девушка покачала головой: дело не только в этом. Ее ведь готовили и учили, чтобы она стала врачом. Она умеет читать и писать. Знает латынь... Занимается медициной. Матушка покончит с собой. Она ведь вдова, у нее осталась только дочь! Дольса представляла себе Астругу – сбитую с толку, лепечущую, зовущую свою дочь. А дедушка, дедушка – что плохого он совершил в жизни, чтобы любимая внучка сделала его несчастным, исчезнув из его жизни под руку с христианином? На семью Саула обрушатся бесчестье, глумление и горе. А вся вина будет на ней. Дольса не была готова принять такой груз вины на всю жизнь.

– Уго, я не могу.

– Ты сказала, что любишь меня.

– В этом мое несчастье.

– Но...

Лицо девушки окаменело, как никогда раньше.

– Ты что, не понял? – выкрикнула Дольса. – Отстань! Я не могу! Не заставляй меня мечтать!

В голове Уго планы побега мешались с планами самоубийства. Дольса упорствовала в своем отказе, она кричала и даже бранилась. А Уго замыслил бросить и Маира, и проклятые виноградники, и вино, и евреев... Все было так чудесно рядом с Дольсой! Он мог бы пойти гребцом на галеру или куда угодно. Да, это означает предать матушку, но ведь и матушка предала его с тем бондарем.

Он мог бы похитить Дольсу. Эта мысль много раз вспыхивала в его голове. Похищение женщин – иногда по обоюдному согласию, иногда против воли – было делом нередким. Уго фантазировал, как это можно сделать: приблизиться, застать врасплох, увести с собой по возможности наименее насильственным образом. И все-таки даже в мечтах Уго не мог представить себе Дольсу, покорно смиряющуюся с похищением. Наверное, она бы его... убила. Уго со вздохом отказался от этой идеи. Еще он мог бы подойти к Дольсе, попросить прощения, и они продолжили бы встречаться, как раньше, – украдкой и втайне от всех... пусть даже она и будет замужем. Шел август, до свадьбы оставалось чуть больше месяца. И тогда другой муж-

чина сделает Дольсу своей. Увидев обнаженную Дольсу в объятиях другого и ужаснувшись этой картине, парень с силой стиснул рану на правой руке, которую заработал, стараясь отогнать то же самое видение: тогда Уго обрушил свой гнев на деревянный столб в давилльне. В голову ему лезли самые отчаянные замыслы – например, убить младшего Саула, но такие идеи он сразу отметал. Ему пора уже смириться с очевидностью: Дольса никогда не будет с ним. Она же сама говорила, что знает латынь. А он ничего не знает. Уго снова надавил на рану: боль отвлекала от тяжелых дум. Это была длинная, хотя и неглубокая ссадина на правой ладони. Уго сам ее обработал, вылив на ладонь немножко *aqua vitae* из пузырька. Не так было больно от ссадины, как от жжения.

Уго долго рассматривал пузырек, ему пришла в голову новая мысль. Затем юноша взболтал содержимое, посмотрел на свет, поднес склянку к губам и сделал глоток.

Уго знал, что не умрет, – ведь не погубила же *aqua vitae* Лысого Пса. Однажды, притворившись, что спрашивает из чистого любопытства, подмастерье расспросил Маира о чудесном напитке. Еврей, и сам долго раздумывавший, почему тот солдат умудрился выжить, заглотив два пузырька *aqua vitae*, ответил так:

– Уго, это была первая перегонка из вина. Я собирался приготовить на основе этой жидкости настойку или перегнать ее еще несколько раз, чтобы сэкономить время. Едешь на войну – подготовься как следует. Вот почему, как я понимаю, тот парень не умер от большой дозы. *Aqua vitae* еще не дошла до степени окончательной очистки. Ты ведь и сам, наверно, пробовал *aqua vitae* на вкус во время дистилляции – проверял капающую из змеевика жидкость, чтобы понять, закончен процесс или еще нет. Чем больше раз мы перегоняем *aqua vitae*, тем сильнее ее дух и крепче вкус, тем острее обжигает нам губы даже малая капелька и тем ярче горит язычок пламени, когда мы проверяем крепость. Отсюда вывод: после начальной перегонки, когда *aqua vitae* еще плохо горит, она не убивает человека.

Уго восстановил в памяти трудоемкий процесс изготовления *aqua vitae*. После начальной перегонки они выливали из котла половину вина, а остаток подвергали второй перегонке. На сей раз в дело шли только семь частей из десяти, а потом совершалась и третья перегонка – с пятью частями от этих семи. Как правило, операцию повторяли три раза, однако допускалось и семь, и даже десять перегонок.

– Вы уверены, что от первой перегонки не умирают? – уточнил подмастерье.

– Я уже столько выпил... И вот он я.

Уго отметил, что *aqua vitae* первой перегонки, опускаясь в желудок, обжигает как огонь. В горле першило. Уго закашлялся, в горле запершило снова. Зато уже через несколько мгновений душа его успокоилась и тяжелые думы исчезли без следа. Маир был прав: от этого не умирают. И Уго привык заливать свои долгие бессонные ночи глотками *aqua vitae*, приносившей с собой забвение.

Субботы Уго использовал для работы на винограднике Святой Марии, поскольку евреи справляли Шаббат, а Маир заявил, что, если он не работает сам, работать не должен и его подмастерье – как не работает по субботам и его служанка; к тому же – тут Маир подмигнул – ему приятно думать, что в святой день отдыхают даже лозы.

Была первая суббота месяца августа 1391 года, и Уго, безвылазно проведенный две недели в давилльне и на винограднике Саула, решил отправиться на церковный надел. Потом он намеревался сходить в город, это было недалеко. В тот день Уго работал мало. Главными собственниками земли в принципате являлись король, его вельможи и Церковь. Церковь, по закону не имевшая права торговать своим имуществом, отдавала наделы в бессрочную аренду, и земля, таким образом, уже не считалась церковной – эта скрытая перепродажа приносила Церкви немалый доход. Однако храм Святой Марии возделывал свой виноградник руками двух старых поденщиков, которых куда больше работы интересовали вино и женщины, иногда забредавшие

в эти места. Уго решил, что раз поденщикам нет никакого дела до виноградника, то ему – и подавно.

– Я уйду, – объявил парень еще прежде, чем солнце достигло зенита и летний зной сделался невыносимым.

Уго решил выйти к морю, вдохнуть его ветер, окинуть взглядом горизонт. Да, созерцание этой далекой линии окрыляло его надеждой, ему хотелось оказаться на одном из кораблей, которые входят в Барселону или отправляются в плавание. Вот его судьба. Подальше отсюда, чтобы Дольса с ее мужем остались позади.

– Вот, отнеси это святым отцам. – Поденщик указал на корзину с персиками.

Уго подавил искушение обругать этого лоботряса. Он не хотел ничего никому относить; церковники нагло пользовались его трудом. И все-таки Уго взвалил корзину на плечо: спорить со старым лентяем ему тоже не хотелось. Правда, парень заранее знал, что теперь ему придется – как бывало почти всегда – выслушивать бесконечные пререкания священников из Святой Марии.

Шесть лет тому назад архидиаконом храма был назначен несовершеннолетний Беренгер де Барутель, и в отсутствие твердой руки весь церковный причт и почти семьдесят бенефициариев начали грызнуть за почести, а также имущество и доходы этого богатого храма. Уго никак не мог запомнить, какой пост занимает выскочивший навстречу корзине с персиками мужчина – то ли второй, то ли третий бенефициат часовни Святого Фомы. Был День святого Доминика, и в эти субботние часы служилась только одна малая месса в боковой часовне, поэтому суета этого бенефициата, а потом и другого, прибежавшего следом, сразу привлекла внимание других бездельников, болтавшихся в церкви.

Уго поставил корзину на пол и отошел в тот самый момент, когда двое бенефициатов принялись делить подношение, стараясь успеть до появления остальных. «Все равно они не успеют», – мстительно подумал юноша, покидая церковь с двумя персиками в руке. За спиной у него уже кипела перебранка – они порой заканчивались и потасовками, потому что взаимная ревность и зависть хапуг распространялись даже на такой маловажный предмет, как корзина с фруктами.

Дорога на Регомир, к верфям, выдалась непростая. Совсем недавно пришла галера из Александрии. Привезенные товары начали продавать прямо на берегу, быстро сбежалась толпа. Уго не хотел здесь задерживаться: ему не было дела до радости удачливых торговцев, да и восхищаться ими самими, гордо выставяющими привезенные богатства, юноше тоже не хотелось. Уго обогнул толпу, направился прямо к полоске берега, сел на песок и полакомился персиками. Море спокойно поблескивало под августовским солнцем.

Недавно пришедшая галера и еще два кастильских корабля из валенсийского порта Грау стояли на якоре, пользуясь спокойствием на море. Если разыграется буря, то, ввиду незащищенности барселонских берегов, им придется уходить в надежный порт, которым обычно служил городок Салоу. Генуэзец частенько высказывался по этому поводу: «Забавно, что второй по важности среди городов Средиземноморья, ведущий торговлю со всем белым светом и обладающий такими замечательными верфями, не имеет достойного порта».

«Второй по важности». Уго улыбнулся, вспомнив пленного *mestre d'aixa*. Если бы мальчик тогда остался при Доменико Блазио, сейчас дела его обстояли бы куда лучше. Но ведь Уго все еще может отправиться в Геную. Юноша снова улыбнулся, внимательнее приглядываясь к кастильским судам. Только теперь он понял, чем примечательны многие из тех, кто гуляет по городу и побережью, – это же кастильские моряки. Они говорят на другом языке, необычно выглядят и ведут себя по-особенному.

Уго отбросил все мысли и попробовал найти утешение у моря. Он отдался мягкому шелесту волн, но вскоре издалека послышались крики. Уго со вздохом повернул голову. Среди лодок на верфи Регомир он разглядел кастильских моряков – те орали и размахивали руками.

Слова их оставались непонятными, и Уго снова попытался сосредоточиться на море и песке. Но покоя больше не было. Уго поднялся. Он увидел, что моряков становится все больше – уже набралось человек сорок или пятьдесят. Может быть, это драка? Нет, не похоже. Горожане тоже выбегали на берег, но в драку не лезли. Барселонцы присоединялись к общей группе и тоже начинали вопить. Собралась целая толпа. Пока Уго подходил ближе, крики слились в хор:

– Еретики!

Уго задрожал. Это может быть только...

– В еврейский квартал!

Он закрыл глаза. А потом побежал.

– Кончай их всех!

Дольса! Вскоре парень оказался зажатым в толпе, вооружившейся палками, ножами, а кое-где и мечами; оружие колыхалось над идущими, воздетые к небу руки требовали крови. Плотная свирепая толпа двигалась по улице Сьютат. Угрозы, брань и проклятья гудели между каменными стенами, а ремесленники и торговцы спешили утащить с дороги свое добро. Это удалось не всем, идущие опрокидывали прилавки и топтали товары.

Воспламененная толпа выплеснулась на маленькую площадь Сант-Жауме, там становилось все теснее. «Что такое?», «Дальше-то что?», «Почему мы остановились?». Вопросы обращали друг к другу люди, не имеющие возможности взглянуть вперед, но даже в такой скученности не смолкали призывы разделаться с евреями. Уго, зажатый со всех сторон, с облегчением вздохнул, когда услышал, что ворота еврейского квартала остаются закрытыми.

– На площади стоят солдаты викария, они защищают евреев, – сообщил чей-то голос.

– Это значит, они уже успели проведать о недавнем погроме в Валенсии, – отозвался другой. – Говорят, там они погибали сотнями.

Людская масса напирала и бурлила, как закипающая жидкость.

Уго пожалел, что провел столько времени на виноградниках. Знай он заранее – успел бы предупредить своих друзей.

– А еще сотни валенсийских евреев обратились в истинную веру, – послышалось с другой стороны.

Однако семья Саула уж точно не могла о таком не узнать. Может быть, они бежали, уговаривал себя Уго; но ведь он видел Маира только вчера...

– А еще говорят, на Мальорке тоже разгромили еврейский квартал.

– Барселона ответит не хуже!

Этот оголтелый выкрик матроса, которого Уго знал еще по верфи Регомир и считал человеком добрым, совпал с началом штурма. Стоящие на площади будки писцов разом запылали – ярко и шумно. Загорелись и ворота еврейского квартала. Улицы, выходявшие на площадь Сант-Жауме, уже были запружены и не могли вместить тех, кто стремился убежать с горячей площади. Началась паника. Викарий с отрядом солдат и городские советники, пришедшие, чтобы вести переговоры с бунтовщиками, испугались за свою жизнь и оставили еврейский квартал без защиты.

На площади Сант-Жауме больше не было солдат. Толпа загудела еще яростнее, когда ворота поддались огню и ударам прижатых к ним людей. Уго был втиснут внутрь еврейского квартала вопящей массой, которая воспламенялась все больше, проникая сквозь ворота и расползаясь по узким улочкам: Каль, Фонт, Волта-де-Каль, улица Большой синагоги, улица Женской синагоги, улица Французской синагоги. Уго не мог двигаться в сторону Каль – его тащили по улице Фонт, начинавшейся прямо от ворот.

– Куда ты собрался? – крикнул сосед справа, когда Уго сделал попытку повернуть.

Мужчина пихнул Уго вперед. Юноша закачался и чуть не упал. Он понял, что его могут затоптать без всякой жалости, и повлекся туда, куда шли все.

Грабители выламывали двери и врвались в дома. И очень скоро вопли напуганных евреев заглушили гвалт погромщиков, рыскавших по кварталу в поисках поживы. А евреи теперь высыпали на улицы: мужчины и женщины, старики и дети спасались бегством из своих домов. «Как же могли они сидеть там, внутри, и дожидаться...» – недоумевал Уго. «Дождаться, пока викарий и его солдаты не бросят их на произвол судьбы», – додумал он до конца. Уго с ужасом наблюдал за движением ножа, вспарывающего живот бегущему без оглядки еврею. Молодая женщина с двумя детьми упала на колени рядом с тем, кто приходился ей мужем или, быть может, отцом. Женщина пыталась остановить кровотечение, но кровь, ручьями хлеставшая из раны, пробивалась и сквозь ее ладони. «Беги!» – хотел крикнуть Уго. Кто-то со всей силы пнул женщину ногой в живот. Уго, свидетеля этой сцены, затошнило. И вырвало в тот момент, когда женщина немислимым, нечеловеческим движением вывернула голову, – ее ударили тяжелой доской. Грабители перебежали из дома в дом, груженные самой разнообразной утварью и одеждой, что позволяло Уго свободней передвигаться по улице, где теперь было не так тесно. Некоторые уже покидали квартал, унося добычу. Юноша локтями прокладывал себе дорогу к дому Саула. Ему приходилось огибать лежащих на улицах евреев – одни были мертвы, другие в агонии.

Дом у Саула был богатый. Его до сих пор продолжали опустошать. Уго вошел. Увидел этих людей и ничего им не сделал. Воры даже ломали стены в поисках тайников с деньгами и драгоценностями. До Уго никому не было дела. В кабинете с тысячью запахов теперь царило невыносимое зловоние, разбитые пузырьки валялись на полу, ароматы смешивались. Саула здесь не было. Уго бросился в погреб, потом на кухню, в сад, в спальню... Он не обнаружил никого из своих друзей. Какая-то женщина волокла наружу ворох одежды. Уго узнал вещи Дольсы и плюнул воровке в спину.

– А где евреи из этого дома? – спросил он у мужчины, сгребавшего посуду.

– Здесь никого не было. Наверняка сбежали, как крысы.

Когда Уго понял, что Дольса вне опасности, на него накатила такая слабость, что пришлось сесть на стул. И тут же вскочить. Он не хотел, чтобы его увидели сидящим. Уго вернулся на улицу. Он должен выбраться из этого ада. Вспомнив о Маире, Уго решил убедиться, что виноградарь тоже бежал: семья Саула всегда действовала заодно.

Теперь юноша шел к воротам по улице Каль. Повсюду лежали трупы. Вот он поравнялся с домом, где жила Рехина. Увидел сорванные с петель двери и услышал крики внутри дома. Не размышляя, Уго шагнул за порог. Он увидел зарезанного отца Рехины: старика посадили на стул, грудь придавили двумя досками в форме креста. Крики привели Уго к спальням. В одной из них он увидел на постели голую Рехину. Одежда ее валялась на полу, девушку грубо насиловал какой-то здоровяк. А еще двое, со спущенными штанами и возбужденными членами, похотливо взирали на эту сцену и тяжело пыхтели, дожидаясь своей очереди. Насильники не успели заметить вошедшего, не заметили, как Уго схватил прислоненный к стене окровавленный меч. Его увидели, только когда меч обрушился на загривок подонка, терзавшего Рехину. Сначала хруст позвоночника, потом изумленная тишина.

– Что?

– Почему?

Мужчины нелепо бормотали, не зная, что предпринять. Уго видел, что оба негодяя сильнее его, и, когда тот, что первым пришел в себя, натянул штаны, пряча мгновенно увядший член, юноша понял, что действовать нужно ему.

– Я ему говорил! – закричал Уго. Он снова замахнулся мечом, теперь в направлении двух оставшихся. – Я предупреждал! – Юноша завизжал от ярости. – Она моя! – Уго плюнул на труп. – Я его предупреждал! – Он потряс мечом, готовый атаковать несогласных. – Вы что, собирались забрать ее у меня? Там, снаружи, вас ждут еще тысячи таких же еретичек.

Этот последний довод и угрожающе подрагивающее острие меча убедили обоих. Как только они выскочили за порог, Уго закрыл дверь и прижался к ней спиной. Меч выпал из руки с пронзительным лязгом. Юноша закрыл глаза. Под ноги ему натекло столько крови, что подошвы начали скользить. Через несколько мгновений он очнулся, услышав плач Рехины. Девушка ничего не сделала, чтобы избавиться от груза придавившего ее мертвого тела. Она только подвывала, раскинув руки как можно шире, чтобы не касаться насильника. Уго видел ужас в ее глазах. Ужас и слезы. Уго подошел. Перевернул труп, свалил его с кровати, а Рехину укрыл простыней, стараясь не обращать внимания на множество ушибов, царапин и укусов на юном теле.

Уго поднял девушку с кровати, помог ей идти, а потом, после душераздирающих воплей у тела мертвого отца, заставил как можно скорее выбраться из дому. Они шли по улице Каль в гуще людей, больше озабоченных тем, как бы выскользнуть с добычей из ворот, чем поведением этой странной пары: молодого человека с мечом, ведущего за руку девушку в простыне. И вот они вышли на площадь Сант-Жауме, куда уже вернулись солдаты под командой викария. Погромщики убежали, растворяясь среди барселонских улиц. Никто их не преследовал: власти не желали возобновления беспорядков. Один из солдат подошел к Уго.

– Куда я могу ее отвести? – спросил паренек. – Где о ней позаботятся? – Увидев растерянность на лице солдата, Уго добавил: – Ты думаешь, я пошел бы с ней, если бы она была замешана в чем-то плохом?

К ним подоспел низкорослый худой мужчина, который до появления странной пары занимался ранеными на площади:

– Рехина?..

Уго кивнул.

– Рехина?.. – переспросил он.

– Да, это Рехина, – ответил Уго.

Мужчина, не обращая на него никакого внимания, притянул девушку к себе.

– Я врач и друг ее семьи, – пояснил он в ответ на сопротивление юноши.

– Отведите ее в Городской Дом, – вмешался солдат и указал на большой дом поблизости. – Новый замок переполнен беженцами, к тому же эта девушка...

– Займитесь остальными, – перебил врач и посмотрел на раненых, лежавших под охраной солдат. – Отнесите их в Новый замок. Там есть еще врачи.

«Еще врачи!»

– А вы не знаете, Саул, его дочь Аструга и Дольса – они в Новом замке?

– Да, – коротко бросил врач. – Они там, принимают раненых.

Уго смотрел, как мужчина под руку с Рехиной переходит через площадь. Из-под простыни выглядывали босые девичьи ноги.

После грабежа и погрома в еврейском квартале в ту скорбную субботу, 5 августа 1391 года, власти организовали вооруженные отряды из десяти или пятидесяти человек, охранявшие ворота в течение воскресенья. Субботний день оставил за собой больше двухсот пятидесяти убитых евреев. Сотни нашли пристанище в Новом замке – укреплении на западной стороне римской стены, примыкавшей к еврейскому кварталу. Многих приютили в своих домах христиане, кто-то укрылся даже за стенами монастырей; некоторым посчастливилось бежать из города.

Когда утихли события кровавой субботней бойни, когда грабители разбежались по домам и алчно пересчитывали добытые деньги, викарий начал поиски кастильцев, зачинщиков погрома. Стало известно, что большинство из них участвовали также и в разграблении еврейского квартала в Валенсии и даже в Севилье – этот город пострадал первым, в июне, что явилось следствием проповедей Феррана Мартинеса, архидиакона города Эсиха, который

разжигал ненависть к евреям. Из Севильи поветрие перекинулось на все королевство, потом в Кастилию, в Валенсию, Арагон, Каталонию и Наварру. Дюжины общин подверглись разорению, а их члены были убиты или насильно обращены в христианство.

Отыскать кастильцев оказалось для викария делом несложным. Моряков с двух валенсийских судов, не имеющих постоянного жилья в Барселоне, задерживали на берегу, в тавернах, на постоянных дворах и прямо на кораблях. На следующий день, седьмого августа, Совет Ста вынес свой приговор: пятьдесят кастильских моряков должны быть повешены.

Уго наблюдал, как десятки и полусотни вооруженных барселонцев занимают позиции на пространстве от площади Блат до Сант-Жауме и Нового замка. Стражники выстроились перед церквями Святого Михаила и Святых мучеников Жуста и Пастора. На этих площадях будут вешать кастильцев. Совет Ста в понедельник собрался почти в полном составе (знать, именитые горожане, купцы, ремесленники) и проявил свою беспощадность, незамедлительно вынеся всем смертный приговор. «Они это заслужили», – соглашался Уго, живо памятуя о субботних зверствах. Парень ничего не знал о судьбе Рехины, но надеялся, что тот врач с площади Сант-Жауме ее не бросил. Он слышал, что виднейшие еврейские семейства – члены совета общины, богачи, ученые и королевские чиновники – заранее укрылись в домах у христиан. И все-таки Саул, член совета общины, вместе со всей семьей оказался в Новом замке и заболел о пострадавших. Уго ничуть не удивился, что Саул, Аструга и Дольса находятся именно там – помогают, лечат и спасают. Теперь, когда кастильцы, зачинщики беспорядков, арестованы, стража заступила в караул, а главное, еврейский квартал полностью обчищен и больше не представляет интереса для разбойников, Дольса находится в безопасности, хотя евреи и не могут вернуться в свои разрушенные или сожженные дома и прячутся, дожидаясь, пока не утихнут страсти и король, до сих пор пребывающий в Сарагосе, не примет какие-то меры.

Уго провел две последние ночи в Барселоне, на берегу, под покрывалом из звезд, благо летом на Средиземном море всегда тепло. Юноша попробовал проникнуть в Новый замок, но солдаты его не пропустили, потому что он не еврей. Уго воспользовался неожиданным досугом и навестил Арсенду; его поразила ненависть к евреям, пылавшая в речах, которые сестра шептала сквозь решетку: «Еретики! Злодеи! Убийцы!» Эти обвинения полночи не давали ему покоя. Но чего старший брат точно не собирался делать, так это ругаться с сестренкой: без нее жизнь его была бы неполной.

С наступлением дня Уго, как и многие его земляки, дождался казни кастильцев. Священники уже собирались в замке викария, чтобы исповедовать приговоренных. Толпа на площади Блат, одном из жизненных центров Барселоны, становилась все гуще. Рядом с тюрьмой викария размещалась и главная городская бойня. Камень по центру площади обозначал границу четырех районов города; по бокам стояли длинные скамьи, за ними шла торговля зерном: с одной стороны помещались городские перекупщики, с другой – крестьяне, пришедшие в город, чтобы продать свой урожай. На краю площади, возле фонтана и в ограждении из столбов, была зона, где дозволялось торговать овощами. Перед древними городскими воротами возвышались виселицы.

«А ведь наверняка, – раздумывал Уго, – среди вот этих миролюбивых людей, образцовых граждан, есть и те, кто принимал участие в набеге на еврейский квартал и прячет у себя дома драгоценности, серебряные чаши, шелка или дорогую мебель». Юноша разглядывал собравшихся так пристально, что один из зевак уже начал хмуриться. «Чего уставился? Чего тебе надо?» Уго поспешил извиниться. Да, этот мог быть в числе погромщиков, возможно даже, он убил еврея или изнасиловал женщину. Однако Совет Ста, по всей видимости, решил удовлетвориться повешением кастильцев. «Их казнь положит конец беспорядкам», – шушукались между собой барселонцы. Уго придерживался того же мнения, потому что невозможно было казнить всех, кто принимал участие в резне, – это ведь половина Барселоны.

Перед замком викария снова стало оживленно: прибывали городские советники. Люди теснились к старым воротам, поближе к виселицам. Торговцы пшеницей собирали товар. Все пришло в движение в этот ясный августовский день, и тогда со знаменитой своими ювелирными лавками улицы Мар, ведущей к площади Блат от Святой Марии, послышался раскати-стый гул. Мало кто обратил на него внимание: люди глядели на ворота замка, лишь некоторые оборачивались в ту сторону, откуда доносился гул, который все нарастал и приближался, пока наконец не перерос в топот и ор. Уго все это уже пережил в прошедшую субботу. На площадь Блат вывалила толпа, вооруженная арбалетами, дубинами, ножами и мечами, а теперь еще и под боевыми знаменами.

– Да здравствует король и народ! – выкрикивал стройный хор.

Бунтовщики остановились перед городскими советниками, вышедшими из замка для переговоров. В знатных горожан полетели арбалетные стрелы. Одному советнику стрела пронзила грудь, он погиб. Толпа смела солдат викария и тех стражников, что пришли на подмогу. Не встречая сопротивления, мятежники ворвались в замок и выпустили на свободу всех узников – не только кастильских моряков.

Уго видел, как с виду миролюбивые горожане – вроде того, что недавно возмущался его пристальным взглядом, – переходят на сторону бунтовщиков. Большая часть двинулась к Новому замку, где укрывались евреи. Некоторые бросились в церкви, чтобы колокольным звоном призвать к бунту крестьян из соседних поселков. Кто-то уже открывал городские ворота, впуская в Барселону крестьянское ополчение; девизом служил выкрик: «Большие разорили маленьких!»

Крестьяне легко понимали смысл этого девиза. Дурные обычаи наделяли феодалов огромной властью над сервами-землепашцами¹³: право переспать с крестьянской невестой в первую ночь, право унижать и наказывать вассалов, право требовать особых услуг, всяческие несправедливые поборы – все это в последнее время только глубже укоренилось. Черная чума 1348 года и трагическая убыль населения привели к запустению на полях. Единственный метод, к которому прибегали феодалы, включая и Церковь, чтобы ограничить подвижность тех, кто работал на их землях, – это все более жестокое закабаление сервов.

Итак, крестьянам был вполне внятн смысл девиза; то же касалось и простых горожан: уже давно многие владетельные барселонцы перестали вкладывать средства в торговлю, заинтересовавшись землями и привилегиями, тем самым стремясь превратиться в городских патрициев, наделенных теми же правами, которыми обладала королевская знать. И если все городские сословия (купцы, мастеровые, ремесленники) процветали, когда патриции и богатые граждане заботились о благе города и направляли деньги в коммерцию, то теперь многие оказались на пороге бедности, поскольку их правители переключились на вложения, не несущие выгоды другим сословиям.

– Да здравствует король и народ!

– Большие разорили маленьких!

Два этих лозунга, разносившиеся по всей Барселоне, превратились в боевые кличи бедняков, искавших утешения в насилии.

И первое, что сделали крестьяне, войдя в город и сгруппировавшись на площади Сант-Жауме, – это приступом взяли городской совет и сожгли все записи, все свидетельства о собственности на землю, подпадавшую под юрисдикцию Барселоны: от Монтгата до Кастиельдефельса, от моря до Вальвидреры и Молинс-де-Рей.

Следующие дни Уго провел в беготне по городу. Новый замок стоял на улице Каль, и она была слишком тесной для штурмующих. С другой стороны, за старыми Западными воротами,

---

¹³ *Серв* – важный термин для правильного понимания этой истории. Серв – не раб и не крепостной; это зависимый крестьянин с ограничением личных и гражданских прав, но без прикрепления к земле.

там, где церковь Святой Марии у Сосны, замок защищала римская стена. Уго метался туда-сюда, смешавшись с толпой, которая безостановочно забрасывала замок камнями. Люди взбирались на крыши соседних домов и стреляли по крепости из арбалетов.

После нескольких рейдов парень пришел к заключению, что взять замок будет очень трудно: викарий успел укрепиться внутри, воспользовавшись временем, ушедшим на сбор ополчения и созыв крестьян. И теперь намеревался отсиживаться за стенами, пока не вмешается король.

Вот как понимал дело Уго. Так же понимали дело и мятежники, и власть имущие. Если в субботу, 5 августа, кастильцы натравили горожан на евреев, теперь многие начинали опасаться, что, если взять замок не получится, городская беднота и крестьяне обратят свой гнев на христиан, на тех, кто управляет Барселоной, на их семьи и имущество. И действительно, уже были попытки штурмовать дома богачей.

Вот почему, после долгого дня и долгой ночи, в течение которых осаждающим так и не удалось добиться успеха, во вторник, 8 августа 1391 года, викарий Барселоны, представитель короля Хуана Первого, поступил так же, как поступил и в день погрома: оставил евреев без защиты, отдал в руки бунтовщиков – и те не замедлили на них наброситься. Толкаясь локтями, Уго сумел пробиться к замку в первых рядах. Если Дольса и вправду здесь... Он не хотел думать. Не мог думать. Уго дрожал и потел. Он врзал кулаком – с непривычной силой и злостью – по лицу какому-то крепышу, не желавшему его пропускать. Кровавая струя, хлынувшая из носа, заставила других проникнуться к яростному пареньку уважением, его больше не удерживали. Вооруженные люди рыскали по комнатам. Уго пытался понять, где же в этом замке евреи.

Всех заставил замолчать требовательный окрик. «Тихо!» – послышалось во второй раз. Люди остановились, теперь многие призывали к тишине. «Еретики!» – донеслось из большого замкового зала. Кто там кричит? Уго попытался заглянуть вперед. «Слуги Иеговы! – гремело в зале. – Отрекайтесь от своей проклятой веры – и избежите наказания. Христос в бесконечной своей милости сжалится над вами, вашими женами и вашими детьми. Если откажетесь – умрете прямо здесь».

Большой крест из собора спешно доставили на площадь Сант-Жауме: там разместились священники, нотариусы и писцы – на случай, если евреи пожелают обратиться в христианскую веру. Здесь они будут крещены и записаны под новыми именами: Хуан, Рамон, Педро...

В зал по одному входили евреи. Их было больше тысячи, и каждый останавливался перед главарями мятежников. Звучал короткий вопрос: «Обращение или смерть?» – «Обращение». Многие предпочли отречься от своей веры. Таких направляли на площадь Сант-Жауме.

Уго сумел протиснуться к центру зала (туда, где задавали вопрос), когда в замке стало меньше народу: мятежники один за другим покидали зал, сопровождая тех, кто изъявил готовность отречься. Находились и такие, кто ничего не отвечал – верные своей религии, стойкие в ее защите. «Болван!» – крикнул первому отказнику христианин и тотчас же одним взмахом ножа перерезал ему горло – как и было обещано.

Трупов становилось все больше. Кто-то предложил их вынести. «Нет, пусть видят!» – выкрикнул один из главарей. И Уго видел. Юношу обволакивал запах крови и экскрементов тех, кто решил умереть: их слабые, дряблые тела не могли соответствовать суровому решению. Уго не удивился и тогда, когда увидел, что роль палача с большим ножом в руке принял на себя Лысый Пес. Он резал евреев так же, как резал скотину на бойне. Вонь, крики, плач мужчин и женщин, улыбки на лицах убийц... Уго распрямылся и глубоко вздохнул, бросая вызов страху. «Обращение». «Обращение». «Обращение». Спустя недолгое время всем стало ясно, что женщины чаще упорствуют, молчат... или говорят громче обычного, вознося молитвы своему Богу. Матери и дочери, старухи и девушки обрекали себя на смерть.

Уго заметил ее в длинной очереди, которая тянулась от дальней двери. Дольса тоже узнала его в толпе. «Она что, мне улыбается?» – изумился Уго. Как будто услышав немой вопрос, Дольса улыбнулась еще радостнее. Девушка двигалась вперед уверенно, следом за ней шли ее мать и ее дед. Да, евреи упрямо отстаивали свои верования, стойко встречали смерть – так, по рассказам священников, вели себя мученики христианской Церкви, – но никто из них не улыбался. Уго не понимал значения этой улыбки. Семья шаг за шагом приближалась к месту, где нужно было сделать выбор. Идущая позади Аструга положила руки на плечи дочери. Дольса погладила ее ладонь, но взгляд ее был прикован к любимому лицу.

Уго хотел побежать, выскочить из зала, но остался стоять как вкопанный перед своей возлюбленной, и ни единый мускул не подчинился ему в ту минуту.

– Обращение или смерть? – спросили девушку.

«Обращение, обращение», – беззвучно молил Уго.

Дольса предусмотрительно отвернулась в сторону, чтобы не выдать парня своим взглядом. Они теперь стояли близко, почти на расстоянии вытянутой руки.

– Нет, – ответила Дольса.

Аструга чуть заметно вздрогнула. Она нашла в толпе Уго. Потом закрыла глаза, кивнула, как будто получила ответ, и поцеловала дочь в затылок.

– Нет? Что ты хочешь сказать?

– Я была счастлива, – сказала Дольса.

– Ты отрекаешься?

– Нет.

Уго все понял: она умирает из-за него. Она освобождается. Освобождается от своей роковой любви. «Мое несчастье» – вот как Дольса ее называла. Она не может умереть. Не должна умереть! У них впереди еще столько жизни!.. Уго расталкивал стоящих перед ним. И он бы закричал, но голоса двух женщин раздались раньше.

– Нет, – повторила Дольса, теперь обращаясь прямо к Уго.

– Не трогайте мою дочь! – выкрикнула Аструга и бросилась на мятежников.

Хитрость Аструги на мгновение отвлекла Уго. Толпа подалась назад, а вместе со всеми и он. Уго занес кулак в тот самый момент, когда Лысый Пес с нажимом полоснул по шее Дольсы. Вопль застыл в горле Уго, парень потерял сознание и рухнул навзничь через несколько мгновений после того, как опустилось на пол окровавленное тело мертвой Дольсы.

9

– Живей!

Двое рабов быстрее зашагали в сторону хутора. Уго шел в том же усталом ритме; тяжелая корзина с овощами опасно покачивалась. Ромеу, управляющий имением, хотел было подойти и расшевелить парня, но раздумал, пожал плечами и зашагал рядом с рабами, тоже несущими корзины. Уго и сам доберется, печальный и медлительный, как всегда.

Ромеу встретил этого паренька потерянно бредущим по виноградникам в день, когда произошел шторм Нового замка, больше месяца назад. Ромеу начал задавать вопросы, но бедняга отвечал бессвязным бормотанием. Управляющий и раньше знал и высоко ценил этого парня: иногда нанимал его для работы на своих участках. Уго слыл полезным и серьезным работником, и эта репутация была прочна. В ту ночь Ромеу сжалился над несчастным и забрал с собой; оставлять его на винограднике еврея было опасно, ночью здесь могло произойти что угодно, к тому же, как только парень избавится от своего странного опьянения, он сам решит, что будет делать дальше.

Однако опьянение не проходило долго. В течение нескольких дней Уго молчал, забившись в угол и глядя в никуда. Ромеу пытался его покормить – безуспешно. Управляющий велел рабыням на хуторе смачивать несчастному губы и следить, чтобы он не умер от недостатка воды, а еще спустя какое-то время уже был готов отвести парня обратно на виноградник Саула и бросить там на произвол судьбы.

– Я не желаю постоянно занимать рабынь заботами об этом мальчишке, – ответил он на просьбы жены, у которой Уго вызывал больше сочувствия. – Что скажет мисер Рокафорт, если о таком узнает?

– Ты обязательно что-нибудь придумаешь, – заверила жена. Ее не страшило появление хозяина, богатого купца, торговавшего всем на свете: от специй до рабов (девушки, которые заботились об Уго, были русские). – К тому же у этих девочек, пока их не продадут, никакой другой работы и нету.

Ромеу все-таки зашел на виноградник Саула. Там все было разорено – пощадили только давальню, хотя она и принадлежала еврею. Управляющий не знал, попал ли Маир в число тех пятисот убитых иудеев, которые заплатились жизнью во время штурма Нового замка. Да, вот как об этом рассказывали: более пятисот погибли, сотни были принуждены отречься от своей веры и принять крещение, а еще многие до сих пор скрываются в домах у христиан. Еврейский квартал разгромлен, и теперь никто – обращенные или нет – не может вернуться к себе домой. Некоторые, нашедшие прибежище в монастырях и принявшие христианство, получили небольшие суммы, чтобы начать новую жизнь, но подавляющее большинство оказались на грани нищеты.

Ромеу взвесил возможность наведаться в город, разузнать о Маире и рассказать еврею про его работника, однако потом отказался от этой идеи – по крайней мере, на первое время.

– Если хочешь остаться здесь, ты должен работать, – объявил он Уго, когда раздумал искать Маира.

Уго все понял правильно. Подходила пора сбора урожая, и его помощь, пускай даже он работал медленно и в тоске, очень пригодилась Ромеу. Ни один раб не относился к труду на земле так старательно. К тому же они вообще не обговаривали условия оплаты: все, что получил Уго, – это вино и пищу, сандалии на пеньковой подошве, старый суконный плащ для защиты от холода, а еще место для сна в пристройке для рабов; никогда заранее не было известно, сколько человек придет туда ночевать: помимо постоянных работников, Рокафорт нанимал еще и поденщиков.

– Ты даже не собираешься ему платить? – ворчала жена Ромеу.

– Конечно, я расплачусь. Как только он спросит о деньгах. Таких работников, как этот паренек, еще поискать.

И женщина с ним соглашалась. Она знала, как трудно найти поденщиков для возделывания полей. После черной чумы 1348 года рабочих рук не хватало, а те, кто мог бы трудиться в поле, по молодости лет предпочитали вербоваться в армию или отправляться на поиски приключений вместо того, чтобы изо дня в день гнуть спину на грядках или на винограднике. Рабы постепенно заменяли каталонцев на многих работах – среди прочего и в возделывании земель, принадлежащих богатым горожанам. Рабы в основном поступали с Востока: русские, болгары, албанцы, турки, греки, татары, – их покупали на далматинском побережье или в Генуе и Венеции, где располагались главные рынки восточных рабов. Арабов становилось все меньше, по мере того как Каталония сокращала свое участие в африканских войнах. Женщины были родом из тех же мест, их ценили за прилежность в работах по дому; у некоторых были светлые волосы, голубые глаза и перламутровая кожа – такие сводили мужчин с ума. Мария, жена Ромеу, покосилась в сторону двух молоденьких русских рабынь. А потом подвергла осмотру собственное тело: охлопала бедра и ягодицы, взвесила на ладонях груди. Они до сих пор оставались крепкими, хотя Мария и располнела: на хуторе Рокафорта ели вдосталь.

И множество глаз до сих пор следило за ее движениями. Мария об этом знала и получала удовольствие от мужских взглядов, и все же... Она еще раз покосилась на русских рабынь и позаиводовала этим девушкам. Ну как мужчинам не вожаделеть таких красавиц?

Мисер Рокафорт вел торговлю рабами и следил за делами на рынке, где требовались рабочие руки. Богатые дома кичились своей домашней прислужгой, скромные стремились им подражать. Судовладельцы нуждались в гребцах для своих кораблей; землевладельцы – в работниках для своих полей и виноградников; рабов покупали плотники, канатчики и врачи, а также монахи, священники и даже епископы... Все нуждались в рабах. Четыре девушки, жившие на хуторе, были выбраны Рокафортом для продажи самым лучшим клиентам за цену, которая превышала рыночную. Остальных рабов ожидала публичная распродажа на площади Сант-Жауме или на Пла-де-Палау, там, где казнили Арнау Эстаньола, куда выносили столы для вербовки в армаду, но в первую очередь – на Новой площади, перед епископским дворцом. А моряки и судовладельцы, частенько покупавшие рабов в далеких экзотических портах, волочили свою добычу по улицам Барселоны и громогласно нахваливали – до тех пор, пока кто-нибудь не покупал их товар.

Урожай уже был собран, а русские девушки все так же продолжали бегать за Уго, как будто и сейчас нужно было его поить. Улыбнувшись, парень отказался от помощи. Им ведь всего-то лет по пятнадцать, думал он. Обе стройные, обе красавицы. Уго вспомнил, что русские часто плакали, когда стояли перед ним в углу на корточках и смачивали ему губы. Тогда юноше нечем было утешить их, его тело все еще тряслось в ритме, заданном ножом Лысого Пса, и струя крови, брызнувшая из горла Дольсы, до сих пор окрашивала все его мысли.

Однажды Уго заразился тоской одной из русских девушек и тоже заплакал – впервые, словно просыпаясь после кошмара. Разделенная боль особой ниточкой связала Уго с этими пленницами, похищенными из семей и предназначенными для продажи барселонским патрициям.

Работа на земле пошла юноше на пользу. Ни Уго, ни другие рабы и поденщики не умели объясняться с русскими невольницами, но виделись они часто, поскольку Мария взяла привычку приглашать Уго на кухню, там заставляла его поесть и расспрашивала о постигшем его несчастье, из-за которого он бродил по виноградникам и так сильно горевал.

– Моя матушка... умерла, – вот что ответил Уго, скрывая боль потери после гибели еврейской девушки.

– Какое горе, – вздохнула женщина и решила утешить молодца прямо сейчас, не отходя от стола.

Мария встала у юноши за спиной, наклонилась над ним и осыпала поцелуями – сначала в щеки, потом в шею, руки ее спускались от плеч к груди Уго, напрягшегося и одеревеневшего. Женщина заметила, что с ним происходит, отстранилась, привела в порядок растрепавшиеся волосы и разгладила передник.

– Нет несчастья страшнее, чем лишиться матери, – снова вздохнула она. – Ешь, Уго, ешь. А вы что тут делаете? – встрепенулась хозяйка, заметив на кухне русских рабынь, и тут же выкрикнула несколько слов на их языке – девушки перепугались и убежали.

Осенью одну из девушек забрали. Уго услышал о приезде покупателей в общей пристройке для рабов, когда вернулся с виноградника. Сначала Уго встревожился и испугался за судьбу русской. Но потом бросился на тюфяк и прикрыл глаза, вновь отдавшись пытке, которую нес с собой образ Дольсы.

Появление гостей всех застало врасплох. Однажды утром в начале декабря на хутор неожиданно нагрянул сам мисер Рокафорт. Купец приехал верхом на муле, в сопровождении одного пешего и одного всадника.

– Вон, вон, вон отсюда! – заторопилась Мария, чуть не силком вытаскивая Уго из-за стола на кухню. – Хозяин приехал. Он не должен увидеть тебя внутри дома... Вместе с девочками. Он про тебя вообще не знает. – Женщина вытолкала парня за дверь, ведущую в первый большой двор. – Вот дьявол! – Мария поняла, что и здесь его тоже заметят. – Ступай за мной! – велела она и потащила парня за руку.

Оживленный разговор хозяина и гостя слышался уже совсем рядом. Они спешили и вот-вот войдут в столовую, а это по соседству с кухней. Мария отказалась от мысли спрятать Уго на втором этаже: их заметят, когда они будут подниматься по лестнице. Мария открыла дверь в маленькую кладовку.

– Даже не дыши! – грозно предупредила женщина.

Она втокнула Уго внутрь, подхватила кусок вяленого сала, как будто за ним и бегала, а потом захлопнула дверь.

В темноте, вдыхая ароматы съестных припасов, Уго слышал, как Мария здоровается с хозяином. Чужие голоса. Смех. Голос Ромеу. Нет, Рокафорт приехал не для того, чтобы разбираться в хозяйственных делах. В другой раз. Что ему сейчас нужно, так это лучшее вино и обильное угощение.

– Пускай девочки готовятся, – приказал Ромеу напоследок.

У юноши засосало под ложечкой, а потом засосало в тысячу раз сильнее: он узнал голос, прозвучавший в ответ:

– Надеюсь, они заслуживают тех похвал, которые мне довелось слышать.

– Даже не сомне...

Уго приоткрыл дверь. Рокафорт продолжал тараторить, но Уго уже не слушал. Прошло четыре года, мужчина стоял спиной – возле стола, где Ромеу разливал вино, и все-таки Уго не смог бы ошибиться, даже если бы прошел целый век. Вместе с мисером Рокафортом приехал Рожер Пуч. Вот он повернулся, чтобы принять из руки управляющего стеклянный бокал. У Пуча была густая холеная борода, рыжая, как и волосы на голове. Роскошь его одеяния подчеркивалась сдержанностью в наряде купца. Спесивостью Пуча можно было накормить пятерых.

– Прислуживай его чести, как подобает, – втолковывал своему управляющему Рокафорт. – Он вернулся из Греции, там его отвагу и его деяния запомнят навсегда, – бесстыдно льстил купец. – А теперь он вернулся в Барселону, чтобы присоединиться к армаде, которая отправится на Сицилию.

– А еще чтобы вступить в брак, – добавил Рожер Пуч. – Мой дядя заключил хороший брачный договор.

– Об этом я уже слышан. Примите сердечные поздравления. Жизнь вам улыбается. Вы молоды, знатны, богаты...

– Но не настолько, насколько мне бы хотелось!

– К сожалению, нет человека, богатого настолько, насколько бы ему хотелось.

– Это потому, что они не могут разбогатеть. – Рожер замолчал и многозначительно посмотрел на Ромеу. Рокафорт сделал управляющему знак удалиться. – А вот я – могу, – продолжил вельможа, когда Ромеу поспешно вышел. – Благодаря моему дядюшке я пользуюсь благоволением короля. И я могу заполучить сколько угодно дозволений, чтобы торговать на Средиземном море. В Греции я блестяще провел ряд тайных переговоров... Об их результатах мне следует молчать, скажу лишь, что они получили благосклонную оценку его величества.

Уго как зачарованный глядел в узкую щель; прямо перед ним промелькнула фигура в черном: одноглазый слуга. Уго поспешно закрылся и действительно перестал дышать, услышав, какой грохот произвела дверь, соприкоснувшись с деревянным косяком.

– Короли всегда просят встречных займов, – донеслось до перепуганного юноши.

Если его сейчас здесь обнаружат, у него не будет даже той возможности, которой он воспользовался в госпитале Колом, высадив глаз Матео.

– Я уже снаряжаю галеру на Сицилию, – добавил Рожер Пуч.

– Чего же вам недостает?

– Компаньона. Я не торговец и не намерен заниматься денежными вопросами...

Уго, не забывая о присутствии кривого слуги перед его дверью, слушал сопровождавшегося обильным угощением переговоры между Рокафортом и Пучем; дело кончилось тем, что под напором вельможи купец сдался, и они заключили договор, объединив опыт и немалые деньги одного компаньона со связями и скромным капиталом второго. Под конец они выпили за здоровье – и не единожды, а примерно столько раз, сколько сундуков желал наполнить в своих мечтах Рожер Пуч.

– Все это, безусловно, касается лишь первого и единственного корабля, – каждый раз повторял купец.

– Да вы в конце концов начнете за мной гоняться и умолять меня о новых кораблях, Рокафорт, – выкрикивал Рожер Пуч, проливая вино на шелковую котту. – Ну а теперь, когда мы обсудили все финансовые вопросы, – где же русские девушки?

– Не знаю, следует ли в такой ситуации... – Рокафорт уже был готов отказаться от своих обещаний, спрашивая себя, следует ли показывать двух юных невольниц пьяному дворянину, непредсказуемому в своих поступках.

– В какой еще ситуации? – прорычал Рожер. – Матео! – (Когда прозвучало имя слуги, Уго почувствовал, что одноглазый отошел от двери в кладовку.) – Тащи сюда обеих баб, мы же приехали на них полюбоваться!

– В этом нет нужды, – вмешался купец. – Я сам их приведу.

В столовой остались только хозяин и слуга.

– Ни шагу из этой комнаты, – услышал Уго приказ Рожера. – Этот торговец как-то не сильно настроен нам помогать.

Вернувшийся в столовую Рокафорт не мог не заметить, что одноглазый переменил позицию: он сместился в угол, откуда было видно все помещение. Мария и русские девушки вошли вслед за купцом.

Воцарилась тишина; Рожер Пуч уселся на стуле перед рабынями. Уго рискнул снова приоткрыть дверь. Молодой дворянин прихлебывал вино, красная жидкость стекала по его губам. Пуч машинально отер губы шелковым рукавом – его покрасневшие алчные глаза были прикованы к девичьим фигуркам.

– А вы были правы, – изрек он наконец. Протянул ладонь и ошупал плечо рабыни. От этого прикосновения девушка зарделась и вздрогнула. – Они как две голубки.

А потом Рожер Пуч неожиданно испустил крик. Это было завывание дикаря, и от этого звука содрогнулись все, кроме одноглазого слуги. Уго чуть было не вывалился из кладовой. Одна из девушек пошатнулась и едва не упала на пол – ее подхватила Мария; вторая залилась слезами.

– Вот как мы обходились с голубками в Греции, – процедил вельможа, глядя на рабынь, не понимавших его слов. – Мы их жрали. – Пуч сопровождал свою угрозу страшной гримасой: открыл рот, ощерил зубы наподобие клыков, а пальцами изобразил когти – вот это девушки поняли и попытались укрыться под защитой Марии и Рокафорта. – Прекрасно, – неожиданно спокойным тоном добавил Пуч. – Разденьте их.

– Но... – Голос у купца дрожал.

– Раздевайте, – жестко приказал вельможа. – Прежде чем купить одну из них, я должен убедиться в их достоинствах.

Уго довелось видеть уже многих женщин сквозь решетку давяльни, в которой принимали своих пациенток Аструга с Дольсой; некоторые из них были молоды и прекрасны, другие – не то чтобы очень, но юноша всегда чувствовал, как рот его наполнялся слюной, в паху начиналось сладкое беспокойство, а член наливался силой. Мария развязала тесемки на простор-

ных девичьих рубашках – и одежды скользнули по их телам и опустились к ногам. Ни одна из виденных прежде женщин не могла сравниться красотой, кротостью и невинностью с этими славянками, и все-таки Уго не ощутил никакого возбуждения. Юноша сжал кулаки и стиснул зубы, видя их оголенными и униженными, – обе опустили глаза долу, обе старались руками прикрыть груди и промежность от похотливого взгляда пьяного сластолюбца.

Мария что-то зашептала девушкам на ухо и сломила последнее сопротивление: они опустили руки. Теперь русские выставляли себя напоказ целиком, головы их были опущены, дыхание участилось, по щекам катились слезы.

– Лица! – прикрикнул на хозяйку Пуч.

Уго задрожал, когда Мария взяла девушек за подбородок и заставила поднять голову, чтобы встретиться с бесовскими глазами. Щель в двери кладовой то ширилась, то уменьшалась в такт kloкотанию ярости, бурлившей в сердце Уго. Никто не обращал внимания на эту дверь; все были захвачены созерцанием двух красавиц и плотоядной похотью Рожера Пуча. Уго едва сдержал себя, увидев, как Пуч тянет ладонь и оглаживает девичьи груди.

– Господин... – Рокафорт говорил, подбирая слова, боясь оскорбить вельможу. – Я прошу вас не трогать эту девушку.

Пуч даже не удостоил купца взглядом. Пуская слюну из открытого рта, он продолжал лапать девственные перси.

– Я ее покупаю. Вот эту! – объявил Пуч. – Матео!

Слуга отозвался на призыв так, как будто заранее знал, чего сейчас потребует его хозяин.

Одноглазый шагнул вперед, обхватил невольницу за талию и взвалил на плечо. Девушка завопила, Мария и Рокафорт оторопело застыли, а хозяин и слуга уже оглядывались в поисках какого-нибудь подходящего помещения. Рожер Пуч развязывал тесемки на своей шелковой котте, заляпанной вином и слюнями.

– Господин... – снова взмолился Рокафорт.

– Наверх. – Пуч указал на лестницу.

– Вы ведь не расплатились, – увещевал купец.

– Высчитаете ее цену из наших будущих прибылей, – бросил Пуч, даже не обернувшись, уже поднимаясь вслед за Матео, который нес девушку на плече.

Вопли рабыни отзывались эхом даже внутри кладовки. Кажется, сопротивлялась она недолго: очень скоро весь хутор был оглушен тишиной, которая длилась и длилась, пока наконец Рожер Пуч не спустился в столовую вместе с одноглазым.

– Вы не ошиблись, Рокафорт. Хороший товар. Доставьте ее в мой дом, – распорядился вельможа, а потом вышел за порог, сел на коня и поехал в сторону города.

Возродившаяся ненависть к человеку, который вернулся из глубин забвения, и почти полная уверенность, что одноглазый сделает все возможное, чтобы отыскать Уго, отчасти отвлекли юношу от его страданий. Теперь по ночам или в редкие минуты отдыха Уго думал не только о Дольсе: в его тревожные думы вторглись Рожер Пуч, его кривой слуга и даже сама Мария – ведь толстуха использовала любые поводы, чтобы придвинуться поближе и докучать ему поцелуями и ласками.

С тех пор как Ромеу встретил юного бродягу на виноградниках и привел на хутор Рокафорта, в Барселоне Уго не бывал. Не возвращался в церковь Святой Марии, не приходил к Арсенде. «Зачем? – говорил он себе. – Чтобы снова ей лгать?» Он не сумеет. Уго не мог представить, как скрывает скорбь по смерти возлюбленной, не мог помыслить о новой цепочке обманов, равносильных отказу от самого лучшего, что было в его жизни: от любви к еврейской девушке, а ведь с этим Арсенда никогда не смогла бы примириться. Здесь, в полях, пользуясь вымышленным предлогом скорби по матушке (от Антонины тоже не было никаких известий), Уго мог предаваться своей тоске и никто ему не мешал. Ромеу требовал только работы; его

жена навязчиво искала его общества, а девушкам, пока Рокафорт их не продал, было достаточно улыбки или сочувственного взгляда. Остальные рабы плакали, смеялись и болтали, пока жизнь мало-помалу проходила мимо них. «И мимо меня тоже», – порой думалось юноше.

В тот четверг, 14 декабря 1391 года, Уго услышал, как спорят Ромеу и Мария: обоим хотелось отправиться в Барселону. Оба желали посмотреть казнь арестованных после еврейского погрома, но кому-то непременно следовало оставаться на хуторе и присматривать за хозяйством. В конце концов дома осталась Мария. Уго тоже хотел увидеть, как свершится справедливость, поэтому пошел в город вместе с Ромеу.

– Тебе нравится смотреть казни? – спросил управляющий по дороге. Ответа он не ждал. Да Уго и не ответил. – Арестованы главные зачинщики мятежа... хотя я бы не стал наказывать людей, изничтоживших столько марранов. – Ромеу говорил сам с собой. – И многих удалось покрестить. Да разве это не благо для королевства? Ходят слухи, что на самом деле король гневается не из-за смерти евреев, а из-за бесчинства крестьян, спаливших государственные книги. Вообще-то, его величество даже помиловал некоторых участников мятежа. Но, как бы то ни было, зрелище будет стоящее.

Уго задавался вопросом, попал ли Лысый Пес в число помилованных. Треклятый Жоан Абат был одним из главных виновников бойни: его нож перерезал десятки шей... Он заслуживает казни.

– Кого помиловали? – спросил Уго.

Ромеу изумился, услышав голос Уго, но главное – его серьезный тон.

– Как и всегда, знатных. Нужно быть важной персоной, чтобы добиться королевского помилования.

Лысый Пес – не важная персона. Он просто-напросто сын мясника, держащего лавку у ворот Бокерия. Как только Уго услышал про казнь, он живо представил себе мерзавца на виселице. И уже не мог отделаться от этого образа. Уго желал все увидеть собственными глазами и насладиться мстостью. Дольса того заслуживает, все погибшие евреи того заслуживают! Юноша с тревогой покосился на управляющего, как будто одно только сострадание к евреям могло его выдать.

Барселона кипела. Виселицы подготовили в нескольких важных точках, они выселились как символы власти. Большинство виселиц стояли на своих постоянных местах, к ним добавили простые конструкции из двух вертикальных столбов и одной поперечины, но были и настоящие произведения строительного искусства – каменные, с круглой поперечиной, украшенные королевским и городским гербами. На постоянных виселицах часто оставляли болтаться трупы преступников – иногда до полного истлевания, даже если и приходилось вешать упавшие тела заново, иногда же до прихода королевского дозволения на похороны, однако ни одна казнь не обходилась без публики: чтобы горожане знали, что им грозит, и страшились королевского правосудия.

В тот день предстояло свершить правосудие над одиннадцатью мужчинами. Уго расстался с Ромеу и наблюдал, как вешают двух человек на площади Блат, скорее в тишине, чем под ликующие крики. Лысого Пса Уго не увидел. Еще до того, как перестал дергаться второй повешенный, Уго покинул площадь Блат и поспешил к замку викария: там тоже стояла виселица. Жоана Абата не было и там. Пареньку сказали, что на берегу тоже вешают, и он поспешил к морю по улице Мар... и тоже безрезультатно. Уго поднялся обратно по улице Мар, теперь он направился к воротам Орбс, где висел еще один преступник. Это был не Жоан Абат. Потом Уго побывал и на площади Санта-Анна, и на Новой площади. Снова не те. Последний приговоренный висел на площади Сант-Жауме, у самого еврейского квартала.

– Нет! – вырвалось у юноши при виде пузатого мужичонки, которого после смерти, как, наверное, и при жизни, комично уродовали ноги – раскоряченные, дряблые, коротенькие и пухлые.

Среди казненных Лысого Пса не оказалось. Уго замотал головой. «Убийца», – повторял он, в его памяти горел взгляд Дольсы. «Я была счастлива!» Уго вспомнил ее последние слова, а потом нож Амата...

– Убийца! – выкрикнул он уже в полный голос.

– Не лезь на рожон, – шепнул кто-то у него за спиной.

– Да ты... – Уго резко обернулся.

Жусеф Крескас. Тот самый, кто говорил, что мисер Арнау спас ему жизнь, как и Саулу. На Жусефе больше не было темного плаща с капюшоном, не было и желтого еврейского круга.

– Ты не должен называть его убийцей, – предупредил меняла. – Тут многие тебя не поймут: люди и сейчас считают, что не следовало казнить тех, кто убивает евреев.

Юноша и старый меняла, не сговариваясь, окинули взглядом горожан, теснящихся на улицах Барселоны. Город превратился в гигантский эшафот и всенародный праздник.

– Я не его назвал убийцей, – шепотом признался Уго. – Хотя и он наверняка убивал. Я имел в виду Лысого... мясника по имени Жоан Аमत, который перерезал горло...

Уго не мог продолжать, его душили слезы.

– В тюрьме викария сидят еще одиннадцать злодеев – ждут, чтобы король и их приказал казнить. Однако, к несчастью, Жоана Амата среди них нет, – сообщил Жусеф, и в голосе его ненависть брала верх над скорбью. – Мы его искали, Господу известно, как мы его искали, и викарий тоже искал, но Жоан Аमत исчез. Нам всем бы хотелось увидеть этого мерзавца на виселице.

Уго услышал шепот одобрения от спутников Жусефа: то были мужчины и женщины – согбенные, запуганные, пекущиеся лишь о том, как бы не оскорбить собравшихся вокруг христиан. Юноше показалось, что он видел кого-то из них прежде, когда ходил по еврейскому кварталу.

– Исчез... – повторил Уго больше для себя, чем для Жусефа. – Где я смогу вас разыскать? – спросил он, немного поразмыслив.

«Почему бы не попробовать? После нападения на еврейский квартал прошло четыре месяца, но куда мог податься Лысый Пес? Где ему искать работу?» – размышлял Уго, бредя по улице Бокерия. Самым лучшим решением для Амата было бы дождаться набора солдат в армаду, уходящую на Сицилию, – догадался юноша, вспомнив фигуру лысого в заржавленном шлеме и с арбалетом. Неразбериха при вербовке порядочная, потребность в войске срочная, так что начальству будет не важно, кто он таков; страсти уже улеглись, от петли Аमत сумел избавиться. Очень многие и сейчас считали, что Жоан Аमत действовал правильно, ведь выбор между смертью и крещением – это обычная практика на всем полуострове.

Квартал Дел-Пи, получивший свое название из-за одиноко стоящей высокой сосны¹⁴, вырос вокруг церкви Святой Марии у Сосны, между древними римскими стенами и новой стеной, достигавшей Рамблы, – теперь и их заменяли третьим поясом, охватывавшим Раваль. Точно так же как и Раваль, когда-то Пи состоял из огородов и разрозненных домиков, не входивших в черту Барселоны. Однако с течением лет квартал преобразился: теперь это был густонаселенный район с разноцветными зданиями, в которых проживали купцы и ремесленники, кузнецы, мастера-строители и каменотесы.

Вместе с кварталом росла и процветала приходская церковь Святой Марии у Сосны. В том самом 1391 году был положен последний камень храма, строительство которого длилось семьдесят лет. Уго сравнивал эту церковь со Святой Марией у Моря: один этаж, только один неф, просматривается вся целиком, сразу от входа; убранство скромное и вместе с тем величественное; неф широкий, чтобы прихожане могли видеть друг друга и ощущать тепло и раду-

¹⁴ Pi (кат.) – сосна.

шие, словно перед очагом; внутренние часовни перемежаются с контрфорсами, расположенными внутри, а не выведенными наружу. Неф был действительно шире, зато Святая Мария выигрывала в длине, высоте и общей ширине, а основное отличие между двумя храмами заключалось в том, что у Святой Марии у Моря имелись две восьмиугольные башни с колоколами. В квартале Дел-Пи задумали пристроить к церкви высокую башню и на ней разместить колокола. Король Педро Третий пообещал выделить деньги на строительство, и вот, доверившись слову монарха, каменщики из квартала Дел-Пи в 1379 году приступили к возведению башни. Однако король умер, так и не выполнив обещания. Деньги не поступили, и башня до сих пор стояла недостроенная и бесполезная, а колокола поместили на временную звонницу, воздвигнутую над воротами Авемария.

С улицы Бокерия Уго вышел к заднему фасаду церкви. К храму здесь примыкали бедняцкие дома и огород настоятеля, здесь же стояло доведенное едва ли до четверти сооружение, которому долженствовало стать большой церковной колокольней. Здесь Уго когда-то видел, как Лысый Пес и его отец упражняются в роли великанов, а ходили потом заносят в башню – там же, как позже выяснил мальчик, устраивала тайные сборища и вся шайка Жоана Амата.

Может быть, Лысый Пес и сейчас обретается поблизости. Уго поступил так же, как и когда охотился за своими сандалиями: спрятался на церковном кладбище там, где собирались слепые, устроился за большим крестом и принялся ждать. Ничего странного, если мерзавец и вправду решил прятаться именно здесь: во время кровавого штурма Нового замка Уго слышал, что один из самых яростных зачинщиков мятежа – настоятель церкви Святой Марии у Сосны. Определенно, если Агат до сих пор в Барселоне, он прибежал под защиту этого священника – туда, где привык скрываться еще мальчишкой. Жусефу Уго решил ничего не рассказывать, чтобы не пробуждать бесплодных надежд.

Среди могил юноша трясся от декабрьского холода: он был одет не по погоде, его укрывал только подаренный Ромеу старый суконный плащ. Жусеф сказал, что снимает дом и снова работает менялой на улице Ампле – той, что идет параллельно морю вдоль берега и хлебного рынка; туда-то и направился дрожащий сыщик, прежде чем колокол викария повелел расходиться по домам.

– Он прячется в колокольне Святой Марии у Сосны, – выпалил Уго на одном дыхании, стуча зубами.

Жусеф, не изменившись в лице, пригласил гостя в дом и провел к уютному теплому очагу. К огню жалось не меньше дюжины евреев: кто-то сидел, большинство стояли, самые младшие лежали на полу. Жусеф поставил для Уго стул и из висевшего над огнем большого черного котла налил полную миску дымящегося овощного супа.

– Я его выследил, – уверенно сообщил Уго старому меняле.

– После расскажешь, – спокойно ответил Жусеф, передавая миску. – Сначала приди в себя, не хватало еще заболеть.

– А где Саул? – спросил Уго, услышав о болезнях.

Красноречивого молчания оказалось достаточно. Уго не хотел проявлять лишнего любопытства, сидя в окружении всех этих евреев... теперь обращенных в христианство, бледных и потускневших, набившихся в маленький дом, – даже дыхание их было пропитано тоской. Юноша принял миску, руки его уже отогрелись, вот только чувствовать на себе чужие взгляды было неловко. Никто ничего не говорил, многие даже старались потише кашлять и вздыхать. Жусеф сел у очага рядом с Уго, отдавая пламени и взгляд, и чувства, а гость между тем приходил в себя с помощью супа и вина, которое принесла ему старая женщина – может быть, жена менялы.

– Я его видел, – наконец повторил Уго, сделав большой глоток. Вино было терпкое и кислое. – Он был от меня так же близко, как вы сейчас, – уточнил гость.

Да. Уго мог ощутить его запах, мог дотронуться, если бы всего лишь протянул руку, когда Лысый Пес неожиданно возник совсем рядом и справил нужду на соседнюю могилу. Уго перестал дышать, сердце его колотилось, он не шелохнулся, пока убийца не ушел обратно в колокольню.

– Он, безусловно, рассчитывает записаться в сицилийскую армаду, – добавил Уго.

– Мы уьем его раньше, этой же ночью! – загомонили гости.

Эта мысль всем показалась замечательной. Только Жусеф продолжал молча смотреть на огонь. В конце концов все замолчали в ожидании его решения.

– Завтра рано утром я пойду к викарию. Он арестует и казнит Амата. Я уверен. И кстати, – старик обернулся к Уго, – не называй меня Жусеф, теперь меня зовут Раймундо... Раймундо Саграу.

Чуть позже, отведа Уго в сторону, старый меняла спросил:

– Что тебе сделал этот человек?

– Он украл мои сандалии, – серьезно ответил Уго.

Еврей задумчиво кивнул.

В пятницу, 22 декабря 1391 года, король Хуан, беспощадный даже накануне Рождества, повелел казнить двенадцать преступников: одного генуэзского корсара и одиннадцать бунтовщиков, напавших на еврейский квартал; среди них был и Жоан Аamat, арестованный, как и предсказал Раймундо, по распоряжению викария. Уго хотел присутствовать при аресте, но ему сначала запретили, поскольку викарий задумал захватить преступника врасплох. Раймундо уговорил чиновника, и тот уступил.

Один удар ногой по доскам, заменявшим на колокольне дверь, освободил проход солдатам викария. Уго внутрь не пошел. Удары, крики, команды – и вот уже Жоан Аamat, со связанными спереди руками и подгоняемый пикой сзади, выходит из колокольни под конвоем солдат.

Уго вовремя успел уклониться от плевка Лысого Пса.

– Нужно было тебя убить еще в Жироне, – выкрикнул Аamat.

Уго издевательски ухмыльнулся:

– Луковицы и сандалии приведут тебя на виселицу, ты, убийца и сволочь.

– На виселицу? – повторил викарий, глядя, как из недостроенной колокольни выносят награбленное добро. Набралась целая куча. – Этого молодца четвертуют. Он не заслуживает петли.

И так все и вышло. В пятницу по городу снимали тела преступников, повешенных восемь дней назад, а затем повесили следующих. Жоан Аamat, как и сказал викарий, был четвертован. Стоя на площади Сант-Жауме, возле ворот в еврейский квартал, Уго смотрел, как выводят Лысого Пса. Вновь обращенные евреи смешались с толпой и старались ничем себя не проявлять; горожане хлопали в ладоши и прославляли короля. Жоан Аamat плакал. Его волочили двое солдат. Лысый подвывал и молил о милосердии! Как будто он сам был милосерден к Дольсе.

«Теперь он твой, Дольса, – бормотал Уго, видя Лысого Пса на коленях, с головой на плахе. – Теперь он твой».

На площади наступила тишина. Сверкнул топор, и горожане разразились новыми криками. В памяти Уго кровь Лысого Пса смешивалась с кровью Дольсы. Кровь! Юноша обнаружил, что кулаки его судорожно сжаты, и он даже не помнит, кричал ли он вместе со всеми. Ноги дрожали, голова кружилась, а в памяти оживали эпизоды из прошлого: сандалии, топорик, арест Берната, путешествие в Жирону... и страх! Уго посмотрел на отрубленную голову: как раз в этот момент солдат подбирал ее, чтобы не оставлять на поживу собакам.

«Вот и конец, Дольса, – сказал про себя Уго. – У христиан есть надежда заново встретиться на небесах. А вы, иудеи, на небо, кажется, не попадаете».

Уго стоял неподвижно, пока палач топором и ножом расчленил тело Жоана Амата на четыре части: грудная клетка с руками, паховая область, ноги. «Может быть, мне придется стать евреем, чтобы снова с ней встретиться. Есть ли у евреев небеса?» – раздумывал Уго, не теряя из виду солдата, который теперь насаживал голову Амата на высокий шест, вбитый в землю рядом с воротами в еврейский квартал. Четверти трупа разнесли по разным частям Барселоны, прицепив крюками на длинные шесты: одну часть вместе с головой оставили на самой площади Сант-Жауме, другую поместили у конторы писарей, третью – во дворе викария, а последнюю – рядом с виселицами на площади Блат. Там они будут выставлены на обозрение горожан до тех пор, пока с ними не покончат собаки и птицы или пока не останутся только кости, – в чем Уго имел возможность убедиться позже, в те дни, когда приходил в Барселону с хутора Рокафорта: ведь, бывая в городе, он не упускал случая зайти на площадь Сант-Жауме, чтобы увидеть голову и четверть тела палача, перерезавшего горло Дольсе.

– Я тебе благодарен... мы все тебе благодарны, – услышал он шепот Раймундо, когда горожане, удовлетворив нездоровое любопытство, начинали расходиться с площади. – Что я могу для тебя сделать?

«Верните мне Дольсу» – вот о чем хотел попросить Уго.

– У евреев есть небеса? – спросил он вместо этого.

Раймундо побледнел и огляделся по сторонам. Уго понял свою ошибку. Кажется, никто на площади его не слышал.

– Простите, – повинулся он и добавил: – Ничего. Вы ничего не должны для меня делать.

Они снова встретились через несколько дней на площади Сант-Жауме, перед головой Лысого Пса: челюсть отвалилась, птицы расклевали щеки, глаза и язык.

– Я так и думал, что ты вернешься, – сказал Раймундо вместо приветствия. – Я не знал, где тебя искать, и отправлял детей караулить на площади, чтобы они предупредили о твоём появлении.

– Зачем я вам нужен? – поинтересовался Уго, не отводя взгляда от останков человека, убившего Дольсу.

– У меня есть что тебе предложить. Пройдемся?

Уго пожал плечами и пошел рядом.

В отличие от ночи, когда парень прибежал к меняле, чтобы открыть, где скрывается Жоан Аamat, в этот день Уго с Раймундо вели разговор один на один, сидя за столом в конторе на улице Ампле; помещение было простое и скромное, обставленное лишь тем, что необходимо для работы: счетные книги, старый стол со скатертью, по которой трудно было определить, что когда-то она была красной; резак, чтобы располовинивать фальшивые монеты.

– На днях я говорил о делах с Жакобом и двумя его сыновьями, Давидом и Саулом, – начал беседу меняла. – Я так понимаю, ты с ними знаком. – (Уго кивнул в ответ: Саул ведь был женихом Дольсы.) – Никто из них не может взять на себя заботы о винограднике их деда: они ничего не понимают в земледелии, а о Маире нет никаких известий, поэтому его считают погибшим во время еврейского погрома. До сих пор их семья держалась как могла стараниями Жакоба-перекупщика, однако, чтобы жить дальше, им нужны деньги. Во время бунта они лишились многого, да к тому же людям их профессии пришлось особенно тяжело: евреям запретили торговать... но обращенным потом все же разрешили. Вот почему их семья просит помощи у меня: они не могут продать виноградник – а вдруг Маир все еще жив? К тому же за этот надел, учитывая его нынешнее состояние, они хороших денег не выручат. С другой стороны, если семья начнет обрабатывать виноградник должным образом, они могли бы получать доход, который поможет им обеспечить и даже выплатить столь важный для семьи заем. Что ты ответишь?

Уго пожал плечами, он так и не мог понять, в чем состоит предложение.

– Тебе предлагается возделывать этот виноградник, – пояснил меняла.

– Мне? Но у меня нет денег. Почему?..

– По многим причинам, – перебил Раймундо. – Первое: потому что они знают, с какой нежностью относились к тебе Маир, Дольса и даже старый Саул. Второе: потому что Маир всегда хорошо отзывался о тебе, о твоём усердии в работе на земле, а его слово способно послужить гарантией. И последнее, оно же самое главное: они верят, что, если Маир однажды вернется, ты сразу же расторгнешь договор, в этот самый день и час. Такого обещания, кроме тебя, никто и не даст – ведь верно?

– Верно.

Раймундо был прав. Уго тосковал по Маиру. И он не подведет: худой еврей успел превратиться для него в учителя.

– Значит, ты согласен?

– Да, – твердо сказал Уго. Терять ему было нечего.

Раймундо вызвался обо всем договориться с Жакобом.

– Почему вы это для меня делаете?

– А почему ты сделал для нас то?

– Я же говорил: тот негодяй украл мои сандалии.

– А еще он убил Дольсу и Астругу, поэтому тоже?

– Да, – признал Уго.

Они молча разделили эту тайну. А потом Раймундо заговорил обо всех, чья судьба так интересовала юношу. Уго уже знал, что старый Саул погиб.

– Ему можно было даже не резать горло, – вздохнул Раймундо. – Увидев смерть дочери и внучки, он уже умирал на ходу, ему не хватало воздуха.

О Маире, как и было сказано, никто ничего не знал. В отличие от своего отца, сестры и племянницы, которые, будучи врачами, решили остаться вместе с другими евреями в Новом замке, Маир воспользовался возможностью и бежал прежде, чем случился первый погром. С тех пор его больше не видели. Жакоб и его семья последовали примеру Маира и тоже бежали. Обратились в христианство. И теперь живут в Барселоне.

– А что с Рехиной? – спросил Уго. – Вы знаете Рехину? Она вместе с Дольсой училась врачеванию у Аструги. Вы что-то о ней слышали?

– Ну конечно! Это ведь дочь Бонухи Кер. Ей тоже посчастливилось убежать. Бедняжка едва не погибла, но ее спас один человек, теперь она вышла за него замуж.

– Кто ее спас?

– Еврей, Мосе Вивес.

– Ее спас... Мосе?..

– Вивес. Он врач. Никто не мог и представить. Этот человек не то чтобы... ну как тебе объяснить? – А объяснений и не требовалось. Уго запомнил этого старикана еще на площади Сант-Жауме: низенький, щуплый, на лице один только страх. – Его жена погибла во время погрома и оставила его вдовцом с двумя малышами на руках. Вивес спас Рехину, и вот они поженились, и, насколько мне известно, девушка продолжает учиться врачеванию под его началом. Мосе нуждается в новой матери для своих детей, Рехина – в мужчине, который будет о ней заботиться. Вспомни, ведь нам тогда приходилось перестраивать семьи и внутренние связи...

– А откуда известно, что именно он спас Рехину?

Раймундо пожал плечами:

– Девушка находилась в квартале. Ее отца убили. Разве нужно выдумывать какую-то историю? Многие беженцы в Городском Доме видели, как Мосе привел ее, нагую, завернутую только в простыню. Что еще это может означать?

– Да, – согласился Уго. – Никак иначе и быть не могло.

Часть вторая. Между верностью и предательством

10

Барселона, 1394 год

Уго радостно слушал, как на улицах Барселоны кричат про его вино. Этот порядок ввели городские власти: хозяин любой таверны должен сделать объявление, прежде чем приступить к продаже нового сорта.

– Сегодня в таверне Андреса Бенета, что на улице Флассадерс, – верещал сам Андрес Бенет, перешедший уже на площадь Сант-Жауме, где было больше народу, – будет откупорена бочка красного вина с виноградника Уго Льора, и да будет об этом известно гражданам Барселоны!

Уго продал Бенету немалую часть красного вина последнего урожая. Как всегда и бывало, бастайши взялись перенести бочки с вином в Барселону – после того, как власти их замерят и опечатают и будут уплачены надлежащие налоги.

Уго пригласил бастайшей выпить по стаканчику, он гордился своим виноградником и своим напитком. Парень налил всем вина с того самого участка, который граничит с огородом Вилаторты, это вино для него было связано с Дольсой; после переливания и очистки Уго хранил его в бочках, накрытых плотной просмоленной тканью. Бастайши даже не пытались распробовать редкостный вкус вина: мужчины выпили залпом, не смакуя, как самое обыкновенное молодое вино, но Уго-то знал, что это особенный сорт, и то же самое подтвердили ему люди понимающие. Уго продавал вино как выдержанное, урожая прошлого года. А часть урожая с участка Вилаторты оставил храниться и стариться в бочках. Он знал, что вино трудно продержать больше года, чтобы оно не скисло, но это была мечта Маира, которой он так и не достиг, хотя тоже ставил опыты на малых партиях. Уго всегда старался утешить своего учителя, когда они вместе пробовали такое вино и убеждались, что теперь это просто уксус. «Вот у римлян получалось, – сетовал Маир. – Знаменитое фалернское вино должно было простоять самое меньшее десять лет, и только потом его открывали. Писатели тех времен сообщают и о гораздо более старых винах: Плиний писал про сто шестьдесят лет, Гораций – про сотню. Почему же у меня не получается выдержать напиток дольше одного года?»

«Все потому, дорогой Маир, что вы не работали с тем виноградом, который возле Вилаторты», – сам себе отвечал Уго, когда подходил к своим бочкам и убеждался, что вино старится, но не киснет. Это вино было значительно крепче остальных. Быть может, именно благодаря такой особенности оно и не превращалось в уксус. Стоя возле своих бочек, с гордостью слыша, как объявляют и расхваливают его вино, Уго думал о том, как же сильно переменялась его жизнь за последние три года. Он по-прежнему жил в давяльне, как и при Маире. Мотыги, ведра и бочки тоже оставались на своих местах; Уго даже посчастливилось найти сбережения Маира, которые тот закопал в землю.

Раймундо выполнил свое обещание, и вскоре после встречи в меняльной конторе Уго с Жакобом заключили договор *rabassa morta*¹⁵: особый вид договора для виноградарей, по которому Уго получал право на пользование в качестве арендатора землями Жакоба сроком до гибели двух третей самых молодых кустов. Вспомнив поучения Маира, Уго подсчитал, что договор, вероятно, не утратит своей силы лет сорок, а то и дольше... если только Маир не вернется. А позже Уго выяснил, что такие договоры о смерти кустов обычно продлевают на самый

¹⁵ О мертвом стволе (*кат.*).

неопределенный срок, как в случае настоящей аренды, применяя для этого всем известную хитрость: новые кусты образуют с помощью *capficat*¹⁶, то есть, не обрезая, закапывают в почву побег живой лозы, чтобы от него зародился новый куст. А в этом случае можно утверждать, что кусты и не умирали. В обмен на пользование землей Уго обязался выплачивать Жакобу ежегодную ренту.

Да, работа проделана немалая, признавался сам себе молодой виноградарь, стоя возле бочек. Ему даже пришлось просить о помощи Ромеу, когда не хватало рабочих рук. Уго заранее понимал, что управляющий примет его не слишком ласково, однако все его попытки нанять свободных поденщиков провалились: многие отказывались, почитая за унижение работать под началом юнца, которому тогда всего-то сравнялось семнадцать лет, а те, кто соглашался, считали себя в полном праве наставлять и поучать своего нанимателя – такое случилось два раза подряд, поденщики задирали нос и сильно лодырничали. Уго заранее предполагал, что Ромеу даст ему в помощь рабов, и так все и вышло.

– Когда вы закончите на вашем винограднике, ты вернешь мне долг работой на земле Рокафорта, – предложил Ромеу.

– Как же я смогу отработать сразу за несколько человек?

– Нет, мне не это от тебя нужно. Уго, у меня с каждым днем появляется все больше хлопот. Рокафорт только тем и занят, что дает мне поручения, ничего общего не имеющие с земледелием, а за рабами присматривает Жоан. Да ты его знаешь, он человек надежный. Проблема в том, что рабы ничего не умеют. Я хочу, чтобы ты их научил. Согласен?

Уго согласился. Другого выхода у него не было.

– Мне не нравится эта затея с рабами, – не удержался юноша, сидя на кухне вместе с Марией, которая его угощала сыром и вином.

Уго решил сначала выполнить свою часть договора: тогда на его виноградник придут работники, хотя бы немного обученные.

– Совсем не обязательно, что все будет так, как с той русской девушкой, – ответила Мария, вспомнив о том, как девушку изнасиловали в этом самом доме. – Здесь, в Каталонии, с рабами обращаются вполне сносно. Как правило, их освобождают или они сами обеспечивают себе выкуп.

– Как это?

– Хозяин готов предоставить рабу свободу за определенную плату. Каждый месяц они вносят небольшую сумму, и есть еще ряд условий, обязательных для выполнения: раб должен представить человека, который возьмет на себя ответственность в случае побега; должен собственным трудом добывать себе пропитание; должен еженедельно являться к своему хозяину; не имеет права покидать Барселону и чаще всего рабам не дозволяется жениться – чтобы не было лишних расходов. Понятно?

Уго кивнул.

– Кроме тех русских девушек, я общался только с одним рабом – пленным генуэзцем, за которым я носил ядро, чтобы тот мог работать. Это хороший человек, он, наверное, никому не причинил зла. Никто не должен платить за свою свободу! – не сдавался Уго.

– Может быть, может быть, но все обстоит именно так, и ты тут ничего не изменишь. И все-таки я думаю, ты сумеешь помочь этим горемыкам.

– Что вы имеете в виду?

– Ты знающий земледелец. Разбираешься в лозах и в вине и их тоже научишь. Чтобы вносить выкуп, им всегда нужно ремесло: будут зарабатывать – будут платить хозяину. Чем больше всяких навыков они получают, тем легче им будет добиться свободы.

¹⁶ Погружение (*кат.*).

– А что от этой свободы получает хозяин? – выпрашивал Уго. – Не пытайтесь меня убедить, что ваш господин освобождает рабов себе в убыток!

Мария рассмеялась.

– Выкуп всегда гораздо больше, чем стоил раб при покупке, – признала она.

– Значит, они вынуждены покупать сами себя и платить больше, чем они на самом деле стоят?

– Да, это так. И с этим ты тоже ничего не поделаешь. Ромеу пользуется тобой, твоей готовностью помогать и твоей потребностью в рабочих руках. Ты думаешь, он не знал, что ты ищешь поденщиков?

Уго засопел.

– Но ведь и ты можешь кое-что получить за его счет, – шепнула женщина.

– Не понимаю. Это как?

Юноша понял, когда Мария задрала рубаху и обнажила ядреные груди с коричневыми ореолами; соски были толщиной почти с мизинец. Сколько времени Уго не был с женщиной? Дольса. Он познал только ее. «Нет», – вырвалось у юноши. Ему казалось, он предает Дольсу уже одной только эрекцией, нахлынувшей от взгляда на роскошные груди, но Мария не дала ему времени на раздумье: женщина шагнула вперед и уселась на паренька верхом, и вот, прямо на кухне, торопливо освобождаясь от лишней одежды, приглушая стоны и вздохи, поначалу приглядывая за дверью, а после отдавшись на волю судьбы, они совокупились. Одна лишь мысль о появлении во дворе Ромеу или, хуже того, одноглазого слуги подстегивала Уго. Неожиданно для него опасность превращалась в страсть, в составляющую любовной игры, а взгляды на открытую дверь в ритме колыбаний Марии, под ее оханье и сбивчивое сопение – все это приносило неведомое доселе наслаждение.

Уго вернулся на хутор Рокафорта. Он согласился на помощь рабов, а сам, в свою очередь, помогал им, делясь своими умениями. Благоприятная погода и упорный труд приносили свои плоды. К этому Уго прибавил все наставления Маира, имевшие отношение к производству вина, но если в итоге ему удалось добиться, чтобы distinguished Андрес Бенет купил и выкликал его выдержанный сорт на самых оживленных площадях, то это благодаря прилежанию и заботе, с которыми молодой винодел относился к каждому этапу своего труда.

Подходит время наслаждаться хорошо сделанной работой, подумал Уго. И сам себя угостил стаканом вина. Его аромат тотчас напомнил юноше о Дольсе. «Дольса...» Каждую ночь Уго заставлял себя ее оплакивать, чтобы возлюбленная не исчезла из его памяти. По временам образ девушки из еврейского квартала расплывался, на его месте возникала какая-нибудь красотка – одна улыбнулась ему в церкви Святой Марии, другая встретила на улице, и Уго корил себя за то, что способен так быстро забыть Дольсу. И тогда он приступал к поискам: зажимал глаза и напрягал память, пока наконец не обретал точные черты еврейской девушки. Уго без конца спрашивал себя, почему Дольса выбрала смерть. Говорили, что в тот день женщин погибло больше, чем мужчин: они умирали, но не отказывались от своих убеждений.

Четвертование Лысого Пса завершило череду казней, и король Хуан попытался возродить в Барселоне еврейскую общину, приносившую ему немалый доход: Хуан гарантировал евреям такие права, которыми они никогда прежде не обладали, пообещал освобождение от налогов сроком на три года, включая и повинность кормления львов и других животных из зверинца в Малом дворце – в прошлом эта обязанность лежала на евреях. Однако евреи, до сих пор проживавшие в городе, воспротивились королевскому решению, и Барселона была объявлена городом без еврейского квартала. В декабре 1392 года разрушили башню при входе на улицу Каль, прежние названия улиц заменили именами святых, а дома передали христианам. Еще через два года лишившиеся домов обращенные евреи Барселоны, пытаясь развеять сомнения и опасения по поводу их новой веры, взяли на себя строительство новой церкви в

месте, прежде бывшем малым еврейским кварталом, – этот храм будет посвящен Пресвятой Троице.

А ведь неподалеку от малого еврейского квартала, на улице Санауха, теперь живет Рехина со своим мужем Мосе и его детьми, – вот что вспомнилось Уго. За прошедшие годы он несколько раз заходил к ним в гости и никак не мог отделаться от впечатления, что этот дом с толстыми каменными стенами в точности напоминает дома зажиточных христианских семей.

Рехине сейчас было девятнадцать роскошных лет (как и самому Уго), и каждое ее движение дышало чувственностью: она превратилась в женщину с открытой улыбкой и сверкающими глазами, со струящейся речью и чарующими манерами. Рехина знала, чем она привлекает мужчин, и Уго, как и при жизни Дольсы, поневоле взглядывал на ее красивый носик, отрываясь от налитых грудей. Попивая вино возле бочек, Уго подумал, что давненько не заходил к ней в дом: дело в том, что в гостях у Рехины Уго всегда вспоминал тот день, три года назад, когда пришел к ней за помощью вместе с Раймундо. Уго тогда привел к меняле низкую тележку без бортов, с двумя тяжелыми деревянными колесами, запряженную мулом Ромеу: в ней лежала дрожащая в лихорадке русская рабыня, которую изнасиловал Рожер Пуч.

Случай с Пучем и рабыней много дней не давал Уго покоя, но парень был уверен, что русскую, как и распорядился ее новый владелец, перевезли для утех к нему в замок. При воспоминании о воплях русской девушки, доносившихся со второго этажа, у юноши волосы вставали дыбом, и он сворачивался клубком на своем тюфяке, силясь избавиться от образа этой несчастной, которую раз за разом насиловал знатный ублюдок.

Удивиться пришлось в тот день, когда Уго решил проститься с Марией перед возвращением в давальню на винограднике Саула, теперь принадлежавшем Жакобу. Уго искал хозяйку, когда услышал плач, доносившийся из спальни рабынь. Парень постучал – никто не отозвался. Плач не смолкал. Входить к рабыням было запрещено, но Ромеу находился в Барселоне, а рабы-мужчины – на полях. Уго открыл дверь. Мария держала за руку девушку, исхудавшую почти до костей: она вся пожухла и больше напоминала труп.

– Она истекала кровью, – объяснила Мария. – Мы не придали значения. В первый раз ведь всегда идет кровь. Но кровотечение никак не останавливалось. Рокафорт не желал и слышать о врачах, он был уверен, что за эту рабыню ему уже ничего не выручить. Пришлось обратиться к знахарке. Теперь девушку бьет лихорадка и ей совсем плохо.

– И вы ей ничем не поможете? – возмутился Уго, так и не отваживаясь подойти к постели.

Вскоре уже сама Мария запрягала для Уго мула в тележку.

– Да поможет ей Господь, – шепнула женщина, когда Уго подстегнул мула.

В городе к странному каравану присоединился Раймундо, они остановились возле дома Мосе Вивеса на улице Санауха.

– Рехина, за тобой долг.

Этими словами Уго стер с лиц Мосе и Рехины гримасу недовольства, которая появилась, когда хозяева заглянули под тряпки, прикрывавшие лежащую в тележке Катерину, – в тот день Уго впервые услышал имя русской невольницы.

– И вы тоже мне должны! – выкрикнул Уго в лицо тщедушному суетливому врачу, увидев его нежелание помогать.

А лежащая девушка повернула голову, и взгляд ее прозрачных глаз устремился к Уго, как будто русская понимала, что все зависит от этого паренька. Катерина попыталась поднять руку, но смогла лишь чуть заметно пошевелить запястьем. Попыталась заговорить, но неразборчивый лепет на ее непонятном языке оборвался, когда Мосе с Рехиной понесли девушку в свой дом.

И Катерина выжила! – радовался Уго, вспоминая о своем вмешательстве, о помощи Рехины и Мосе. Хотя нашлись и такие, например Арсенда, кто говорил, что лучше бы ей было умереть. Уго пересказал сестре историю русской невольницы, умолчав только о роли, кото-

рую сыграл он сам. «Почему я все время должен ее обманывать?» – упрекал он сам себя уже после встречи. Арсенда резко осуждала общение Уго с чужеземными рабами. «Их крестят в порту, просто чтобы мы думали, что все эти рабы с Востока – христиане, но разве они что-то знают об Иисусе? Разве они ходят к мессе? Они даже языка нашего не знают». Уго переставал слушать сестру и прижимался к стене, как только Арсенда заводила свои проповеди, направленные против любого поведения, всякого поступка, какой не подобал бы благочестивому и набожному святоше. Старший брат только кивал в ответ, поглядывая на улицу, куда выходили дома монахинь Жункереса. Слова Арсенды эхом отдавались в ночи, а Уго думал о своем: это проклятая монахиня, имени которой парень никак не мог запомнить, диктует его сестре речи, направленные на обращение брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.